

У НАС ВСЕГДА
БУДЕТ ПАРИЖ

РЭЙ
БРЭДБЕРИ

БРЭДБЕРИ СНОВА ДЕМОНИСТРИРУЕТ СВОЮ
ФИРМЕННУЮ СМЕСЬ ЮМОРА, ЭКСЦЕНТРИКИ
И ТЕПЛОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЧУВСТВА.

LIBRARY JOURNAL

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР · ЧИТАЕТ ВСЬ МИР

У НАС ВСЕГДА
БУДЕТ ПАРИЖ

РЭЙ БРЭДБЕРИ

Санкт-Петербург
ДОМИНО

ЭКСМО
Москва

2011

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Б 89

Ray Bradbury

WE'LL ALWAYS HAVE PARIS

Copyright © 2009 by Ray Bradbury

Перевод с английского *Елены Петровой*

Оформление *Андрея Старикова*

В оформлении переплета
использован рисунок *Вячеслава Коробейникова*

Оригинал-макет подготовлен
Издательским домом «Домино»

Брэдли Р.
Б 89 У нас всегда будет Париж : рассказы / Рэй Брэдли ; [пер. с англ. Е. Петровой]. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2011. — 256 с. — (Интеллектуальный бестселлер).

ISBN 978-5-699-42780-2

Впервые на русском — новейший сборник великого мастера, которому в августе 2010 года исполнится 90 лет. В этих двадцати двух никогда прежде не публиковавшихся историях Брэдли снова демонстрирует чудеса, неподвластные другим кудесникам: голоса эфира облекаются плотью и кровью, сердце погибшего молодым знаменитого актера продолжает биться в чужой груди, пес при монастырской больнице принимает исповедь, а над полем для ночного гольфа сгушается непроглядная тьма...

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Петрова Е., перевод
на русский язык, 2010

© Издание на русском
языке, оформление.

ISBN 978-5-699-42780-2

ООО «Издательство «Эксмо», 2011

*С любовью — другу всей моей жизни
Дональду Харкинсу,
похороненному в Париже*

Предисловие

Наблюдаем и пишем

Рассказы, вошедшие в этот сборник, созданы двумя авторами. Один из них наблюдает, а другой записывает.

Во мне с давних пор уживаются эти двое; они руководствуются одним девизом, который целых семьдесят лет висит у меня над пишущей машинкой: «Не рассуждай — делай».

Ни один из этих рассказов специально не планировался — каждый возник в результате взрыва или импульса. Взрыв идей временами достигает огромной, сокрушительной силы, а импульс может оказаться едва уловимым — приходится его лелеять, чтобы не загубить.

Мне самому наиболее близок «Массинелло Пьетро»: эта история произошла много лет назад, когда я в возрасте двадцати с небольшим лет снимал квартиру в центре Лос-Анджелеса. С Мас-

8 *Рэй Брэдбери*

синелло Пьетро мы дружили; я пытался защитить его от полиции и, как мог, поддерживал во время суда. Сюжет рассказа навеян этим знакомством; во многих отношениях он, по сути, основан на реальных событиях — мое дело было только записать.

Другие сюжеты, каждый в свой черед, приходили ко мне на протяжении всей моей жизни — с ранней юности до зрелых лет и далее. За каждым из них стоит потрясение. Всякий раз я брался за перо потому, что не мог иначе. Для меня писать рассказы — все равно что дышать. Я смотрю вокруг, нахожу идею, проникаюсь к ней любовью и стараюсь долго не рассуждать. Потом записываю: просто даю ей возможность поскорее выплеснуться на бумагу.

Итак, перед вами — результат совместного творчества двух писателей, живущих у меня в голове. Некоторые сюжеты, полагаю, вас удивят. И это хорошо. Я и сам удивился, когда они у меня созрели и стали проситься на свет. Надеюсь, книжка придется вам по душе. Об этих историях не надо долго рассуждать. Просто постарайтесь, как я, проникнуться к ним любовью.

Прошу!

Рэй Брэдбери
Август 2008 года

Массинелло Пьетро

Он покормил канареек и гусей, собак и кошек. А вслед за тем покрутил ручку ржавого патефона и под надтреснутые звуки «Сказок Венского леса» затянул:

Шумит зеленый лес,
Приди в страну чудес.

Пританцовывая, он услышал, как перед его лавчонкой затормозила машина. У него на глазах человек в серой шляпе устремил свой взор поверх витрины и заскользил вниз; очевидно, он читал вывеску, на которой огромными кривыми синими буквами значилось: «ЯСЛИ. Все бесплатно! Любовь и милосердие для каждого!»

Посетитель остановился на пороге.

— Мистер Массинелло Пьетро?

Сияя улыбкой, Пьетро энергично закивал:

— Входите. Приехали меня арестовать? Хотите отправить за решетку?

Незнакомец сверился со своим блокнотом.

— Более известный как Альфред Флонн? — Он уставился на серебряные бубенцы, украшавшие жилетку Пьетро.

— Он самый! — Пьетро сверкнул глазами.

Посетителю стало не по себе. Он огляделся: в помещении громоздились клетки для птиц и упаковочные ящики. Со стороны черного хода в лавку ринулись гуси, которые смирili незваного гостя сердитыми взглядами и резво поковыляли обратно. На высоких шестах лениво моргали четыре длиннохвостых попугая. Нежно ворковала пара индийских неразлучников. У ног Пьетро крутились три таксы, требуя, чтобы он наклонился и хотя бы одной рукой потрепал каждую по загривку. На одном плече у него сидела майна, свесившая свой желтый клюв-банан, а на другом пригласлась зебровая амадина.

— Присаживайтесь! — нараспев пригласил Пьетро. — Я только что поставил музыку: лучшее начало дня!

Он быстро покрутил ручку патефона и переставил иглу.

— Не спорю, не спорю. — Гость даже посмеялся, выказывая терпимость. — Моя фамилия Тиффани, я представитель окружной прокуратуры. На вас поступают жалобы. — Он обвел рукой загроможденную лавку. — В связи с нарушением сани-

тарных норм. Все эти утки, еноты, белые мыши. Карантинная зона отсутствует, район неподходящий. Вам придется очистить помещение.

— На меня уже шестеро наезжали.— Пьетро стал гордо загибать пальцы.— Двое судей, трое полицейских и окружной прокурор собственной персоной!

— Ровно месяц назад вам вручили официальное предписание, в котором было сказано, что в течение тридцати дней вы обязаны устранить источник нарушения общественного порядка; в противном случае вам грозит тюремное заключение,— объявил Тиффани, перекрикивая музыку.— Мы терпеливо ждали.

— Это я,— произнес Пьетро,— терпеливо ждал. Я ждал, что этот мир поумнеет. Ждал, что прекратятся войны. Ждал, что политики станут честными. Ждал — тра-ля-ля,— что торговцы недвижимостью начнут уважать закон. Но ждал я в танце! — И он это продемонстрировал.

— Да вы оглянитесь вокруг! — запротестовал Тиффани.

— Чудо, правда? Видите мой алтарь во имя Девы Марии? — Пьетро указал пальцем.— А вот здесь, на стене, в рамочке — письмо от секретаря самого архиепископа: в нем сказано, как много добра я сделал для бедных! Ведь я в свое время был состоятельным человеком. Владел недвижимостью,

держал гостиницу. А лет этак двадцать тому назад один человек отнял у меня все, да еще жену увел. И знаете, как я поступил? Вложил те крохи, что еще остались, в собак, гусей, мышей, попугаев — в тех, кто не предает, кто заводит дружбу раз и навсегда. И еще патефон купил — он никогда не унывает, знай себе поет!

— Это к делу не относится,— содрогнулся Тиффани.— Соседи жалуются, что в четыре часа утра... мм... вы со своим патефоном...

— Музыка лучше воды и мыла!

Прикрыв глаза, Тиффани отбарабанил речь, которую знал наизусть:

— Если до захода солнца не уберешь отсюда этих кроликов, обезьяну, попугаев и прочих тварей — жди «черный воронок».

Мистер Пьетро кивал в ответ на каждое слово и улыбался, но был начеку.

— А что я такого сделал? Совершил убийство? Ребенка пришиб? Часы украл? Подделал закладную? Город разбомбил? Открыл стрельбу? Изолгался? Обсчитал покупателя? Забыл Господа? Беру взятки? Толкаю наркотики? Торгую невинными девушками?

— Разумеется, нет.

— Вы скажите толком, что я такого сделал? Пальцем укажите, конкретно. Мои собаки — чудовищное зло, не так ли? Эти птички — их пение вну-

шает ужас, верно? Патефон — тоже, знаете ли, страшная штука. Валяйте, запирайте меня в камеру и выбросьте ключ. Все равно вы нас не разлучите.

Музыка достигла мощного крещендо. Пьетро напевал:

Тиффа-ни! Не казни!
Гнев на милость смени, мой дружок!

Вокруг него с лаем прыгали собаки.

Мистер Тиффани нырнул в автомобиль и укатил.

У Пьетро защемило в груди. Все еще усмехаясь, он прервал свой танец. Тут примчались гуси, которые начали дружески тюкать клювами по его башмакам, а он стоял сторбившись и держался руками за грудь.

Когда настало время подкрепиться, Пьетро откупорил банку домашних консервов — гуляш по-венгерски. В какой-то момент он помедлил и ощупал грудную клетку: привычная боль ушла. На ходу доедая свой обед, он отправился на задний двор и взглянул поверх высокого забора.

Вот и она, тут как тут! Миссис Гутьеррес, необъятная и громогласная, как музыкальный автомат, беседовала с соседками.

— Красавица! — окликнул Массинелло Пьетро. — Сегодня вечером я отправлюсь в тюрьму! Ты

развязала войну и одержала победу. Вручаю тебе свой меч, сердце и душу!

Миссис Гутьеррес величественно прошествовала по грунтовой площадке.

— Что там такое? — переспросила она, как будто его не видела и не слышала.

— Ты настучала в полицию, полиция меня прижала, а я только посмеялся! — Он игриво помахал рукой и сделал ей «козу» двумя пальцами. — Надеюсь, теперь ты счастлива!

— Это кто-то настучал в полицию? — негодуя осведомилась она.

— Ах, миссис Гутьеррес, я посвящу вам романс!

— Может, кто другой и настучал, а я-то при чем? — не унималась она.

— А когда я отправлюсь за решетку, тебя будет ждать подарок. — Он раскланялся.

— Сказано тебе, это не я! — закричала она. — И пасть свою закрой!

— Должен сделать вам комплимент, — проникновенно сказал он. — Вы — из числа сознательных граждан. Из тех, кто не выносит грязи, шума и беспорядка.

— Да ты... ты... — гаркнула она. — Ах ты! — У нее больше не было слов.

— Танцую для вас! — пропел он и, кружась в вальсе, стал двигаться к дому.

Ближе к вечеру он повязал голову красным шелковым платком, вставил в уши огромные золотые серыги, подпоясался красным кушаком и надел синий жилет с золотым кантом. Его костюм довершали туфли с пряжками и облегающие бриджи.

— За мной! Прогуляемся напоследок, а? — обратился он к собакам, и те дружно высыпали из лавки.

Держа под мышкой свой патефон, Пьетро морщился, потому что в последнее время страдал животом, прихварывал и с трудом поднимал тяжести. По бокам от него трусили собаки, а на плечах сидели длиннохвостые попугаи, которые оглашали квартал дикими криками. Солнце клонилось к закату, в прохладном воздухе не было ни ветерка. Пьетро озирался, будто попал сюда впервые. Он приветствовал каждого встречного, махал рукой, отдавал честь.

В закусочной он водрузил патефон на высокий табурет и завел скрипучую пластинку. Все посетители уставились на него, а он нырнул в эту музыку — и выплыл, сияя от смеха. Щелкнул пальцами, притопнул каблуками, мелодично присвистнул и зажмурился, а симфонический оркестр тем временем воспарял вместе со Штраусом. Собакам была дана команда сесть рядком, а он закружился в танце. Попугаям была дана команда слететь на

пол. Ошарашенная, но увлеченная публика бросала ему блестящие монетки, которые он ловил на лету.

— Пошел вон! — разозлился хозяин закусочной. — Развел тут оперу!

— Благодарю вас, добрые друзья!

Собаки, музыка, попугаи, а с ними и Пьетро растворились в сумерках, оставив за собой лишь тихий звон бубенчиков.

На перекрестке улиц он подарил свою песню небу, вспыхнувшим звездам и октябрьской луне. В ночи поднялся ветер. Из темноты за ним наблюдали улыбчивые лица. И Пьетро снова подмигнул, улыбнулся, присвистнул и закружился в танце.

Делитесь добротой!
Любите все живое!

И видел он множество внимательных лиц. И еще молчаливые дома с их молчаливыми обитателями. И под собственное пение удивлялся, почему во всем мире никто, кроме него, больше не поет. Почему никто не раскрывает рта, не пляшет, не подмигивает, не выплывает гордой поступью, не плетет кружево шагов? Почему мир замолчал, почему в молчаливых домах обитают молчаливники? Почему люди — наблюдатели, а не танцоры? Почему они все — зрители и только он один — артист? Что они такого забыли, о чем он

всегда-всегда помнил? Их дома, тесные, запертые и беззвучные, всегда молчат. А его дом, его «Ясли», его лавка — совсем другое дело! Там щебечут, хлопают крыльями и распевают птицы, топают мягкие лапы, шуршат пернатые и пушистые создания, а в темноте даже можно услышать, как моргают звери. Его жилище, где горят молитвенные свечи, радуют глаз изображения возносящихся — летящих — святых и отблески медальонов. Где крутится патефон — и в полночь, и в два, и в три часа ночи, и в четыре утра, а сам он поет, широко открывая рот, распахивая сердце, зажмуривая глаза, чтобы отгородиться от мира: звук, только звук. А тут его почему-то окружают дома, которые запираются в девять, засыпают в десять и в молчании дрыхнут до самого утра. А люди-то, люди: впору вешать на дверь траурные венки.

Когда он проносился мимо, люди, бывало, кое-что вспоминали. Кто выдавливал нотку-другую, кто застенчиво притопывал, но в большинстве своем они под звуки музыки совершали одно-единственное движение: совали руку в карман, чтобы выудить монету.

«Было время, — думал Пьетро, — когда и у меня водились монеты, и доллары водились, и земли хватало, и домов. Но что было, то сплыло, а сам я от слез превратился в истукана. Долго не мог пошевелиться. Меня убивали без пощады — отни-

мали, отнимали. И я решил: больше не дам себя убивать. Но как поступить? Есть ли у меня что-нибудь такое, что можно отдать безболезненно? Отдать — и не потерять?»

И ответ пришел сам собой: конечно, талант.

«Мой талант! — подумал Пьетро. — Чем больше отдаешь, тем он огромней и богаче. У кого есть талант, тот в ответе за этот мир».

Он огляделся. Мир населяли истуканы, подобные тому, каким он сам был в прежние времена. Многие даже забыли, как совершаются движения — назад, вперед, вверх, вниз: жизнь их была, кусала, жалила, глушила — и ввергла в каменное молчание. Что ж, коли они сами не могут двигаться, кто-то должен делать это за них. Ты, Пьетро, говорил он себе, будешь двигаться. Мало того, совершая движения, ты не должен оглядываться в прошлое, где ты был не весть чем, где с тобой приключилось не весть что, где ты превратился в истукана. Главное — не останавливайся, чтобы набегаться за тех здоровяков, которые разучились бегать. Бегай среди этих людей-памятников, подле которых лежат цветы и хлеб. Глядишь, кто-то из них нагнется, тронет рукой цветы, поднесет хлеб к пересошим губам. А если ты еще станешь горланить и петь, они, возможно, когда-нибудь снова заговорят, а то и подхватят твою песню. «Эй!» — крикнешь ты, пропоешь «Ля!» и пустишься в пляс,

а от этого они — чем черт не шутит — разомнут ступни, хрустнут суставами, приосалятся, топнут, вздрогнут, а потом, пускай не сразу, в пустой комнате кто-нибудь, подражая тебе, пустится в пляс перед зеркалом своей души. Не забывай: когда-то и ты был высечен из льда и камня — хоть выставляй напоказ для украшения аквариума с рыбами. Но потом ты закричал и запел что есть духу, и одно веко у тебя дрогнуло! Потом второе! А вслед за тем ты набрал воздуха и выдохнул оглушительный крик Жизни! Пошевелил пальцем, пошаркал ногой — и одним скачком вернулся в самую гущу бытия!

С тех пор остановился ли ты хоть на миг?

Ни разу.

Теперь он вбежал в многоквартирный дом и оставил под чужими дверями белые молочные бутылки. У подъезда, на шумной улице, где просил милостыню слепой нищий, он опустил в протянутую кружку сложенный доллар, причем так осторожно, что даже чуткие пальцы слепого старика не ощутили этого подаяния. Пьетро бежал себе дальше и думал: «У него в кружке — вино, а ему и невдомек... ха!.. пойдет сегодня выпьет!» Под звон бубенцов, украшавших его рубаху, он вывел на пробежку собак, посадив на плечи хлопающих крыльями птиц, и забежал положить букетик цветов под дверь старой вдовы Вильянасуль, а когда высо-

чил на улицу, чуть помедлил у теплой витрины булочной.

Заметив его, хозяйка булочной сделала знак рукой и вынесла ему пончик.

— Любезный ты мой,— сказала она,— мне бы твою энергию.

— Мадам,— изрек он в ответ, впиваясь зубами в пончик и благодарно кланяясь,— только примат разума над материей позволяет мне пить! — Он поцеловал ей ручку.— Всего наилучшего.

Пьетро приподнял свою тирольскую шляпу, выкинул замысловатое коленце — и рухнул как подкошенный.

— Вам бы на пару дней в больницу.

— Нет. Я в сознании, а держать меня в больнице против моей воли никто не имеет права,— заявил Пьетро.— Мне нужно домой. Меня ждут люди.

— Дело ваше,— сказал фельдшер «скорой помощи».

Пьетро достал из кармана кипу газетных вырезов.

— Взгляните. Это я в суде, вместе с моими питомцами. А собаки-то мои где? — вскричал он, внезапно спохватившись и затравленно озираясь по сторонам.

— Здесь.

Из-под койки слышался шорох и собачий вой. Когда фельдшер проводил рукой по груди Пьетро, на него каждый раз пикировали попугаи, больно тюкая клювами.

Врач просмотрел вырезки.

— Тихо, тихо, все в порядке.

— Я пел для судьи, и никто не заткнул мне рот! — похвалился Пьетро, не открывая глаз.

Он получал удовольствие от поездки на санитарном транспорте, от шума двигателя и хорошей скорости. Голова его слегка подергивалась. На лице выступила испарина, отчего размазался грим, а по вискам ручьями потекла сажа, и оказалось, что брови у него совсем седые. Под румянами обнажилась бледность щек. Фельдшер промокнул ему лицо ватным тампоном.

— Приехали! — сообщил водитель.

— Который час? — Когда дверь кареты «скорой помощи» распахнулась, Пьетро взял фельдшера за руку и посмотрел на его золотые часы. — Полшестого! Времени в обрез, они вот-вот заявятся!

— Вы только не волнуйтесь, хорошо? — На скользком тротуаре перед лавкой врач поддержал его за локоть.

— Хорошо, хорошо, — сказал Пьетро и подмигнул, а потом ущипнул врача за руку. — Благодарю вас.

Как только «скорая» уехала, он отпер «Ясли» и погрузился в теплый звериный запах. Оставшиеся дома собаки, заросшие густой шерстью, бросились его лизать. Тут же появились гуси: они толкались, трубили, как автомобильные клаксоны, и яростно щипали его за икры, пока он не заплясал от боли.

Он выглянул на опустевшую улицу. Да, уже с минуты на минуту. Он снял с жердочки пару неразлучников. Вышел на задний двор и прокричал поверх забора:

— Миссис Гутьеррес!

Когда она замаячила в лунном свете, он опустил попугайчиков в ее пухлые руки.

— Это вам, миссис Гутьеррес!

— Чтой-то? — Щурясь, она разглядывала пушистые комочки, вертя их так и этак. — Чтой-то?

— Ухаживайте за ними как следует! — наказал он. — Не забывайте кормить, и они будут радовать вас пением!

— Да на кой они мне? — недоумевала она, а сама глядела то на небо, то на него, то на птичек. — Ой, да что вы. — Но она уже ничего не могла поделать.

Он погладил ее по руке.

— Уверен, вы будете к ним добры.

И он исчез в «Яслях» за дверью черного хода.

В течение следующего часа он вручил одного гуся мистеру Гомесу, другого — Фелипе Диасу, третьего — миссис Флорианне. Попугай достался мистеру Брауну, бакалейщику. Собак пришлось, к сожалению, разлучить и отдать пробежавшим мимо ребятишкам.

В половине восьмого вокруг квартала трижды объехал полицейский фургон и только после этого притормозил у дверей. Через некоторое время на пороге лавки показался мистер Тиффани.

— Ну что ж,— произнес он, заглядывая внутрь.— Вижу, вы постепенно от них избавляетесь. Доброй половины уже нет, верно? Коль скоро вы не оказываете сопротивления, даю вам еще час. Так держать.

— Нет,— заговорил мистер Пьетро и, не сходя с места, обвел взглядом пустые клетки.— Больше я никого не отдам.

— Послушайте,— стал увещевать его мистер Тиффани.— Стоит ли отправляться за решетку из-за горстки оставшихся зверей? Давайте я прикажу своим ребятам их вынести, а вы...

— Везите в кутузку! — объявил Пьетро.— Я готов!

Нагнувшись, он взял под мышку старый патефон. Посмотрелся напоследок в треснувшее зеркало. Седых бровей как не бывало — сажа была наложена заново. Зеркало взмыло в воздух, раска-

ленное, бесформенное. Вслед за тем и сам он как-то поплыл, едва касаясь ногами пола. Его знобило, язык распух. Он услышал свой голос:

— Идемте.

Тиффани широко развел руками, словно не желая выпускать Пьетро. Тот сгорбился и качнулся. Последняя такса, коричневая, гладкошерстная, свернулась колечком у него на локте, словно маленькая автомобильная шина, и принялась лизать его розовым язычком.

— С собакой нельзя.— Тиффани не верил своим глазам.

— Только до участка, прокатимся вместе — и все,— попросил Пьетро.

Он явно устал: усталостью наливались пальцы, руки и ноги, все тело и голова.

— Ладно,— согласился Тиффани.—хлопот с вами, честное слово...

Пьетро вышел из лавки, одной рукой прижимая к себе патефон, другой — собаку. Тиффани забрал у него ключ.

— Животных вывезем позже,— сказал он.

— Спасибо и на том,— сказал Пьетро,— что не стали этого делать при мне.

— Господи, да уймитесь вы,— сказал Тиффани.

Соседи высыпали на улицу и смотрели, как Пьетро на прощание потрясает таксой, словно

триумфатор, одержавший нешуточную победу и воздевший руку в знак ликования.

— Прощайте, прощайте! Не знаю, куда меня везут, но я отправлюсь в путь! Здоровье мое пошатнулось. Но я вернусь! Смотрите: я иду! — Хоча, он помахал собравшимся.

Его подсадили в полицейский фургон. Собаку он по-прежнему прижимал к себе, а патефон поставил на колени. Покрутил ручку и завел музыку. Патефон запел «Сказки Венского леса», и под эту мелодию фургон отъехал от тротуара.

В ту ночь по обеим сторонам от «Яслей» стояла тишина: и в час ночи, и в два, и в три, а к четырем утра тишина стала настолько оглушительной, что все соседи продрали глаза, сели в постелях и стали слушать.

Посещение

Рэй Брэдбери

20 октября 1984 г.

9.45—10.07

(По прочтении вчерашней статьи о смерти молодого актера, последовавшей вчера вечером, и пересадке его сердца другому человеку.)

Она позвонила, чтобы договориться о посещении.

Сначала молодой человек воспротивился и ответил:

— Нет, спасибо, нет, очень жаль, я все понимаю, но — нет.

Однако вслед за тем на другом конце провода он услышал ее молчание — полное отсутствие каких бы то ни было звуков, только скорбь, которая не находит выхода, и после долгой паузы ответил:

— Ну ладно, приходите, только, пожалуйста, ненадолго. Ситуация довольно странная, не знаю, что и сказать.

Она этого тоже не знала. По дороге к нему домой она раздумывала, с чего начнет, как он к это-

му отнесется, что ответит. Страшнее всего было не совладать со своими чувствами — тогда он просто выставит ее из квартиры и хлопнет дверью.

Ведь этого парня она совсем не знала. Абсолютно чужой человек. Они никогда в жизни не встречались; до вчерашнего дня она даже имени его не слышала — хорошо, что знакомые в местной больнице подсказали, а то она уже отчаялась что-нибудь найти. А теперь, пока не поздно, нужно было прийти к незнакомому человеку и обратиться к нему с самой необычной просьбой в ее жизни; да что говорить, в жизни любой матери за всю историю цивилизации это была бы самая сокровенная просьба.

— Подождите, пожалуйста.

Она дала таксисту двадцать долларов, чтобы он никуда не отъезжал — на тот случай, если она выйдет раньше, чем планировала, — а потом надолго задержалась у подъезда, сделала глубокий вдох, открыла дверь, вошла и поднялась в лифте на третий этаж.

Перед его квартирой она закрыла глаза, еще раз глубоко вдохнула и постучалась. Ответа не было. В смятении она забарабанила в дверь. На этот раз ей открыли, хотя и с задержкой.

Молодому человеку на вид было лет двадцать, может, больше; он окинул ее неуверенным взглядом и уточнил:

— Миссис Хэдли?

— Вы на него совсем не похожи,— услышала она свой голос.— То есть...

Она почувствовала, что заливается краской, и чуть не развернулась, чтобы убежать.

— Неужели вы надеялись на сходство?

Открыв дверь пошире, он отступил в сторону. На низком столике в центре единственной комнаты был готов кофе.

— Нет-нет, что вы. Сама не знаю, что говорю.

— Проходите, располагайтесь. Меня зовут Уильям Робинсон. Или просто Билл. Вам с молоком или черный?

— Черный.

Она следила за его движениями.

— Как вы на меня вышли? — спросил он, передавая ей чашку.

Она приняла ее дрожащими пальцами.

— Через знакомых, которые работают в больнице. Они навели справки.

— В обход всех правил.

— Да, понимаю. Это по моему настоянию. Понимаете, я на год, если не больше, уезжаю во Францию. Для меня это был последний шанс встретиться... я хочу сказать...

Замолчав, она уставилась в чашку.

— Стало быть, они прикинули, что к чему, и пошли на это, хотя истории болезни хранятся в сейфе? — тихо спросил он.

— Да,— ответила она.— Все совпало. В ту ночь, когда умер мой сын, вас доставили в больницу для пересадки сердца. Это были вы. В ту ночь и еще целую неделю таких операций больше не делали. Я узнала, что вас выписали из больницы, и мой сын... точнее, его сердце...— у нее дрогнул голос,— осталось с вами.

Она опустила кофейную чашку на стол.

— Сама не знаю, зачем пришла,— сказала она.

— Все вы знаете,— возразил он.

— Нет, честное слово, не знаю. Все так странно, печально и в то же время ужасно. Не знаю. Божий дар. Я непонятно говорю?

— Мне все понятно. Этот дар спас мою жизнь.

Теперь настал его черед замолчать; он налил себе еще кофе, размешал сахар и пригубил.

— Когда мы с вами распрощаемся,— начал молодой человек,— куда вы отправитесь?

— Куда отправлюсь? — неуверенно переспросила женщина.

— В смысле...— Парень содрогнулся от напряжения: слова застревали в горле.— В смысле... вам еще с кем-нибудь нужно повидаться? Еще кто-нибудь...

— А, понимаю.— Женщина закивала, переменила положение, чтобы совладать с собой, изучила сцепленные на коленях руки и в конце концов пожала плечами.— В общем, да, есть еще кое-кто.

Мой сын... он спас зрение какому-то человеку из Орегона. Потом, еще в Тусоне живет некто...

— Можете не продолжать,— перебил парень.— Напрасно я спросил.

— Нет-нет. Все это так странно, нелепо. И непривычно. Каких-то несколько лет назад такой ситуации просто не могло быть. Теперь другое время. Не знаю, смеяться или плакать. Просыпаюсь в недоумении. Часто спрашиваю себя: а он тоже недоумевает? Но это уж совсем глупо. Его больше нет.

— Где-то же он есть,— сказал парень.— Например, здесь. И я живу лишь потому, что он сейчас здесь.

У женщины заблестели глаза, но слез не было.

— Да. Спасибо вам.

— Это его надо благодарить, и еще вас — за то, что позволили мне жить.

Вдруг женщина резко вскочила с места, словно ее подбросила неодолимая сила. Она стала озираться в поисках выхода — и не видела двери.

— Куда вы?

— Я...— выдавила она.

— Вы же только что пришли!

— И очень глупо сделала! — вскричала она.— Мне так неловко. Взвалила такой груз и на ваши плечи, и на свои. Нужно скорей уходить, пока я не свихнулась от этого абсурда...

— Не уходите, — сказал молодой человек.

Повинуясь его тону, она уже собиралась сесть.

— Вы еще кофе не допили.

Стоя у кресла, она трясущимися руками взяла со столика чашку с блюдцем. Тихое дребезжание фарфора было единственным звуком, под который она, охваченная какой-то неутолимой жаждой, залпом проглотила свой кофе. Вернув пустую чашку на стол, она выговорила:

— Мне и самом деле надо идти. Чувствую себя неважно, слабость. Чего доброго, упаду где-нибудь. Мне так неловко, что я сюда заявила. Храни тебя Господь, мальчик мой, долгих тебе лет жизни.

Она направилась к выходу, но он преградил ей путь.

— Сделайте то, зачем пришли, — сказал он.

— Что-что?

— Вы сами знаете. Прекрасно знаете. Я не возражаю. Давайте.

— Мне...

— Давайте, — мягко повторил он и закрыл глаза, вытянув руки по швам.

Вглядевшись в чужое лицо, она перевела глаза туда, где под рубашкой угадывался нежнейший трепет.

— Ну, — негромко поторопил он.

Она почти сдвинулась с места.

— Ну же, — выговорил он в последний раз.

Она сделала шаг вперед. Повернула голову набок и стала медленно-медленно наклоняться, пока не коснулась правым ухом его груди.

Ей хотелось закричать, но она сдержалась. Хотелось сказать что-нибудь восторженное, но она сдержалась. С закрытыми глазами она просто слушала. У нее шевелились губы — видимо, с них раз за разом слетало какое-то слово, а может, имя, почти в такт биению, которое она слышала под рубашкой, в груди, под ребрами этого терпеливого парня.

Там стучало сердце.

Она слушала.

Сердце стучало ровно, без перебоев.

Она слушала очень долго. Больше она не сдерживала дыхание, и щеки у нее порозовели.

Она слушала.

Сердце билось.

Наконец, подняв голову, она напоследок взгляделась в лицо этого незнакомого парня и быстро коснулась губами его щеки, развернулась и скользнула к дверям, даже не поблагодарив — но благодарности и не требовалось. С порога она не оглянулась — просто открыла замок и вышла, бесшумно прикрыв за собой дверь.

Парень медлил. Его правая рука скользнула по рубашке и нащупала то, что было спрятано в груди. Веки так и не разомкнулись, на лице не появилось никакого выражения.

Он повернулся, не глядя сел в кресло и на ощупь взял чашку, чтобы допить кофе.

Ровный пульс, великий трепет жизни побежал по его руке, добрался до чашки, и теперь она пульсировала в том же нескончаемом, непрерывном ритме, пока он подносил ее к губам и делал глотки, будто смакуя снадобье, доставшееся ему в дар, которое не иссякнет еще так долго, что ни угадать, ни предсказать невозможно. Он осушил чашку.

И лишь открыв глаза, понял, что в комнате никого нет.

Гольф по ночам

Было уже поздновато, но все же он не терял надежды в последних лучах солнца по-быстрому пройти девять лунок.

Однако сумерки сгустились очень быстро — он даже не успел доехать до гольф-клуба. Это высокий туман, приплывший со стороны океана, заслонял дневной свет.

Впору было развернуться и поехать в обратную сторону, но что-то привлекло его внимание.

Вглядевшись в далекие луга, он заметил, что в этой полутьме человек пять-шесть все еще играют в гольф.

Играли не двое на двое, а в одиночку — каждый, передвигаясь под деревьями без партнера, ташил свои клюшки через лужайку.

Странно, подумал он. И вместо того чтобы повернуть назад, въехал на стоянку позади клуба и вышел из машины.

Почему-то он застыл на месте и принялся издалека наблюдать, как гольфисты замахиваются клюшками, посылая мячи в сумеречную дымку.

Игроки-одиночки, бродившие по фервею, вызвали у него неподдельное любопытство; было в этой картине что-то смутно тревожное.

Почти не раздумывая, он подхватил спортивную сумку и понес клюшки к первой лунке, где застыли трое немолодых людей, которые будто бы дожидались его появления.

Старичье, подумал он. Ну не то чтобы совсем дряхлые, но ему-то было всего тридцать, а тех уже припорошила седина.

Когда он приблизился, они разглядели его загорелое лицо и встретили проницательный, ясный взгляд.

Один из пожилых гольфистов поздоровался.

— А что здесь происходит? — спросил молодой человек — и тут же отметил нелепость этого вопроса.

Его взгляд скользнул вдаль по площадкам, где двигались едва различимые одинокие фигуры.

— Я просто не понял, — оправдываясь, парень кивнул в сторону фервея, — вроде бы они только начали. Но минут через десять мяча будет не разглядеть.

— Кто-кто, а они разглядят, — вступил в разговор другой. — Мы и сами только что приехали.

Чем позже — тем лучше: никто не мешает, можно поразмыслить о том о сем. Начнем вместе, потом разделимся.

— Это же исхитриться надо! — сказал молодой.

— Да уж, — подтвердил третий. — Но у нас свои резоны. Хочешь — присоединяйся, только через сотню ярдов, скорее всего, останешься один.

Подумав, молодой человек кивнул.

— Согласен, — сказал он.

Один за другим они выходили на площадку «ти», замахивались клюшкой — и провожали глазами белые мячи, улетающие в полумрак.

В последних проблесках света они двинулись вперед, не говоря ни слова.

Старик, шагавший в ногу с молодым игроком, то и дело исподволь поглядывал на него. Двое других смотрели прямо перед собой и тоже молчали. Когда они остановились, молодой ахнул.

— Что такое? — спросил старик.

— Подумать только, нашел! — воскликнул парень. — Вокруг темно, хоть глаз выколи, а я как чувствовал, что он здесь!

— Бывает, — сказал старик. — Называй как хочешь: судьба, удача, дзен. Я-то попросту выражаюсь: нужда заставила. Ну, бей.

Молодой человек посмотрел на свой мяч, белевший в траве, и неслышно попятился.

— Нет, первым не хочу,— сказал он.

Двое других стариков тоже нашли в траве свои мячи и по очереди выполнили удары. Один замахнулся, ударил по мячу и в одиночку зашагал дальше. Второй замахнулся, ударил по мячу — и точно так же растворился в сумерках.

Парень смотрел им вслед.

— Ничего не понимаю,— сказал он.— Ни разу в жизни не играл такой форсом.

— По большому счету, никакой это не форсом,— отозвался старик.— Так, вариация. Они сейчас пойдут вперед, а на девятнадцатом «грине» встретимся.

Парень сделал удар — и мяч взмыл в серо-лиловое небо. Где-то ярдах в ста мяч упал в траву — а может, слышалось.

— Вперед,— скомандовал старик.

— Нет,— сказал молодой гольфист,— если не возражаете, я пойду с вами.

Старик кивнул, изготовился и запустил свой мяч в темноту. Дальше они двинулись в полном молчании.

Наконец парень, который вглядывался в подступившую ночь, признался:

— Впервые вижу, чтобы так играли. А кто эти люди, что их сюда привело? Кстати, вы-то сами кто? И последний вопрос: за каким чертом меня сюда принесло? Я тут ни пришей, ни пристегни.

— Пожалуй,— согласился старик.— Но со временем возможны перемены.

— Со временем? — переспросил парень.— Если я здесь лишний, какие могут быть перемены?

Шагая вперед, старик смотрел перед собой и больше не косился на своего молодого спутника.

— Зелен ты еще,— проговорил он.— Сколько тебе?

— Тридцатник,— ответил парень.

— Мальчишка совсем. погоди, разменяешь десяток шестой-седьмой, тогда, может статься, и ты созреешь для партии в ночной гольф.

— У вас это так называется — «ночной гольф»?

— Именно так,— подтвердил старик.— Бывает, игроки тут появляются совсем поздно, часов в семь, а то и в восемь: просто возникает потребность сделать удар, пройтись, еще раз ударить — и так, пока сил хватит.

— А как вы узнаете, что созрели для ночного гольфа?

— Видишь ли,— пустился в объяснения старик, неторопливо шагая вперед,— мы, все как один, вдовцы. Нет, конечно, не в прямом смысле. Есть такое выражение: «вдова гольфиста» — так называют женщину, которая сидит дома, пока ее муж все воскресные дни, с утра до вечера, пропадает в гольф-клубе, а порой еще и субботу прихватывает, и среди недели норовит урвать вечерок: это дело

так затягивает, что удержаться невозможно. Человек превращается в гольф-робота, а жена не может взять в толк, куда подевался ее муж. Ну а в нашем случае речь идет о вдовцах: жены сидят по домам, но дома эти холодны, никто не разжигает камин, обед готовится через пень-колоду, половина кровати пуста. Вдовцы.

Молодой человек переспросил:

— Вдовцы? Ничего не понимаю. Разве кто-то умер?

— Никто, — ответил старик. — Когда про женщину говорят «вдова гольфиста», это означает, что она сидит дома, пока муж играет в гольф. А я тебе толкую о «вдовцах-гольфистах», то бишь о тех, кто сбегает из дому, чтобы побыть вдовцами.

Немного поразмыслив, парень уточнил:

— Но ведь дома их кто-то ждет? В каждом доме есть женщина, верно?

— А как же, — подтвердил старик. — В каждом доме. В каждом доме. Да вот только...

— Что «только»? — поторопил молодой.

— Ты посмотри на это с другой точки зрения, — на ходу продолжал старик, вглядываясь в поле ночного гольфа. — Есть же какая-то причина, которая в сумерках гонит нас сюда, на фервей. Может, дома не с кем словом перемолвиться, а может, слова сыплются градом. Постельные разговоры затягиваются до бесконечности — а может, пресекаются

на корню. В доме целый выводок детей, или всего один ребенок, или вовсе пусто. Повод всегда найдется. У кого денег куры не клюют, у кого хоть шаром покати. Как бы там ни было, этим одиночкам, которых ты здесь видишь, вдруг пришло в голову, что есть неплохое место, куда можно податься на закате дня, и место это — поле для гольфа: играй себе, сколько душе угодно, бей по мячу и отправляйся его искать, пока совсем не стемнело.

— Все ясно,— сказал парень.

— Так уж и все.

— Будьте уверены,— подтвердил парень.— Я вас понял. Прекрасно понял. Только не думаю, что меня самого когда-нибудь еще потянет сюда на закате дня.

Покосившись на него, старик кивнул:

— Похоже, ты прав. Если такое и случится, то не скоро. Годков этак через двадцать-тридцать. Слишком у тебя ровный загар, слишком пружинистая походка, и сам ты сейчас на коне — сразу видно. Приезжай-ка ты сюда в полдень, сыграешь настоящий форсом. А ночной гольф подождет.

— В потемках ноги моей здесь больше не будет,— сказал парень.— Это все не про меня.

— Будем надеяться,— ответил старик.

— Вот увидите,— сказал молодой.— Ладно, с меня хватит, дальше не пойду. Похоже, зафигачил мяч в самую темноту — рыскать тут без толку.

— И то верно,— заметил старик.

И они повернули обратно сквозь туманную мглу, неслышно ступая по траве.

Позади все так же двигались в разных направлениях одинокие игроки.

Возле здания гольф-клуба молодой человек посмотрел на старого, который казался совсем древним, а старый посмотрел на молодого, показавшегося совсем юным.

— И все же, на тот случай, если вернешься,— заговорил старик,— то есть если вернешься в сумерках, если надумаешь сыграть партию, которую начнешь с тремя другими игроками, а закончишь в одиночку, должен тебя кое о чем предупредить.

— О чем, интересно?

— Есть выражение, которое ни под каким видом нельзя произносить в разговорах с теми, кто бродит по вечерней траве.

— И какое это выражение?

— Семейная жизнь,— прошептал старик.

На прощание он пожал парню руку, повесил на плечо свою сумку с клюшками и ушел.

Вдали, над полем для ночного гольфа, сгустилась непроглядная тьма, и припозднившихся игроков было уже не видно.

Загорелый, ясноглазый парень развернулся, дошел до стоянки, сел в машину и нажал на газ.

Убийство

— Есть такие люди, которые в принципе не способны пойти на убийство,— заявил мистер Бентли.

— Например? — спросил мистер Хилл.

— Например, я сам, а также множество мне подобных.

— Чепуха!

— Чепуха?

— Вы не расслышали? Любой человек способен на убийство. В том числе и вы.

— Да зачем мне это? Меня все устраивает: прекрасная жена, хорошая работа, безбедная жизнь — с какой стати мне кого-то убивать? — возразил мистер Бентли.

— А я смог бы вас толкнуть на убийство.

— Напрасно вы так думаете.

— Запросто.

Мистер Хилл задумчиво обвел глазами квартал небольшого городка, утопающего в зелени.

— Если у человека нет таких наклонностей, никто не сделает из него убийцу.

— А я сделаю.

— Не может быть!

— Сколько вы готовы поставить?

— Никогда в жизни не спорил на деньги. Не имею такой привычки.

— Черт возьми, есть же такая вещь, как джентльменское пари,— сказал мистер Хилл.— Ставка — один доллар. От доллара до десяти центов. Слушайте, неужели трудно поставить гривенник, а? Да будь вы хоть трижды шотландцем, да еще сомневающимся в своей теории. Разве вам жалко десяти центов, чтобы доказать свою неспособность к убийству?

— Странно вы шутите.

— Мы с вами оба шутим — и оба не шутим. А доказать я хочу лишь то, что вы ничем не отличаетесь от прочих. У вас есть встроенная кнопка. Если я сумею отыскать ее и нажать — вы пойдете на убийство.

Мистер Бентли непринужденно рассмеялся, обрезал кончик сигары, пожевал ее безмятежными пухлыми губами и откинулся назад в кресле-качалке. Пошарив в расстегнутом кармане жилета, он выудил десятицентовик и положил на стойку перил.

— Так и быть, — сказал он и, поразмыслив, вытащил еще одну монету. — Ставлю двадцать центов за то, что я не убийца. И как же вы собираетесь доказать обратное? — Он хмыкнул и удовлетворенно прикрыл глаза. — Сколько лет прикажете ждать у моря погоды?

— А мы с вами установим срок.

— Неужели? — Бентли хохотнул.

— Разумеется. В течение одного месяца, считая от сегодняшнего дня, вы пойдете на убийство.

— В течение месяца, говорите? Ну-ну! — И он рассмеялся: такое предсказание не лезло ни в какие ворота.

Успокоившись, он оттопырил языком щеку.

— Сегодня у нас первое августа, верно? Стало быть, первого сентября заплатите мне доллар.

— Нет, это вы заплатите мне двадцать центов.

— А вы упрямы, как я погляжу.

— Вы меня еще не знаете.

Стоял ясный вечер на исходе лета: дул прохладный ветерок, комары не докучали, две сигары горели ровно, а поодаль, в кухне, звякала посуда, которую жена мистера Бентли опускала в мыльную пену. Горожане выходили на открытые веранды подышать свежим воздухом и приветливо кивали друг другу.

— Никогда в жизни не ввязывался в такой дурацкий разговор, — заметил мистер Бентли, с удо-

вольствием втягивая ноздрями воздух, напоенный запахом свежескошенной травы. — Десять минут обсуждали криминальные наклонности, поспорили, каждый ли способен пойти на убийство, — и не успели оглянуться, как заключили пари.

— Именно так, — подтвердил мистер Хилл.

Мистер Бентли в упор посмотрел на своего квартиранта. Мистеру Хиллу было лет сорок пять, хотя его немного старили бесстрастные голубые глаза и землистое лицо, изрезанное морщинами, как вяленый абрикос. Лысая голова делала его похожим на римского патриция, голос звучал напряженно, и во всем его облике сквозила какая-то цепкость: он впивался пальцами в подлокотники кресла, норовил схватить собеседника за локоть, истово сжимал руки, будто молился, и вечно доказывал себе и другим правоту своих речей. С тех пор как он занял комнату в конце коридора — а было это три месяца назад, — они с хозяином постоянно беседовали о том о сем. Их занимали самые разнообразные темы: весенние нашествия саранчи, апрельские снегопады, сезонные бури и похолодания, дальние страны — да мало ли о чем заходит речь за доброй сигарой, дающей умиротворение не хуже сытного обеда; мало-помалу мистеру Бентли стало казаться, будто он знает этого приезжего всю жизнь, с горластого детства и ко-

лучей юности до седых волос. И впрямь, до этого времени у них не возникало никаких разногласий. Их дружеские отношения скрепляло то, что говорили они без обиняков и отступлений, двигаясь прямой дорогой Истины, а может, это только казалось — вернее, подумал сейчас мистер Бентли, держа в руках сигару, это ему самому так казалось, а мистер Хилл не то из вежливости, не то из тайного умысла прикидывался, что понимает истину точно так же.

— Самый легкий заработок за всю мою жизнь, — сказал мистер Бентли.

— Это мы еще посмотрим. Вы монетки-то держите при себе. Они вам скоро понадобятся.

Мистер Бентли словно в полусне вернул десятицентовики в карман жилета. Не иначе как перемена ветра вдруг повлияла на температуру его мыслей. В какой-то миг внутренний голос спросил: «Ну как, способен ты пойти на убийство? Или слабо?»

— Скрепим наш уговор, — сказал мистер Хилл.

Его рукопожатие было холодным и цепким.

— Не возражаю.

— Ладно, жирный червяк, приятных снов, — бросил мистер Хилл, поднимаясь с кресла.

— Что? — вскричал мистер Бентли, пораженный не столько грубостью, сколько внезапностью этих немыслимых слов.

— Спи спокойно, червяк,— повторил мистер Хилл без тени смущения.

Его пальцы забегали по пуговицам летней рубашки. Глазам мистера Бентли открылся впалый живот. На нем виднелся застарелый шрам. Похоже, это было пулевое ранение.

— Ясно тебе? — сказал мистер Хилл, глядя в вытаращенные глаза тучного человека, приросшего к креслу.— Мне такое пари не в диковинку.

Входная дверь тихо затворилась. Мистер Хилл скрылся в доме.

Когда на часах было десять минут первого, у него в комнате все еще горел свет. Мистер Бентли долго маялся в темноте без сна, но в конце концов на цыпочках выбрался в коридор — и уперся глазами в мистера Хилла. Тот не удосужился прикрыть дверь своей комнаты и теперь стоял перед зеркалом, похлопывая, оглаживая и пощипывая свое туловище то в одном месте, то в другом.

А про себя, не иначе, говорил: «Полюбуйся! Смотри сюда, Бентли, и вот сюда!»

И Бентли смотрел.

Грудь и живот Хилла были обезображены тремя круглыми шрамами. В области сердца тянулся длинный шов, а на шее — короткий рубец. Спину испещрили устрашающие борозды, как будто дракон рвал ему кожу своими когтистыми лапами.

Мистер Бентли даже прикусил язык и растопырил руки.

— Входи, не стесняйся, — сказал мистер Хилл. Бентли не шелохнулся.

— Спать пора.

— А я вот любуюсь. Тщеславие, тщеславие.

— Столько шрамов, одни шрамы.

— Да, есть маленько, это правда.

— Живого места нет. Боже мой, впервые такое вижу. Откуда они?

Раздетый до пояса, Хилл продолжал разглядывать, ощупывать и ласкать свой торс.

— Неужели даже теперь не допер?

— Говори толком!

— Пораскинь мозгами, старик.

Он сделал вдох и выдох, опять вдох и выдох.

— Чем могу служить, мистер Бентли?

— Я пришел, чтобы...

— Не мямли.

— Комнату придется освободить.

— С чего это?

— К нам приезжает мать моей жены.

— Вранье.

Бентли закивал.

— Допустим. Вранье.

— Почему прямо не сказать? Решил от меня избавиться — и точка.

- Вот именно.
- Потому что ты меня боишься.
- Нет, вовсе я не боюсь.
- А если я скажу, что не собираюсь отсюда съезжать?
- Ты этого не скажешь.
- Почему это? Считаю, я уже сказал.
- Нет-нет.
- Что у нас будет на завтрак — неужели опять яичница с беконом? — Он склонил голову набок, изучая короткий шрам.
- Прошу тебя, пообещай, что уедешь, — взмолился мистер Бентли.
- Нет, — отрезал мистер Хилл.
- Пожалуйста.
- Напрасно пресмыкаешься. Не делай из себя идиота.
- Что ж, если ты намерен остаться, давай отменим пари.
- Это как?
- Да вот так.
- Боишься самого себя?
- Нет. Ничего я не боюсь!
- Шшш. — Хилл указал на стену. — Женушку не разбуди.
- Давай отменим. Держи. Вот моя ставка. Ты выиграл!

Как безумный, мистер Бентли рылся в кармане, пока не извлек две монеты. Он с досадой швырнул их на комод.

Но мистер Хилл по-прежнему оглаживал свой живот.

— Забирай! Ты выиграл! Да, я готов пойти на убийство, готов, признаю.

Немного выждав, мистер Хилл не глядя опустил руку на комод, ощупью нашел монеты и позвенел ими в ладони, а потом протянул хозяину:

— Забери.

Бентли отступил к порогу.

— Я не возьму!

— Забери.

— Ты же выиграл!

— Спор есть спор. Он таким способом не решается.

Хилл шагнул к Бентли, бросил монеты ему в карман и похлопал сверху. Бентли попятился в коридор.

— Я пари заключаю не просто так,— сказал Хилл.

Бентли не мог отвести взгляд от жутких шрамов.

— Сколько же человек ты втянул в этот спор? — вскричал он. — Сколько?

— Увидимся за завтраком,— бросил мистер Хилл.

И захлопнул дверь. Мистер Бентли остался стоять за порогом. Даже сквозь закрытую дверь он видел эти шрамы, как будто его зрение и мозг обрели дар ясновидения. Шрамы от бритвы. От лезвия ножа. Они проглядывали сквозь дверное полотно, как глазки на старых досках.

В комнате погасили свет.

Окаменев над телом, он слышал, как проснулся дом, как по лестнице застучали шаги, как разнеслись крики, полустоны и шорохи. Вот-вот сюда нагрянут люди. Завоют сирены, завертятся красные мигалки, захлопают дверцами машины, у него на толстых запястьях щелкнут наручники, начнутся допросы, и его бледное, недоуменное лицо будут обшаривать чужие взгляды. Но пока он стоял над телом и водил по нему ладонями. Пистолет упал в высокую, душистую ночную траву. Воздух был все еще заряжен электричеством, но гроза уходила, и к нему вернулась способность видеть происходящее. Его правая рука сама по себе суетилась, как слепой крот, и долго попусту рылась в кармане, пока наконец не нашла то, что искала. И тогда он почувствовал, как его нешуточная масса потянулась к земле, осела и едва не рухнула на недвижимое тело. А слепая рука потянулась, чтобы закрыть вытаращенные глаза мистера Хилла, и на

каждое остывающее, сморщенное веко положила новенькую блестящую монетку.

Позади хлопнула дверь. Вскрикнула Хетти

Он обернулся к ней с тоскливой улыбкой.

— Вот, проиграл пари,— услышал он свой голос.

Подломится ветка

Ночью было холодно, а часа в два поднялся легкий ветер.

На деревьях задрожала листва.

К трем часам ночи ветер набрал силу и стал роптать под окном.

Она первой открыла глаза.

Тогда и он по непонятной причине заворочался в полусне.

— Не спишь? — спросил он.

— Нет, — ответила она. — Звуки какие-то слышались — крик, что ли.

Он поднял голову.

Издали долетал тихий плач.

— Слышишь? — забеспокоилась она.

— Ты о чем?

— Что-то вроде как плачет.

— Что-то? — переспросил он.

— Ну, кто-то, — сказала она. — Призрак, не иначе.

— Не выдумывай. Который час?

— Три ночи. Самое жуткое время.

— Почему жуткое? — спросил он.

— Помнишь, доктор Мид в больнице нам с тобой рассказывал, что в этот час люди сдаются, прекращают борьбу. На это время суток приходится больше всего смертельных случаев. Три часа ночи.

— Неохота об этом думать, — сказал он.

Отдаленные крики сделались громче.

— Вот опять, — сказала она. — Говорю же, призрак.

— О господи, — пробормотал он. — Какой еще призрак?

— Младенческий, — сказала она. — Ребенок плачет.

— С каких это пор у младенцев появились призраки? Разве по округе прошел слух о смерти младенцев? — Он приглушенно хмыкнул.

— Нет. — Она покачала головой. — Может, это никакой не призрак умершего младенца, а... сама не знаю. Тихо!

Его слух уловил те же отдаленные звуки.

— А вдруг... — начала она.

— Ну?

— Вдруг это призрак такого малыша...

— Говори.

— Который еще не родился.

— Разве бывают такие призраки? И в голос кричат? Фу ты, надо же такое придумать. Бред какой-то.

— Призрак нерожденного малыша.

— Да откуда у него голос возьмется? — спросил он.

— Возможно, дитя не умерло, а просто очень хочет жить, — сказала она. — Вот и плачет где-то далеко, да еще так жалобно.

Прислушались: далекий плач не прекращался, а прямо под окном ему вторил ветер.

От этих звуков у нее навернулись слезы; от этих звуков и с ним произошло то же самое.

— Сил моих больше нет, — сказал он. — Пойду-ка я перекушу.

— Нет-нет, — запротестовала она, удерживая его в постели. — Не шуми, прислушайся. Надо разобраться, в чем тут дело.

Он снова лег, взял ее за руку и попытался смежить веки, но из этого ничего не вышло.

Так они и лежали рядом, а ветер все роптал, будоража листву.

Где-то в стороне, очень далеко, слышался протяжный плач.

— Кто же это? — не выдержала она. — Или «что»? Не умолкает. От этого на душе так печально. Может, он просит, чтобы его впустили?

— Куда?

— В жизнь. Он не умер и еще не жил, но отчаянно хочет жить. Как ты думаешь...— Она запнулась.

— Ну, говори.

— Боже мой,— вырвалось у нее.— Помнишь, у нас с тобой в прошлом месяце был разговор?..

— На какую тему? — не понял он.

— На тему нашего будущего. На тему свободы от обязательств. Что семья нам не нужна. И дети тоже.

— Нет, не помню,— сказал он.

— А ты напруги память,— сказала она.— Мы тогда пообещали друг другу не создавать семью и не заводить детей.— Помедлив, она добавила: — Чтобы никаких младенцев.

— Не заводить детей. Чтобы никаких младенцев?

— Как по-твоему...— Оторвав голову от подушки, она прислушалась к далекому жалобному крику, приглушенному деревьями и окрестностями.— Может быть...

— Что?

— Вроде бы я знаю, как это остановить.

Он выжидал.

— Мне кажется, надо...

— Ну, ну? — поторопил он.

— Надо тебе подвинуться на мою половину.

— Приглашаешь к себе?

— Да, приглашаю, иди сюда.

Повернув голову, он несколько мгновений смотрел в ее сторону и наконец перекатился на ее край постели. Городские часы пробили четверть, половину четвертого, потом три сорок пять и четыре часа утра.

Только тогда они опять стали прислушиваться.

— Ты что-нибудь слышишь? — спросила она.

— Пытаюсь.

— А плач?

— Умолк, — сказал он.

— И в самом деле. Этот призрак, ребенок, малыш — слава богу, больше не плачет.

Он сжал ее руку, повернул голову в ее сторону и сказал:

— Это мы с тобой сделали.

— Да, это мы, — сказала она. — Да, слава богу, мы его утихомирили.

Ночь выдалась на редкость тихой. Даже ветер мало-помалу замер. Листву на деревьях больше не бросало в дрожь.

А они лежали в темноте, держась за руки, слушали тишину — эту дивную тишину — и ждали расвета.

У нас всегда будет Париж

Как-то в Париже, душной июльской ночью с субботы на воскресенье, около двенадцати, я собрался пройтись своим любимым маршрутом, который неизменно начинался от собора Парижской Богоматери, а заканчивался подчас у самой Эйфелевой башни.

Жена в тот вечер легла рано, часов в девять, но словно почувствовала, когда я был в дверях, и сказала:

— Можешь не спешить, но купи мне пиццу.

— Заказ принят: одна пицца,— сказал я и вышел в коридор.

Из отеля мой путь лежал на другой берег Сены, к собору Парижской Богоматери; я заглянул в Шекспировскую книжную лавку и повернул обратно по бульвару Сен-Мишель в сторону уличного кафе «Два мага», где Хемингуэй — поколение с лишним тому назад — угощал своих друзей граппой, перно и Африкой.

Наблюдая за толпами парижан, я немного поси-
дел в кафе, заказал перно, потом пиво и двинулся
в сторону набережной.

Улица, идущая от «Двух маго», больше напо-
минала узкий проезд между рядами антикварных
магазинов и художественных салонов.

Здесь я оказался практически в одиночестве,
и вдруг вблизи Сены произошло нечто из ряда вон
выходящее — пожалуй, никогда в жизни со мной
ничего подобного не бывало.

Я понял, что за мной следят. Но слежка ве-
лась довольно странно.

Оглянувшись, я не увидел ни одной живой ду-
ши. Посмотрел вперед — и метрах в сорока заме-
тил молодого человека в летнем костюме.

Вначале мне и в голову не пришло, что это не
случайно. Но, задержавшись у одной из витрин, я
поднял взгляд — и обнаружил, что он, теперь мет-
ров с тридцати, наблюдает за мной через плечо.

Стоило нам встретиться глазами, как он заша-
гал дальше, но через некоторое время, замедлив
шаги, оглянулся.

Когда мы обменялись молчаливыми взгляда-
ми еще несколько раз, у меня уже не осталось ни-
каких сомнений. Вместо того чтобы следовать за
мной по пятам, незнакомец шел впереди и огля-
дывался, не теряя меня из виду.

Так мы прошли целый квартал и в конце концов на перекрестке поравнялись.

Это был рослый, стройный блондин, достаточно привлекательный, по всем признакам — француз; спортивная фигура выдавала в нем не то пловца, не то теннисиста.

Я даже не сумел разобраться в своих ощущениях. Приятно, лестно, неловко?

Столкнувшись с ним лицом к лицу, я помедлил и обратился к нему по-английски, но он лишь покачал головой.

И тут же заговорил со мной на французском; теперь уже я покачал головой, и мы оба посмеялись.

— Французский — нет? — уточнил незнакомец.

Я стал мотать головой.

— Английский — нет? — спросил я, и он снова качнул головой, и мы оба расхохотались, потому что стояли одни среди ночи на парижском перекрестке, не могли обменяться даже парой слов и плохо понимали, что нас туда привело.

Наконец он указал рукой в сторону бокового переулка.

При этом он произнес какое-то слово — мне послышалось имя Джим. В растерянности я покачал головой.

Незнакомец повторил, а вслед за тем пояснил:

— Жимназиум, спортзал,— сказал он, еще раз махнул рукой в ту же сторону, сошел с тротуара и оглянулся, чтобы меня не потерять.

Я стоял в нерешительности, пока он переходил через дорогу. На другой стороне он вновь обернулся в мою сторону.

Ступив на мостовую, я направился к нему, спрашивая себя, зачем искать приключений на свою голову. И молча повторил: «Какого дьявола меня туда несет?» Париж, глубокая ночь, духота, случайный прохожий меня поманил — и куда? Какой, к черту, спортзал? А вдруг я оттуда не вернусь? Нет, в самом деле, что за безумие — в чужом городе увязаться за чужим человеком?

Это меня не остановило.

Мы поравнялись в середине следующего квартала, где он меня поджидал.

Кивнув в сторону ближайшего здания, он повторил слово «жимназиум».

Увидев, что он спускается по ступенькам в подвал, я поспешил за ним. А он достал свой ключ и кивнул, приглашая меня в темноту.

Действительно, это был небольшой спортивный зал, оснащенный стандартным инвентарем: тренажеры, гимнастический конь, маты.

Любопытно, подумал я и шагнул вперед; мой провожатый запер за нами дверь.

Сверху доносились приглушенные звуки музыки и чьи-то голоса; не успел я и глазом моргнуть, как почувствовал, что на мне расстегивают рубашку.

Я стоял в темноте; меня прошибла испарина, по лицу стекали ручейки пота. Слышно было, как незнакомец, не двигаясь с места и не произнося ни слова, снимает с себя одежду — и это происходило в Париже, глухой ночью.

У меня в голове опять мелькнуло: «Какого черта?»

Парень шагнул вперед и почти коснулся меня, но в этот миг где-то рядом открыли дверь, кто-то разразился смехом, поблизости отворилась и захлопнулась еще одна дверь, сверху слышался топот, хор голосов.

От неожиданности я вздрогнул; меня затрясло.

Должно быть, незнакомец это почувствовал: вытянув руки, он положил их мне на плечи.

Казалось, нас охватила одинаковая растерянность, и той глухой парижской ночью мы приросли к месту, глядя друг на друга, словно незадачливые актеры, забывшие свой текст.

Сверху долетали раскаты смеха и звуки музыки; похоже, там откупоривали шампанское.

В полумраке я заметил, как с его носа сорвалась капля пота.

Сам я, до кончиков пальцев, тоже был весь в поту.

Так мы и стояли без движения, пока он на французский манер не повел плечами; я тоже пожал плечами ему в ответ, и мы опять негромко посмеялись.

Он подался вперед, взял меня за подбородок и молча поцеловал в лоб. Потом, отступив на шаг, потянулся куда-то в темноте и накинул мне на плечи рубашку.

— *Bonne chance*, — прошептал он; а может, мне это только послышалось.

На цыпочках мы двинулись к выходу. Незнакомец приложил палец к губам, сказал «тсс» и выбрался вместе со мной на улицу.

А дальше мы шли бок о бок по узкому проезду, который тянулся от кафе «Два мага» в сторону набережной Сены, Лувра и моего отеля.

— Надо же, — выдохнул я. — Провели вместе полчаса — и даже не познакомились.

Он бросил на меня непонимающий взгляд, и что-то подсказало мне ткнуть его пальцем в грудь.

— Ты Джейн, я Тарзан, — сказал я.

Услышав это, незнакомец разразился смехом и стал вторить мне:

— Я Джейн, ты Тарзан.

Мы захохотали, впервые за все это время стряхнув напряжение.

Он приблизился, как в прошлый раз, молча поцеловал меня в лоб, а потом развернулся и зашагал в другую сторону.

Когда нас разделяло метра три-четыре, он выговорил на неуверенном английском, не глядя в мою сторону:

— Как жаль.

Я ответил:

— Да, очень жаль.

— В другой раз? — спросил он.

— В другой раз, — отозвался я.

И он скрылся из виду; больше некому было вести меня за собой.

Я вышел на набережную Сены и, минуя Лувр, вскоре добрался до отеля.

Было два часа ночи, но духота не отступала; уже в дверях нашего люкса я услышал шорох простыней и голос жены:

— Забыла спросить: ты билеты купил?

— Конечно, — ответил я. — Летим во вторник на «конкорде», дневным рейсом до Нью-Йорка.

Жена явно успокоилась, а потом со вздохом сказала:

— Господи, как я люблю Париж. Давай на будущий год сюда вернемся.

— «У нас всегда будет Париж», — подтвердил я.

Раздевшись, я присел на краешек кровати. Жена, лежа на своей половине, спросила:

— А пиццу принес?

— Пиццу? — рассеянно переспросил я.

— Как ты мог забыть? — расстроилась жена.

— Сам удивляюсь.

Я почувствовал легкое жжение над бровями и коснулся рукой середины лба, куда меня поцеловал на прощанье незнакомый парень, устроивший за мной слежку, чтобы указывать путь.

— Сам удивляюсь,— повторил я,— как меня угораздило. Черт его знает.

У нас в гостях маменька Перкинс

Джо Тиллер вошел к себе в квартиру и, снимая шляпу, поймал на себе взгляд дородной женщины средних лет, луцшившей горох.

— Входи, — сказала она изумленному Джо. — Энни пошла готовить ужин. Да ты присаживайся.

— Но кто... — начал он, взглянув на нее.

— Я — маменька Перкинс, — засмеялась она, раскачиваясь.

Хотя она сидела на обычном стуле, а не в кресле-качалке, ей все же удавалось на нем раскачиваться. У Тиллера закружилась голова.

— Зови меня просто маменькой, — вкрадчиво сказала она.

— Мне знакомо ваше имя, но...

— Не беспокойся, сынок. Скоро мы с тобой сойдемся накоротке. Я к вам в гости — поживу, наверное, годик.

С этими словами она довольно рассмеялась и высвободила очередную горошину.

Тиллер бросился на кухню и столкнулся с женой.

— Откуда, черт возьми, взялась эта слащавая старушенция? — возмутился он.

— Из радиопередачи, — с улыбкой сказала жена. — Да ты ее знаешь: маменька Перкинс.

— И что она здесь забыла? — выкрикнул он.

— Тсс. Она пришла оказать нам помощь.

— Помощь в чем? — Он пристально посмотрел в направлении той комнаты, где сидела маменька Перкинс.

— В делах, — неопределенно ответила жена.

— А где мы ее поселим, черт возьми? Она ведь должна где-то спать или нет?

— Ну конечно, — ласково сказала Энни. — Кстати, радиостудия от нас в двух шагах; вроде бы на ночь она будет уходить туда.

— Зачем ее сюда принесло? Это ты ей написала? Ты мне не говорила, что вы с ней знакомы, — распалился он.

— Неужели не говорила? Я уже давно слушаю ее передачу, — сказала Энни.

— Это не имеет никакого значения.

— Ну как же? Мне всегда казалось, что маменьку я знаю едва ли не лучше, чем тебя, — возразила жена.

Ему стало не по себе. Десять лет, подумал он. Десять лет она провела в этой комнате, среди мебели, обитой ситцем, наедине с розово-серебристым приемником, слушая жужжание голосов в эфире. Десять тайных лет зрел этот монашеский сговор радио и женщин, пока он налаживал свои пошатнувшиеся дела. Однако он решил изобразить беззаботность и благоразумие.

— Я лишь хочу знать, — он взял жену за руку, — ты написала маменьке письмо или позвонила по телефону? Как она здесь оказалась?

— Она здесь уже десять лет.

— Черта с два!

— Ну ладно, сегодня особенный день, — признала его жена. — Сегодня маменька впервые решила остаться.

Он повел жену в гостиную, чтобы еще раз встретиться лицом к лицу со старушкой.

— Выметайтесь, — гаркнул он.

Маменька подняла взгляд от морковки, которую резала на кубики, и с металлом в голосе произнесла:

— Не могу. Это решает Энни. Тебе придется с нею посоветоваться.

Он повернулся к жене.

— Ну? — вопросительно посмотрел он на нее.

Выражение лица Энни стало холодным и отчужденным.

— Давайте-ка вместе поужинаем,— сказала она и вышла из комнаты.

Джо был ошеломлен.

— Хозяйка-то с характером,— заметила маменька.

Проснувшись в полночь, он решил проверить, что делается в гостиной. Там было пусто.

Радио приглушили, но не выключили. Из приемника комариным писком звучал едва различимый далекий голос:

— Надо же. Вот это да! Ну и ну!

В комнате было холодно. Его зазнобило. Приемник, источающий тепло, согревал лишь ухо, которым прижался к нему Джо.

— Надо же. Вот это да! Ну и ну!

Он выключил радио.

Жена слышала, как он скользнул в постель.

— Ушла,— сообщил он.

— Конечно,— ответила она.— И вернется завтра в десять.

Он не стал спорить.

— Спокойной ночи, дорогая,— только и сказал он.

За завтраком в гостиной присутствовал лишь яркий свет утреннего солнца. Джо громко засмеялся, увидев, что в комнате пусто. На него нахлынул душевный подъем, как будто после бокала хо-

рошего вина. По дороге к себе в контору он то и дело насвистывал.

В десять часов у него был перерыв. Шагая по проспекту и напевая что-то себе под нос, он услышал, что у магазина электротоваров включено радио.

— Проходите же,— вещал голос.— Ох, боже мой, только не наследите мне в доме.

Он остановился и прямо на улице начал вертеться как заведенный вокруг своей оси.

До него снова донесся голос.

— Это маменька Перкинс,— прошептал он. И прислушался.

— Точно, ее голос,— сказал он.— Голос женщины, которая вчера заявила к нам домой. Сомнений нет.

И все же прошлой ночью гостиная была пуста...

А как насчет радио, которое тихо работало в комнате, и едва различимого голоса, звучащего как будто издалека и повторяющего снова и снова: «О боже. Вот это да! Ну и ну!»?

Он забежал в аптеку и опустил пять центов в телефон-автомат.

Три гудка. Короткое ожидание. Щелчок.

— Алло, Энни? — бодро спросил он.

— Нет, это маменька,— ответил голос.

— Ох,— выдохнул он и бросил трубку.

В тот день он гнал от себя эти мысли. Вся ситуация была невероятна, слишком затянута и просто ужасна. По дороге домой он купил Энни букет свежих роз. Держа его в правой руке, он открыл ключом дверь в квартиру. К тому времени он уже почти забыл о маменьке.

Цветы выпали у него из рук; он даже не нагнулся, чтобы их поднять. Пристально уставившись на маменьку, он наблюдал, как она, сидя на том самом стуле, который не раскачивался, качалась из стороны в сторону.

Ее приторный голос весело окликнул:

— Вечер добрый, Джо, сынок! Какой же ты внимательный, розы принес.

Не говоря ни слова, он набрал телефонный номер.

— Алло, Эд? Слушай, Эд, ты сегодня вечером свободен?

Ответ был отрицательным.

— Может, хотя бы завтра вечером заглянешь? Мне нужна твоя помощь, Эд.

На этот раз ответ был утвердительным.

В восемь часов они закончили ужинать, и маменька принялась убирать со стола.

— Завтра на десерт у нас будет пирог из скрещенной тыквы, — говорила она.

В дверь позвонили, и, открыв, Джо Тиллер буквально с порога втащил в гостиную Эда Лейбера.

— Полегче, Джо,— сказал Эд, потирая руку.

— Эд,— начал Джо, усаживая его и протягивая стаканчик шерри.— Мою жену ты знаешь, а это маменька Перкинс.

Эд засмеялся.

— Рад познакомиться! Я уже давно слушаю вашу передачу.

— Здесь нет ничего смешного, Эд,— возмутился Джо.— Прекрати.

— Не считите за дерзость, миссис Перкинс,— стал оправдываться Эд,— но дело в том, что ваше имя так похоже на имя этой вымышленной героини...

— Эд,— перебил Джо,— это на самом деле маменька Перкинс.

— Она самая,— приветливо добавила маменька, продолжая лущить горох.

— Вы меня разыгрываете,— удивился Эд, оглядываясь вокруг.

— Вовсе нет,— ответила маменька.

— Она собирается у нас погостить, и с ней никакого сладу. Эд, ты ведь психолог, посоветуй, как мне быть. Поговори с Энни, прошу тебя. Это ее затея.

Эд откашлялся.

— Ситуация зашла уже достаточно далеко.

Он подошел к маменьке и коснулся ее руки.

— Настоящая, это не галлюцинация.

Он дотронулся до Энни.

— Энни тоже настоящая.

Вслед за тем он потянулся к Джо.

— И ты настоящий. Мы все настоящие. Как дела на работе, Джо?

— Не переводи разговор. Я серьезно. Она у нас поселилась, а я хочу, чтобы ее здесь не было.

— Ну, я думаю, с такой проблемой надо обращаться в службу охраны общественного порядка или к шерифу, но никак не к психологу.

— Эд, послушай меня. Послушай, Эд. Я знаю, что все это кажется невероятным, но честное слово, она та самая маменька Перкинс.

— Ну-ка дыхни, Джо.

— А я хочу, чтобы она осталась здесь, со мной, — вмешалась Энни. — Иногда мне бывает одиноко. Я сижу дома, занимаюсь хозяйством, и мне нужна компания. Я не допущу, чтобы ее выгнали. Она у меня в гостях.

Эд хлопнул себя по ноге и выдохнул.

— Ну вот что, Джо. Похоже, тебе нужен адвокат по бракоразводным делам, а не психолог.

Джо выругался.

— Не могу же я сбежать и оставить ее в когтях этой старой ведьмы! Ты что, не понимаешь? Я слишком сильно ее люблю. Кто знает, что с ней

может случиться, если бросить ее здесь на год одну, без связи с внешним миром!

— Тише, Джо. Не кричи. Хватит, успокойся.

Психолог обратился к старушке:

— А вы что скажете? Вы действительно маменька Перкинс?

— Да. Из радиопередачи.

Психолог поник духом. В ее ответе были какая-то прямолинейность и искренность. Он начал взглядом искать дверь, нервно подергивая руками.

— А пришла я потому, что Энни нуждается в моей помощи,— продолжила маменька.— Пожалуй, я знаю эту малышку лучше, да и она знает меня лучше, чем собственного мужа.

Психолог что-то понял.

— Ага. Подождите минутку. Джо, давай-ка выйдем.

Они вышли в коридор и шепотом продолжили разговор.

— Джо, мне неприятно тебе об этом говорить, но с ними что-то не так. Кто эта старушка? Твоя теща?

— Говорю же, это ма...

— Черт возьми! Может, хватит? Я тебе не враг, Джо. Их сейчас нет рядом. Да, мы все вместе пошутили, но со мной сейчас шутить не нужно! — Он пришел в раздражение.

Джо выдохнул:

— Ладно, думай, как знаешь. Но ты же видишь, что у меня неприятности?

— Вижу. Что происходит? Они обе слишком долго слушали радио? Если так, тогда это объясняет, почему они в один голос твердят одно и то же.

Джо собирался пуститься в объяснения, но передумал. Эд, чего доброго, решит, что он тоже свихнулся.

— Я могу на тебя рассчитывать? Что тут можно сделать?

— Предоставь это мне. Я попробую им доказать, что эта ситуация не поддается простой логике. Пошли.

Они вернулись в комнату и налили себе еще шерри. Почувствовав себя снова в своей стихии, Эд посмотрел на обеих женщин и произнес:

— Энни, эта дама никак не может быть маменькой Перкинс.

— Неправда! Это она и есть! — разозлилась Энни.

— Нет, это не она, потому что, будь она маменькой Перкинс, я не мог бы ее видеть. Ты одна ее видишь, понятно?

— Нет, не понятно.

— Если бы это была маменька Перкинс, я смог бы сделать так, чтобы она исчезла, просто убедив

тебя в том, насколько нелогично считать ее настоящей. Я бы растолковал тебе, что она не более чем персонаж радиопередачи, выдуманный кем-то...

— Вот что, милоч, — прервала его маменька. — Жизнь — это жизнь. И человек, и персонаж хороши по-своему. Может, я и была рождена чьим-то воображением, но все-таки я появилась на свет и с каждым прожитым годом становлюсь более настоящей. И ты сам, и ты, и вот ты каждый раз, слушая меня, делаете мое существование реальным. Умри я завтра — вся страна рыдать будет, разве не так?

— Ну...

— Разве не так? — гневно спросила она.

— Да, но люди будут оплакивать сам замысел, а не его воплощение.

— Им будет не хватать именно воплощения, которое они считают настоящим. И если они так считают, значит, так и есть, а ты, милоч, глуп еще, — парировала маменька.

— Бесплезно, — сказал Эд и снова повернулся к Энни. — Послушай, Энни, это твоя свекровь, и ее не могут звать маменькой Перкинс. Она твоя свекровь.

Он медленно и весомо чеканил слова.

— Было бы неплохо, — подхватила его мысль Энни. — Мне это по душе.

— И я бы не отказалась,— сказала маменька.— Со мной и не такое бывало.

— Ну что, теперь мы договорились? — вмешался Эд, удивившись своему внезапному успеху.— Энни, она твоя свекровь?

— Да.

— И вы вовсе не маменька Перкинс, ведь так, мадам?

— Это что — какой-то сговор, игра или загадка? — спросила Энни, глядя на маменьку.

Маменька улыбнулась.

— Если тебе нравится так думать, то да.

— Но послушай...— возразил Джо.

— Заткнись, Джо. Ты все испортишь.

И Эд тут же обратился к Энни и маменьке:

— Так, повторим все сначала. Она твоя свекровь, и ее зовут маменька Тиллер.

— Маменька Тиллер,— повторили они.

— Давай-ка потолкуем с глазу на глаз,— сказал Джо и вытащил Эда в коридор.

Там он прижал его к стене и стал грозить ему кулаком.

— Ты что, совсем сдурел? Я не желаю, чтобы она здесь оставалась. Мне нужно от нее избавиться. Ты только подыграл Энни. Теперь она на стороне этой старой ведьмы!

— Подыграл? Ну ты и псих. Наоборот, я помог ей, им обеим. И вот благодарность!

Эд попытался вырваться.

— Утром пришлю тебе счет.

Он гордо зашагал по коридору.

Джо не сразу решился вернуться в комнату.

О боже, молил он, помоги мне.

— А, это опять ты, — сказала маменька, закатывая банку с солеными огурцами.

В полночь и за завтраком гостиная снова была пуста. Во взгляде Джо заиграло лукавство. Он посмотрел на радиоприемник и провел по нему дрожащей рукой.

— Не прикасайся! — закричала жена.

— Ого, — удивился он. — Так это здесь она прячется по ночам, а? Здесь! Вот ее гроб, здесь эта проклятая старая кровопийца будет спать до завтрашнего дня, пока ее не выпустят отсюда по расписанию!

— Не трогай радио, — истошно завопила жена.

— Сейчас я с ней разделаюсь.

Он схватил приемник.

— Как убить ведьму? Серебряной пулей в сердце? Распятием? Волчьей отравой? Или достаточно нацарапать крест на мыльнице? Как ты считаешь?

— Отдай!

Энни бросилась к нему, чтобы выхватить приемник. В беспощадной схватке они перетягивали

из стороны в сторону электрическую коробку, вклинившуюся между ними.

— Вот так! — крикнул Джо.

Он швырнул радиоприемник на пол. А потом стал топтать и пинать, пока не раздробил на мелкие обломки. Набросившись на чудом уцелевшие лампы, он подхватил их с пола и расколошматил вдребезги. После этого он смел все осколки в мусорное ведро, а жена неистово металась по комнате, обливалась слезами и билась в истерике.

— Она мертва, — торжественно провозгласил он. — Мертва! Черт побери! Я ее прикончил.

Его жена заснула в слезах. Он пытался ее успокоить, но она была настолько взвинчена, что даже не позволила к себе прикоснуться. Она тяжело переживала смерть.

Утром она не сказала ему ни слова. В холодном отчуждении он съел свой завтрак, рассчитывая, что к вечеру все уладится.

На работу он опоздал. Пройдя между рядами машинисток, которые усердно стучали по клавишам, он заспешил по длинному коридору и наконец оказался в приемной своего офиса.

Бледная секретарша стояла у стола, прижав ладони к губам.

— Ох, мистер Тиллер, как хорошо, что вы пришли, — выдавила она. — Там, — указала она на дверь,

ведущую к нему в кабинет, — ужасная назойливая старуха. Заявилась прямо сюда и... — Подбежав к порогу, она распахнула дверь настежь. — Вот, любуйтесь!

У Джо внутри все перевернулось. Он перешагнул порог кабинета и захлопнул дверь. Развернувшись, он столкнулся нос к носу со старухой, которая ожидала его появления.

— Как вы сюда попали? — возмутился он.

— Прежде всего, доброе утро, — рассмеялась маменька Перкинс, сидя в его вращающемся кресле и чистя картошку; ее аккуратные черные туфельки поблескивали в лучах солнца. — Заходи. Я решила, что твои служебные дела нужно привести в порядок. И уже начала работать в этом направлении. Теперь мы компаньоны. У меня богатый опыт в деловой сфере. Я спасла немало компаний, которым грозило банкротство, немало супружеских пар, оказавшихся на грани разрыва, немало человеческих жизней. Ты как раз мой клиент.

— Вон отсюда, — сказал он без всякого выражения, практически не раскрывая рта.

— Ну же, парень, выше нос. Мы в два счета поправим твои дела. Позволь старушке пофилософствовать, и она подскажет тебе, как...

— Вы слышали, что вам сказано? — резко перебил он. — Неужели недостаточно того, что вы доставили мне массу неприятностей дома?

— Кто? Я? — Она покачала головой. — Скажешь тоже! Я же никогда не бывала у тебя дома!

— Это ложь! Вы пытались разрушить наши отношения с Энни!

— В этой конторе я работаю уже полгода, — сообщила она.

— Раньше я вас здесь не видел.

— Да я на одном месте не сижу. Так, наблюдаю. Заметила, что дела у тебя идут неважно, и надумала дать тебе пару дельных советов. Как раз то, чего тебе не хватает.

И вдруг он понял, в чем дело. Маменек было две. Одна здесь, а другая дома. Две? Нет, их миллион. В каждом доме — своя. И ни одна из них не знает о существовании других. Все они разные, как будто созданы отдельным сознанием тех, кто далеко.

— Все ясно, — сказал он. — Значит, берешь на себя мои обязанности, преследуешь меня, ведь так, старая чертовка?

— Ну и выражения, — фыркнула она, раскатывая пухлыми руками желтоватое тесто для пирога на его зеленом грессбухе.

— Кто? — зарычал он.

— Ты о чем?

— Кто этот предатель, который работает в нашей конторе? — завопил он. — Кто здесь тайком слушает вашу передачу?

— Много будешь знать — скоро состаришься,— ответила она, посыпая тесто корицей из его чернильницы.

— Момент!

Ринувшись из кабинета, он чуть не снес дверь, выскочил в приемную, пробежал мимо своей секретарши и оказался в просторном заде, где сидели машинистки.

— Внимание! — замахал он руками.

Стук прекратился. Десять машинисток, а с ними и другие конторские служащие подняли головы от блестящих черных пишущих машинок.

— Послушайте,— крикнул он.— Где здесь радио?

В конторе воцарилась тишина.

— Все слышали вопрос? — возмущился он, обводя их безумным взглядом.— Здесь есть радиоприемник?

Тишина наполнилась тревогой.

— Я отмечу денежной премией и никогда не уволю ту, которая скажет мне, где здесь радио,— объявил он.

Хрупкая светленькая машинистка подняла руку.

— В женском туалете,— всхлипнула она.— Когда у нас перекур, мы тихонько его включаем.

— Да хранит вас Бог.

Выбежав в коридор, он бросился к женскому туалету.

— Есть там кто-нибудь? — крикнул он.

Ответа не последовало. Тогда он отворил дверь.

Радио стояло на подоконнике. Он схватил его, вырывая провода. Ему казалось, будто это кишки какого-то кровожадного зверя. Распахнув окно, он швырнул туда приемник. Где-то послышался крик. Радио, как бомба, взорвалось множеством осколков, ударившись о крышу ближайшего здания.

Он захлопнул окно и вернулся в свой кабинет. Там никого не было. Схватив со стола чернильницу, он тряс ее до тех пор, пока чернила не потекли на пол.

По дороге домой он размышлял над тем, что сказал своим сотрудникам. Больше никаких радиопередач, предупредил он их. Кто посмеет принести радиоприемник, будет тут же уволен. Уволен! Похоже, они все поняли.

Он поднялся вверх по лестнице и остановился.

Из его квартиры доносился шум вечеринки. Он различил смех жены, звон бокалов и звуки музыки, на фоне которой слышалась болтовня гостей.

— О маменька, ты уникам!

— Пеппер, ты где?

— Папа, я здесь!

- Флаффи, давай сыграем в бутылочку!
- Генри, Генри Олдрич, поставь тарелку на место, пока не разбил!
- Джон, Джон!
- Хелен, шикарно выглядишь...
- А я и говорю доктору Тренту...
- Знакомьтесь. Это доктор Кристиан, а...
- Сэм, Сэм Спейд, это Филипп Марлоу...
- Привет, Марлоу.
- Здорово, Спейд.

Послышался громкий хохот, перезвон бокалов и какой-то сумбур, а потом опять болтовня.

Джо прислонился к стене. У него на лице выступила испарина. Он стиснул себе шею, чтобы не закричать. Все эти голоса. Такие знакомые. Очень знакомые. Где же он мог их слышать? Это друзья Энни? Но у нее нет друзей. Ни одного. Он не сумел вспомнить ни единого голоса. А эти имена, чужие, но до боли знакомые?

Он сглотнул пересохшим горлом и уперся рукой в дверь. Щелчок.

Голоса стихли, музыка умолкла, звон бокалов прекратился. Смех как ветром унесло.

В доме будто пронесся ураган. Бескрайняя пустота и тишина, прерываемая лишь тяжелыми вздохами стен. Энни сидела, не сводя глаз с вошедшего Джо.

— Куда все подевались? — спросил он.

— Кто? — Она неумело изобразила удивление.

— Твои друзья, — ответил он.

— Какие друзья? — Энни широко раскрыла глаза.

— Ты прекрасно понимаешь, о ком я говорю, — отрезал он.

— Нет, не понимаю. — Она твердо стояла на своем.

— Чем ты занималась? Сходила и купила себе новое радио?

— А что в этом такого?

Он сделал шаг вперед, цепляясь руками за воздух.

— Где оно?

— Не скажу.

— Тогда я сам найду, — пригрозил он.

— А я себе новое куплю, и если понадобится, буду покупать одно за другим, — не сдавалась она.

— Энни, Энни, — взмолился он, останавливаясь. — Сколько можно продолжать этот балаган? Разве ты не видишь, что происходит?

Она уставилась в стену.

— Вынуждена признать, что ты никогда не был хорошим мужем и не уделял мне должного внимания. Зато, пока тебя нет дома, ко мне приходят друзья, мы устраиваем посиделки, и мне нравит-

ся наблюдать, как гости то появляются, то исчезают, то просто ходят кругами, мы пьем вино, у нас случаются романы — да, милый мой Джозеф, ты не поверишь, но это правда, настоящие романы! Мы смешиваем себе мартини, дайкири и манхэттены, дорогой мой Джозеф, а иногда просто так сидим, болтаем, вяжем, стряпаем, а бывает, и путешествуем — то на Бермуды, то еще куда-нибудь, хоть в Рио, хоть на Мартинику, хоть в Париж! Вот и сегодня у нас была такая грандиозная вечеринка, пока ты нам не помешал!

— Я — вам помешал! — вскричал он, испепелив ее взглядом.

— Да,— прошептала она.— По-моему, ты совсем не настоящий. Ты как призрак из другого мира: прилетел, чтобы испортить нам вечер. Слушай, Джозеф, может, тебе лучше уйти?

Он с расстановкой произнес:

— Ты сумасшедшая. Храни тебя Господь, Энни, но ты определенно сошла с ума.

— Пусть так,— ответила она наконец.— Все равно решение принято. Сегодня я сама от тебя ухожу. Ухожу к маме!

Он бессильно ухмыльнулся.

— Но твоей мамы больше нет. Она ведь умерла.

— Все равно я ухожу к маме,— повторила она.

— Где это проклятое радио? — завопил он.

— Не скажу. Без него мне до мамы не добратся. Не трогай его!

— Черт побери!

Тут в дверь постучали. Джо пошел открывать. На пороге стоял домовладелец.

— Прекратите крик,— потребовал он.— Соседи жалуются.

— Извините нас,— ответил Джо, выходя на лестничную площадку и прикрывая за собой дверь.— Мы постараемся потише...

Вдруг до него донесся дробный стук шагов. Он и оглянуться не успел, как дверь с грохотом хлопнулась и Энни заперлась изнутри. Она издавала ликующий вопль. Джо начал молотить кулаком.

— Энни, открой, что за глупости!

— Не шуметь, мистер Тиллер,— предупредил его домовладелец.

— Опять эти дурацкие шутки. Мне нужно попасть в квартиру...

Он снова услышал голоса, громкие, оживленные голоса, и завывание ветра, и развеселую музыку, и звон бокалов. Кто-то сказал:

— Давайте впустим его, пусть делает, что хочет. Разберемся сами. Он нам не помеха.

Джо пнул дверь ногой.

— Прекратите,— возмутился домовладелец.— Сейчас полицию вызову.

— Валяйте!

Домовладелец побежал искать телефон, а Джо вышиб дверь.

Энни сидела в дальнем углу комнаты. Там было темно и мрачно. Лишь маленький радиоприемник, купленный за десять долларов, излучал тусклый свет. В комнате было полно народу, а может, теней. В самом центре стоял стул, на котором раскачивалась старушка.

— Это кто ж к нам пожаловал? — ласково проворковала она.

Джо сделал несколько шагов вперед и начал ее душить.

Маменька Перкинс вырывалась, кричала, билась, но все тщетно.

Он ее задушил.

Когда дело было сделано, она повалилась на пол, выронив ножик и рассыпав горошины. Дыхания не было, сердце остановилось — конец.

— Мы хотели, чтобы ты сделал именно это, — монотонно проговорила Энни из темноты.

— Включи свет, — задыхаясь, выдавил он.

Пошатываясь, он прошелся по комнате. Что это было? Сговор? Уж не собирались ли они появиться и в других домах по всему миру? Неужто маменька Перкинс и впрямь испустила дух или она испустила дух только у него дома? А в других местах — не осталась ли она в живых?

На пороге появились полицейские, а следом — домовладелец. Копы были вооружены.

— Не дури, приятель, руки за голову!

Они склонились над бездыханным телом маменьки.

Энни улыбалась.

— Я все видела, — торжествующе заявила она. — Он убил ее.

— И вправду мертва, — заключил один из полицейских.

— Да ведь она не настоящая, не настоящая, — всхлипывал Джо. — Не настоящая, поверьте.

— А по мне, так очень даже настоящая, — отрезал полицейский. — Только уже не подает признаков жизни.

Энни лучилась улыбкой.

— Она не настоящая, послушайте меня, это же маменька Перкинс!

— Ну да, а я в таком случае — тетушка Чарли. Пройдемте с нами, молодой человек.

Он почувствовал, как его развернули чьи-то руки, и тут же сообразил, что будет дальше. После всего, что было, его увезут, а Энни останется дома наедине с приемником. Ближайшие тридцать лет она проведет затворницей у себя в комнате. И то же самое ждет в ближайшие тридцать лет другие одинокие души, супружеские пары, кучу разного

народу по всей стране. Все они будут слушать, слушать радио. Свет превратится в туман, а туман — в тени. Тени сменятся голосами, голоса — очертаниями, а те, в свою очередь, обретут плоть, и в конце концов по всей стране, точно так же, как здесь и сейчас, возникнут комнаты с гостями, настоящими и ненастоящими, и настоящие покорятся ненастоящим, и начнется суший кошмар, в котором уже не отличить плоть от видимости. Десять миллионов комнат, в которых десять миллионов старушек по прозвищу «маменька» будут чистить картошку, недовольно фыркать и разглагольствовать. Десять миллионов комнат, в которых юный Олдрич будет на полу играть в шарики. Десять миллионов комнат, где прогремят выстрелы и куда с sireнами примчатся кареты «скорой помощи». Боже праведный, какой колоссальный, вселенский замысел. Пропавший мир, но он положил этому конец. Мир пропал еще до того, как Джо поднялся на борьбу. Разве много других мужей начали сегодня сражаться, обреченные на печальный исход, на поражение, подобное тому, что потерпел он сам, и лишь потому, что простые законы логики были попорчены злосчастной черной электрической коробкой?

Он почувствовал, что полицейские надели на него наручники. Энни улыбалась. Каждый вечер

она станет устраивать безумства, смеяться и путешествовать, а он будет далеко.

— Выслушайте меня! — закричал он.

— Придурок, — разозлился полицейский и ударил его.

Когда они двинулись вперед, откуда-то послышались звуки радио.

Проходя мимо гостиной, манящей теплым светом, Джо на мгновение заглянул внутрь. Там, возле радиоприемника, раскачиваясь на стуле, сидела старуха, лущившая молодой зеленый горошек.

Он услышал, как где-то стукнула дверь, и непроизвольно шагнул туда.

Взгляд его упал на отвратительную старуху, а может, старика на стуле посреди уютной и прибранной комнаты. Что там происходило? Чем были заняты стариковские руки — вязанием, брил-тьем или чисткой картофеля? А может, лущили горох? Годков-то им сколько? Лет шестьдесят? Восемьдесят? Сто? Десять миллионов?

Он невольно стиснул зубы; вялый язык словно присох к нёбу.

— Входи, — слышался голос старушки-старика. — Энни на кухне, ужин готовит.

— Вы кто? — спросил он.

От волнения у него заколотилось сердце.

— Тебе ли не знать. — Ответ сопровождался пронзительным смехом. — Я — маменька Пер-

кинс. Ты ж меня знаешь, конечно, знаешь, знаешь.

На кухне он прислонился к стене. Жена повернулась к нему, не выпуская из рук терку для сыра.

— Милый!

— Кто это, кто?..— ошалело и невнятно повторял он.— Что это за личность в гостиной и откуда?

— Да это всего лишь маменька Перкинс. Ну, ты ведь знаешь, из радиопередачи,— вполне разумно объяснила жена и нежно поцеловала его в губы.— Не замерз? Ты весь дрожишь.

Прежде чем его увели, он успел заметить, как она с улыбкой кивнула ему на прощание.

Парная игра

Бернард Тримбл с женой пристрастились играть в теннис. Когда он у нее выигрывал, она жутко расстраивалась, а когда выигрывала она, в него будто вселялся бес, и он, мягко говоря, расстраивался так, что дальше некуда.

Как-то летним днем в зеленеющей Санта-Барбаре Бернард Тримбл ехал по загородной дороге с красивой покладистой девушкой, своей новой знакомой. Ее волосы и яркий шарф развевались на ветру, а философская глубина взгляда выдавала усталость от приятного времяпрепровождения. И тут мимо них по встречной полосе стремительно промчалась машина с открытым верхом: за рулем была женщина, а рядом с нею — молодой атлет.

— Боже мой! — вскричал Тримбл.

— Почему ты крикнул «боже мой»? — удивилась прекрасная искусительница, сидевшая рядом.

— Только что мимо нас проехала моя жена — у нее было ужасное выражение лица.

— Какое?

— Прямо как у тебя сейчас,— ответил Тримбл и вдавил педаль в пол.

В тот же вечер, заказав ужин в теннисном клубе раньше обычного, Тримбл сидел при свечах, слушал удары теннисных мячей, которые летали туда и обратно, будто послушные, кроткие голуби, и смаковал вино. Он выразил неудовольствие по поводу опоздания жены, когда та появилась наконец после непомерно затянувшихся водных процедур и села напротив. На ней была тончайшая испанская мантилья. От ее дыхания веяло свежестью, как от прохладного вечернего леса.

Он наклонился к ней поближе, чтобы внимательно изучить ее подбородок, щеки, глаза.

— Нет, не заметно.

— Чего не заметно? — спросила она.

Такого взгляда, мысленно ответил он, который выдает приятное времяпрепровождение.

Его жена тоже подалась вперед, изучая его лицо. Он откинулся на спинку кресла и наконец собрался с духом, чтобы сказать:

— Сегодня днем произошел странный случай.

Жена пригубила вино и ответила:

— Удивительно. Я собиралась тебе сказать то же самое.

— Тогда ты первая,— сказал он.

— Нет, лучше ты. Расскажи, что произошло.

— Понимаешь,— начал он,— еду я по загородной трассе, а навстречу несется машина. За рулем женщина, очень похожая на тебя, а рядом с ней в дорогом белом костюме, с развевающимися на ветру волосами, усталый, но довольный — миллиардер, любитель тенниса Чарльз Уильям Бишоп. Все произошло в считанные секунды, и машина тут же скрылась из виду. Все-таки скорость была небольшая, сорок миль в час.

— Восемьдесят,— уточнила жена.— Если две машины двигаются навстречу друг другу со скоростью сорок миль, то в сумме получается восемьдесят.

— Да, верно,— согласился он.— Ну, что ты думаешь по этому поводу? Странно, правда?

— И в самом деле,— ответила жена.— А теперь послушай мою историю. Сегодня днем еду я со скоростью сорок миль в час по загородной трассе, а по встречной полосе летит машина с такой же скоростью, и мне показалось, будто за рулем сидит мужчина, вылитый ты, а рядом с ним — прекрасная испанка, наследница огромного состояния Карлотта де Вега Монтенегро. Все произошло очень быстро, я была потрясена, но тормозить не стала. Удивительное совпадение, да?

— Еще вина? — тихо спросил он и почему-то наполнил ее бокал до краев.

Они долго сидели, разглядывая друг друга, наслаждаясь вином и слушая стук теннисных мя-

чей, которые летали туда и обратно, как послушные, кроткие голуби на фоне вечернего неба. Видимо, на кортах было немало завсегдатаев, приехавших поиграть в свое удовольствие.

Бернард прочистил горло, взял нож и стал водить им по скатерти.

— Думаю,— сказал он,— это и есть способ решения наших нетривиальных проблем.

Он очертил на скатерти удлиненный прямоугольник и провел линии вдоль и поперек, чтобы вышло похоже на теннисный корт.

Поверх теннисной сетки Тримбл с женой провожали взглядом удаляющиеся фигуры Чарльза Уильяма Бишопа и Карлотты де Вега Монтенегро. Те качали головами, понутив плечи в лучах полуденного солнца.

Жена Бернарда полотенцем промокнула пот у него на щеках; он тоже коснулся полотенцем ее щеки.

— Ай да мы! — сказал он.

— Как по нотам! — ответила она.

Они посмотрели друг на друга, и каждый отметил усталый от приятного времяпрепровождения, но вполне довольный взгляд.

Собачья служба

Молодой пастор Келли бочком протиснулся в кабинет отца Гилмана, помедлил и огляделся по сторонам, как будто собирался выйти, чтобы тут же зайти снова.

Подняв голову от бумаг, отец Гилман спросил:

— Что-то случилось, отец Келли?

— Даже не знаю, — ответил тот.

Отец Гилман не выдержал:

— Не могу понять, ты ко мне или от меня?

Прошу, заходи, присаживайся.

Отец Келли робко шагнул через порог кабинета и наконец сел, не сводя глаз со старого священника.

— Итак? — поинтересовался отец Гилман.

— Итак, — подхватил отец Келли. — В общем, все это как-то нелепо и странно — может, и говорить не стоит.

Тут он умолк. Отец Гилман выжидал.

— Речь идет о той собаке, святой отец.

— О какой собаке?

— О той, что кормится при больнице. По вторникам и четвергам этот пес тут как тут: ему повязывают красный шейный платок, и он сопровождает отца Риордана, когда тот обходит больничные палаты второго и третьего этажей: одно крыло, другое, наверх, а потом вниз, на выход. Пациенты в этой собаке души не чают. Она им поднимает настроение.

— Ах да. Припоминаю этого пса,— сказал отец Гилман.— Какое благо, что к больнице тянутся такие животные. Но что тебя тревожит?

— Видите ли...— начал отец Келли.— У вас сейчас найдется минутка, чтобы взглянуть? Он занимается весьма необычным делом.

— Необычным? В каком смысле?

— Понимаете, святой отец,— сказал отец Келли,— на этой неделе пес дважды приходил в больницу один и сейчас прибежал снова.

— А отец Риордан? Разве он не на обходе?

— Нет, святой отец. О том и речь. Пес совершает обход сам по себе, в отсутствие отца Риордана.

Отец Гилман фыркнул.

— Только и всего? Очевидно, собачка весьма смышленная. Как та лошадь, которая в годы моего детства возила молочный фургон. Она сама зна-

ла, куда сворачивать и у каких домов останавливаться — молочнику даже не приходилось ее по-
нукать.

— Нет-нет. Здесь другой случай. По-моему, собака не так проста, но что у нее на уме — не могу понять, а потому решился позвать вас, чтобы раз-
зобраться на месте.

Отец Гилман со вздохом поднялся с кресла.

— Так и быть, пойдем, надо взглянуть на та-
инственное животное.

— Сюда, святой отец,— сказал отец Келли и
провел его по коридору, а потом вверх по лестни-
це на третий этаж.

— Полагаю, святой отец, пес где-то здесь,—
предположил молодой священник.— Да вот же он.

Пес с красным платком на шее вышел из сем-
надцатой палаты и направился, не обращая на них
никакого внимания, к восемнадцатой.

Оставшись в холле, они видели, как собака се-
ла у койки и будто бы стала чего-то ждать.

Тяжелобольной пациент заговорил, отец Гил-
ман и отец Келли прислушались, но не смогли
разобрать его шепот; а пес между тем безропот-
но сидел подле кровати.

Наконец шепот умолк. Пес вытянул переднюю
лапу, дотронулся до койки, немного выждал и на-
правился в следующую палату.

Отец Келли покосился на отца Гилмана.

— Ну, каково? Что там происходило?

— Боже праведный,— выдавил отец Гилман.—
Сдается мне...

— Что, святой отец?

— Сдается мне, пациент исповедовался псу.

— Но это невозможно.

— Ты же видел. Невозможно, а вот поди ж ты.

Стоя в тускло освещенном холле, святые отцы пытались уловить шепот следующего пациента. Они приблизились к двери и заглянули в палату. Пес терпеливо ждал, пока исповедующийся облегчал душу.

Наконец пес у них на глазах опять протянул лапу, чтобы коснуться койки, и вышел из палаты, не удостоив их взглядом.

Священники замерли в оцепенении, а потом безмолвно двинулись следом.

В соседней палате пес привычно сел у койки. Через мгновение пациент его заметил, улыбнулся и сказал слабым голосом:

— Благослови меня.

И пес сидел не шелохнувшись, пока больной нашептывал что-то свое.

Так они прошли вдоль всего коридора, от палаты к палате.

В какой-то момент молодой священник посмотрел на отца Гилмана и увидел, что лицо у него

искажилось и залилось краской, а на висках набухли вены.

Тем временем пес закончил свой обход и стал спускаться по лестнице.

Священники еле поспевали следом.

Когда они оказались у выхода, пес трусцой убегал в вечерние сумерки; его никто не встретил и не взял на поводок.

Тут отец Гилман неожиданно взорвался и заорал:

— Эй! Слышишь меня? Пес! Чтобы духу твоего здесь не было, понял? Если вернешься, я призову на твою голову проклятия и все муки ада. Слышал меня, пес? Проваливай, вон отсюда!

С перепугу животное закружилось на месте и стремглав умчалось прочь.

Закрыв глаза и тяжело дыша, старый священник побагровел и врос в землю.

Молодой отец Келли вглядывался в сумерки.

Задыхаясь, он в конце концов пробормотал:

— Святой отец, что же вы наделали?

— Проклятье! — бросил отец Гилман. — Это порочное, ненавистное, богомерзкое чудовище!

— Богомерзкое? — удивился отец Келли. — Разве вы не слышали, что ему говорили?

— Вот именно, слышал, — ответил отец Гилман. — Этот пес позволяет себе отпускать грехи, исповедовать страждущих и внимать их мольбам!

— Но, святой отец, — воскликнул отец Келли, — ведь именно это делаем и мы с вами.

— Это наше священное право, — чуть не задохнулся отец Гилман. — Только наше!

— Вы так считаете, святой отец? А чем другие хуже нас? К примеру, если семейный человек посреди ночи изливает душу перед супругом или супругой, разве это не похоже на исповедь? Разве не так молодые пары учатся прощать и жить дальше? Ведь это в некотором смысле сродни нашему служению, не правда ли?

— Ну знаешь! — взревел отец Гилман. — Ночные излияния, собаки, порочные чудовища!

— Святой отец, может статься, этот пес больше сюда не придет.

— Тем лучше! Я не допущу такой мерзости в больницу, которую призван окормлять!

— Господи, сэр, вы разве не заметили? Этот пес из породы спасателей. Не зря же их нарекли таким именем. Думаю, после окончания часовой исповеди, выслушав кающихся и отпустив им грехи, вы бы и сами не возражали, назови я вас спасателем, правда?

— Спасателем?

— Именно так. Задумайтесь, святой отец, — произнес молодой священник. — Ну ладно. Давайте посмотрим, не натворило ли бед это «чудовище», как вы изволили выразиться.

Отец Келли вернулся в больницу. Через несколько мгновений за ним последовал и старый отец Гилман. Они прошли по коридору и заглянули в палаты к пациентам, прикованным болезнью к постели. Повсюду царила какая-то особая тишина.

В одной из палат витало необычное умиротворение.

Из другой доносился шепот. Отцу Гилману слышалось имя Пресвятой Девы Марии, хотя полной уверенности не было.

В тот памятный вечер они переходили в больницы тиши от палаты к палате, и у старого священника было такое чувство, будто он сбрасывает с себя старую кожу — чешую заблуждений, коросту высокомерия и, в довершение всего, шелуху равнодушия; в конце концов, вернувшись к себе в кабинет, он ощутил избавление от незримого бремени.

Отец Келли пожелал ему спокойной ночи и вышел.

Усевшись в кресло, отец Гилман облокотился на письменный стол и спрятал лицо в ладони.

Некоторое время он сидел в полной тишине, а потом услышал какое-то шевеление. Его взгляд устремился к дверям.

На пороге спокойно ожидал пес, вернувшийся по собственной воле. Дышал он неслышно, не ску-

лил, не лаял, не зевал. Бесшумно шагнув вперед, он сел подле стола, напротив священника.

Отец Гилман посмотрел ему в глаза, и пес ответил тем же.

Наконец старый священник сказал:

— Отпусти мне грехи — не знаю, как к тебе обращаться. Ничего не приходит на ум. Но все равно хочу исповедаться, ибо я грешен.

Святой отец заговорил о надменности, гордыне и других пороках, которые узрел в себе минувшим вечером.

А пес сидел и слушал.

Туда и обратно

От сотворения мира не случалось, чтобы день встретил сам себя такой щедрой благодатью и свежестью духа. Не случалось и более зеленого утра, чем это, которое в каждом уголке дышало весной. Птицы носились по воздуху как угорелые, а кроты вместе с прочей живностью, таившейся в земле или под камнями, рискнули выбраться наружу, позабыв, что за это недолго поплатиться жизнью. Из тысяч распахнутых окон город выдыхал зимнюю пыль, которую тут же смывало небо, вобравшее в себя приливные волны Индийского и Тихого океанов, а в придачу и Карибского моря. Громко хлопая, открывались настежь двери. На задних дворах развешанные для просушки свежестирированные шторы перекатывались волна за волной через натянутые веревки, как прибой, накачивающий на берега.

В конце концов этот первозданно-сладостный день выманил на крыльцо две растерянные фи-

гурки, словно появившиеся из швейцарских часов. Когда солнце прогрело старые кости, мистер и миссис Александер, два года просидевшие в четырех стенах, в духоте и запустении, ощутили забытое чувство: у них возле лопаток затрепетали крылья.

— Какой воздух! Дыши!

Миссис Александер втянула глоток воздуха и, резко развернувшись, обрушила свой гнев на дом:

— Два года! Сто шестьдесят пять пузырьков микстуры от кашля! Десять фунтов серы! Двенадцать упаковок снотворного! На компрессы — пять метров фланели! А сколько горчичного масла! Чтоб тебе провалиться!

Дом получил тумака. Повернувшись к весеннему дню, она раскрыла объятия. От солнечного света у нее брызнули слезы.

Каждый из них еще чего-то ждал, не в силах отрешиться от двух лет хворей и ухода за своей второй половиной: когда минуло шестьсот дней и ночей, их уже перестала угнетать — хотя по-прежнему печалила — неизбежная перспектива провести очередной вечер вдвоем, без людей.

— Пожалуй, мы здесь чужие.

Муж кивнул в сторону тенистой улочки.

Тут им вспомнилось, как они перестали отвечать на звонки в дверь и поднимать шторы, боясь, как бы внезапная встреча или вспышка яркого солнца не превратила их в пригоршню праха.

Но теперь, в этот искрящийся брызгами фонтана день, к ним, словно по волшебству, вернулось здоровье; почтенные мистер и миссис Александер спустились с крыльца и направились в центр, как выходцы из подземного царства.

На подходе к главной улице мистер Александер изрек:

— Да мы еще хоть куда, рано ставить на себе крест. Мне всего-то семьдесят два, а тебе еле-еле семьдесят. Прощвырнись-ка я по магазинам, Элма. Встретимся здесь через два часа!

Обрадовавшись возможности хоть какое-то время не видеть друг друга, они так и разлетелись в разные стороны.

Не пройдя и полквартала, мистер Александер заметил в витрине манекен — и остановился как вкопанный. Надо же, ну надо же! Солнце согрело кукольные розовые щечки, малиновые губки, лакированные голубые глаза, желтые нити волос. Мистер Александер с минуту простоял без движения, и вдруг позади манекена возникла настоящая девушка, расставлявшая товар на витрине. Подняв глаза, она увидела мистера Александера, который расплывался в улыбке, как слабоумный. Она улыбнулась в ответ.

«Какой день! — думал он. — Дыру смог бы в деревянной двери пробить кулаком. Кошку бы смог

перебросить через здание суда! Эй, не отвсечивай тут, старик! Фу ты! Это отражение? Ну и ладно. О господи! Я оживаю!»

Мистер Александер зашел в магазин.

— Хочу кое-что у вас купить! — объявил он с порога.

— Что именно? — спросила миловидная продавщица.

С глупым видом он осмотрелся.

— Ну, хоть шарфик, что ли. Точно, шарфик.

Он заморгал при виде вороха шарфов, который девушка выложила на прилавок с такой улыбкой, что сердце у него зашло от восторга и накренилось, как гироскоп, нарушив равновесие мира.

— Выберите на свой вкус. Какой вы бы сами стали носить.

Она выбрала шарфик под цвет своих глаз.

— Для вашей супруги?

Он протянул ей пять долларов.

— Прикиньте на себя.

Девушка не возражала. Он попытался представить, как из шарфика будет торчать голова Элмы, — не вышло.

— Оставьте себе, — сказал он, — это вам подарок.

Душа его пела, когда он выходил навстречу солнечному свету.

— Сэр, — звала продавщица, но он уже ушел.

Больше всего миссис Александер истосковалась по новым туфелькам; как только они с мужем разошлись в разные стороны, она шмыгнула в первый попавшийся обувной. Однако не сразу, а лишь после того, как опустила один цент в щель парфюмерного автомата, который выстрелил в ее цыплячью грудку огромным облаком летучей жидкости с запахом вербены. Окутанная этим ароматом, будто утренней дымкой, она устремилась в магазин, где учтивый молодой человек с томным взором карих глаз, аккуратными черными бровями и блестящими, как лак, волосами обхватывал ей лодыжки, легко касался подъема, поглаживал пальцы ног и вообще уделял так много внимания ее нижним конечностям, что они разгорячились и порозовели от смущения.

— Мадам, у вас самая миниатюрная ножка из тех, что я обувал в этом году. Исключительно миниатюрная.

Миссис Александер сидела в кресле как одно большое сердце, бившееся так громко, что молодому человеку приходилось перекрикивать:

— Просуньте ножку, будьте любезны! Может быть, желаете другого цвета?

Когда она выходила из магазина с тремя обувными коробками, он на прощанье коснулся ее левой руки и легонько сжал ей пальцы — не иначе как это был многозначительный жест восхище-

ния. Миссис Александер сдавленно хохотнула и решила не уточнять, что уже много лет не носит обручальное кольцо, которое пылится неизвестно где, потому что руки отекают из-за болезней. На тротуаре она вновь прильнула к заряженному вербеной автомату, держа наготове еще один цент.

Пружинистой походкой мистер Александер шагал по улицам, приплясывая от удовольствия при встрече со старыми знакомыми, и в конце концов с ощущением легкой усталости задержался перед табачной лавкой «Юнайтед сигар». Там по-прежнему, как будто и не было тех семисот с лишним дней, стоял деревянный индеец, а рядом — мистер Блик, мистер Грей и Сэмюел Сполдинг. Не веря своим глазам, они хватали мистера Александра за лацканы и хлопали по плечу.

— Алекс, да ты с того света вернулся!

— Вечером пойдешь в клуб?

— А как же!

— Устроим завтра тайную сходку?

— Непременно.— Приглашения, как шишки, сыпались на него со всех сторон.

— Как же я соскучился, братцы! — Он готов был каждого стиснуть в объятиях, даже индейца.

Ему предложили сигару, дали огонька, а потом затащили в соседнюю бильярдную, где столы для пула были обтянуты сукном цвета джунглей, и стали наперебой угощать пенным пивом.

— Через неделю,— перекрывая шум, провозгласил мистер Александер,— все к нам. Мы с женой приглашаем, друзья. Устроим барбекю! Выпьем, повеселимся!

Сполдинг сжал ему руку:

— Сегодня-то жена тебя не прибьет?

— Элма?! Еще чего!

— Ну-ну!

И мистер Александер устремился прочь, как подхваченный ветром клочок мха.

При выходе из обувного магазина Элму засосала женская толпа. Ее увлекло в самую гущу распродажи, где женщины, разбившись на пары и тройки, одновременно болтали, смеялись, показывали друг дружке приглянувшиеся вещицы и делали покупки.

— Сегодня вечером, Элма. В клубе «Наперсток».

— Кто на машине — заезжайте за мной!

Запыхавшаяся и разгоряченная, она пробилась сквозь толпу, кое-как перешла через дорогу, оттуда оглянулась, как в последний раз оглядываются на океан, и заторопилась вдоль авеню, посмеиваясь и загибая пальцы по числу встреч, предстоящих на следующей неделе: в клубе на Элм-стрит, в Женской патриотической лиге, в кружке рукоделия и в любительском театре «Элит».

Два часа промелькнули незаметно. Куранты на здании суда пробили один раз.

Переминаясь с ноги на ногу, мистер Александер недоуменно поглядывал на часы, время от времени встряхивая их и бормоча что-то себе под нос. На противоположном углу стояла какая-то женщина, и, прождав десять минут, мистер Александер набрался смелости.

— Прошу прощения, у меня, кажется, часы барахлят,— заговорил он, подходя к тротуару.— Не подскажете точное время?

— Ой, Джон! — воскликнула она.

— Элма! — Он ахнул.

— Я уж давно тут стою.

— А я — вот там.

— Да у тебя новый костюм!

— Платье новое!

— И новая шляпа.

— И у тебя.

— Новые туфли.

— А твои-то удобные?

— Жмут.

— Ох, и мне.

— Элма, представь, я купил билеты на субботний спектакль! И еще получил для нас с тобой приглашение на городской пикник. Какие у тебя духи?

— А у тебя что за одеколон?

— Неудивительно, что мы друг друга не узнали. Они обменялись многозначительными взглядами.

— Ну что ж, пора к дому. Чудесный день, правда?

Поскрипывая новыми туфлями, они двинулись по улице.

— Да, верно! — кивнули оба, заулыбавшись.

Тут они тайком покосились друг на друга и почему-то занервничали, поспешив отвести глаза.

Дом встретил их иссиня-черной тьмой: будто бы они из зеленой весенней свежести провалились в пещеру.

— Может, перекусим?

— Что-то аппетита нет. А у тебя?

— Да, у меня тоже.

— Мне так нравятся мои новые туфли!

— А мне — мои!

— Какие у нас планы?

— Может, в кино?

— Сначала надо бы прийти в себя.

— Да ты никак выдохлась?

— Нет-нет-нет, — поспешно затараторила она. — А ты?

— Нет-нет! — быстро ответил он.

Опустившись в кресла, они наслаждались уютным домашним полумраком и холодком после яркого, теплого, слепящего дня.

— Пожалуй, ослаблю немного шнурки,— выговорил он.— Только узелки развяжу.

— Мне тоже не мешает.

Оба развязали узелки и ослабили шнуровку.

— А что это мы в шляпах сидим!

Не вставая, они сняли шляпы.

Глядя на нее, он думал: «Сорок пять лет. Сорок пять лет я на ней женат. А ведь до сих пор помню, как... и поездку в Миллс-Вэлли тоже помню... а вот еще был случай... сорок лет назад отправились мы... да... да.— Он покачал головой.— Много воды утекло».

— Не хочешь галстук снять? — предложила она.

— По-твоему, имеет смысл? Нам скоро выходить,— сказал он.

— Да ты на минутку.

Она смотрела, как он снимает галстук, а сама думала: «Живем душа в душу. Заботимся друг о друге. Когда я слегла, он меня с ложечки кормил, купал, одевал, все по дому делал... Вот уж сорок пять лет пролетело, а медовый месяц в Миллс-Вэлли словно на той неделе был».

— Сними ты эти клипсы,— посоветовал он.— Новые, как я понимаю? На вид тяжеловаты.

— Да, есть немного.— Она отложила клипсы в сторону.

Они устроились в привычных мягких креслах возле обтянутых плотным зеленым сукном тум-

бочек, где громоздились упаковки пилюль и таблеток, пузырьки с арникой, всевозможные сыворотки, микстуры от кашля, ватные шарики, лубки, растирания для ног, бальзамы, лосьоны, масла, ингаляторы, аспирин, хинин, порошки, колоды засаленных игральных карт, выдержавших миллионы партий в очко, и еще книги, которые они вполголоса читали друг другу в тесной полутемной комнате при слабом свете одной-единственной лампочки, и голоса их трепетали, словно блеклые ночные мотыльки.

— Вообще говоря, туфли можно скинуть,— решил он.— Ровно на сто двадцать секунд, до выхода из дому.

— Это правильно, ноги должны дышать.

Они сбросили обувь.

— Элма...

— Что? — Она подняла глаза.

— Нет, ничего,— пробормотал он.

На камине громко тикали часы. Оба заметили, что каждый украдкой косится в ту сторону. Стрелки показывали два. До восьми вечера оставалось всего шесть часов.

— Джон...

— Да?

— Ладно, неважно,— сказала она.

Посидели еще немного.

— А где наши тапочки? — вспомнил он.

— Сейчас принесу.

Она сходила за тапочками.

Сунув ноги в приятно-прохладный войлок, оба выдохнули.

— Уф!

— А что это ты до сих пор в пиджаке и жилете?

— И в самом деле. Новая одежда — как латы.

Он выбрался из пиджака, а через пару минут освободился и от жилетки.

Кресла слегка поскрипывали.

Через некоторое время она сказала:

— Надо же, четыре часа.

— Время-то как пролетело. Не поздновато ли выходить?

— Совсем поздно. Давай-ка лучше отдохнем. А к вечеру вызовем такси и съездим куда-нибудь поужинать.

— Элма...— Он облизал губы.

— Что?

— Забыл.— Его глаза обшарили стенку.— Надену, пожалуй, махровый халат,— решил он минут через пять.— Я мигом соберусь, когда нужно будет выходить. Закажем на ужин мясное филе, самую большую порцию.

— Правильно мыслишь,— согласилась она.— Джон?

— Ну, говори. Что ты хочешь сказать?

Она взглянула на новые туфли, брошенные на пол. Ей вспомнились легкое поглаживание по щиколотке, ласковое прикосновение к каждому пальчику.

— Нет, ничего.

Слух каждого ловил сердцебиение другого. Кутаясь в махровые халаты, они тихо вздыхали.

— Что-то я подустала. Самую малость, понимаешь,— сказала она,— совсем чуть-чуть.

— Ничего удивительного. День-то какой выдался.

— Не бегать же нам сломя голову, правильно?

— Конечно, надо себя поберечь. Годы-то уже не те.

— Вот-вот.

— Я и сам немного утомился,— бросил он как бы невзначай.

— А что, если...— она посмотрела на каминные часы,— что, если мы вечером перекусим дома, чем бог послал? В ресторан ведь можно и завтра.

— Дельное предложение,— сказал он.— Тем более что я не так уж голоден.

— Как ни странно, я тоже.

— Но в кино-то ходим?

— А как же!

В потемках они, как мыши, подкрепились сыром и залежалыми крекерами.

Семь часов.

— Знаешь,— произнес он,— меня как будто подташнивает.

— Да что ты?

— И спина разболелась.

— Давай помассирую.

— Спасибо, Элма. Золотые у тебя руки. Любому массажисту сто очков вперед дашь: не слишком сильно, не слишком слабо, а именно так, как нужно.

— Ступни прямо горят,— пожаловалась она.— Боюсь, не дойду я сегодня до кинотеатра.

— Ничего, в другой раз,— сказал он.

— Я вот что думаю: сыр-то у нас не испортился? Изжога разыгралась.

— Ага, ты тоже заметила?

Каждый покосился на тумбочку с лекарствами.

Семь тридцать. Семь сорок пять.

— Почти восемь.

— Джон!

— Элма!

Они заговорили одновременно.

И от неожиданности рассмеялись.

— Ну, что ты хотел?

— Нет, давай ты.

— Нет, ты первый.

Оба помолчали, слушая тиканье часов и глядя на стрелки; сердцебиение участилось. Лица побледнели.

— Плесну-ка себе мятного сиропа,— сказал мистер Александер.— От желудка помогает.

— А потом ложечку мне передай.

В потемках они причмокивали губами, довольствуясь тусклым светом единственной лампочки.

Тик-так, тик-так, тик-так.

На дорожке перед домом слышались шаги. Кто-то поднялся на крыльцо. Зазвонил звонок.

Они оба замерли.

В дверь снова позвонили.

Хозяева затаились в тишине.

Звонок принимался дребезжать шесть раз.

— Не будем открывать,— дружно решили муж с женой и, вздрогнув от очередного звонка, охнули.

Они смотрели друг на друга в упор и не двигались.

— Вряд ли это что-нибудь серьезное.

— Разумеется, ничего серьезного. Начнутся пустые разговоры, а нам отдыхать нужно.

— Вот именно,— подтвердила она.

Звонок не унимался.

Под очередную трель мистер Александер принял еще одну ложечку мятного сиропа. Его жена налила себе воды и проглотила белую пилюлю.

Звонок сердито взвизгнул и умолк.

— Пойду гляну,— шепнул мистер Александер.— Из окошка в холле.

Оставив жену, он вышел. Тем временем Сэмюел Сполдинг повернулся спиной и уже начал

спускаться по ступенькам. Мистер Александер не смог припомнить его лица.

Из окна гостиной тайком смотрела миссис Александер. У нее на глазах с тротуара свернула ее приятельница по клубу «Наперсток», которая столкнулась на дорожке с незадачливым посетителем, сошедшим с крыльца. Эти двое остановились. В тишине весенних сумерек зазвучали приглушенные голоса.

Разговор явно касался хозяев: гости окинули взглядом дом.

Вдруг они расхохотались.

И еще раз посмотрели на темные окна.

Не солоно хлебавши мужчина с женщиной вышли на тротуар; смеясь, переговариваясь и качая головами, они шагали под освещенными луной деревьями, пока не скрылись из виду.

Вернувшись в комнату, мистер Александер обнаружил, что жена уже приготовила тазик с теплой водой, чтобы они вместе могли попарить ноги. Кроме того, она принесла запасной пузырек арники. Муж слышал, как из крана течет вода. Выйдя из ванной, жена распространяла вокруг себя запах мыла, а не терпкий аромат вербены.

Они опустили ноги в таз.

— Сдать, что ли, билеты на субботний спектакль? — задумался мистер Александер. — И приглашения на пикник тоже. До выходных еще дожить надо.

— И то верно,— сказала жена.

Казалось, весенний день канул в прошлое миллион лет назад.

— Интересно, кто это приходил? — спросила она.

— Понятия не имею,— ответил он, потянувшись за мятным сиропом. И немного отпил.— Не перекинуться ли нам в очко, хозяйюшка?

Едва заметным движением миссис Александер сменила позу.

— Отчего ж не перекинуться? — сказала она.

Кто смеется последним

Звали его Эндрю Рудольф Джеральд Весалиус, и был он гением от бога: писал философские трактаты, занимался статистикой, создавал оперы в духе великих итальянцев, сочинял любовную лирику и немецкие баллады, проповедовал веданту, входил во властные структуры округа Санта-Барбара и вообще умел быть верным другом.

В последнее трудно поверить, тем более что в то время, когда мы с ним познакомились, я был гол как сокол — кропал примитивную фантастику и получал по два цента за слово.

Но Джеральд — да простится мне такая фамильярность — сам на меня вышел и поведал всем знакомым, что я способен видеть будущее, а потому заслуживаю внимания.

Он меня обучил полезным навыкам и стал брать с собой на встречи с родственниками Эйнштейна, Юнга и Фрейда.

Не один год я конспектировал его выступления, сидел с ним за чашкой чая в обществе Олдоса

Хаксли и в немом благоговении сопровождал Кристофера Ишервуда, когда тот посещал художественные выставки.

И вдруг Весалиус исчез.

То есть близко к тому. Поговаривали, будто он делал заметки для романа о летающих тарелках, которые зависали над тележкой продавца хот-догов в Паломаре — и вдруг как сквозь землю провалился.

Я установил, что он больше не выступает с проповедями в храме веданты, а обретается не то в Париже, не то в Риме; все сроки сдачи романа давно прошли.

Сто раз я пытался дозвониться ему домой, в Малибу.

В конце концов его секретарь, Уильям Хопкинс Блэр, проговорился, что Джеральд слег от какой-то неизвестной болезни.

Тогда я спросил, нельзя ли провести моего доброго друга. Блэр бросил трубку.

Я набрал номер еще раз, и Блэр рявкнул, что Весалиус больше не желает меня знать.

Ошарашенный, я пытался сообразить, как просить прощения за свои грехи, о которых не ведал ни сном ни духом.

Как-то в полночь у меня дома зазвонил телефон. Чей-то голос выкрикнул одно-единственное слово:

— Помоги!

— Что-что? — не понял я.

В ответ повторился тот же крик:

— Помоги!

— Весалиус? — Я не верил своим ушам.

Последовала долгая пауза.

— Это ведь ты, Джеральд?

Молчание, потом приглушенные голоса — и короткие гудки.

Сжимая в руке телефонную трубку, я почувствовал, как на глаза навернулись слезы: это и впрямь был Весалиус. После многомесячного отсутствия он кричал откуда-то из небытия: видно, ему грозила неведомая мне опасность.

На другой день, вечером, я по наитию отправился в фешенебельный район Малибу, где улицы носят итальянские названия, и ноги сами привели меня к дому Весалиуса.

Я позвонил в дверь.

Ответа не было.

Позвонил снова.

В доме стояла тишина.

Не менее двадцати минут я звонил и стучал попеременно, и дверь наконец-то открыли. На пороге возник все тот же странноватый тип, опекун Весалиуса по фамилии Блэр, который сверлил меня взглядом.

— Да?

— Это все, что вы можете сказать, промурыжив меня полчаса за дверью?

— А вы никак тот самый шелкопер, приятель Джеральда? — спросил он.

— Вы же меня знаете, — сказал я. — Попрошу выбирать выражения. Я пришел навестить Джеральда.

Блэр поспешил ответить:

— Его нет, он в Рапалло.

— Мне доподлинно известно, что он здесь, — солгал я. — Не далее как вчера он мне звонил.

— Быть такого не может! Он в Италии!

— Ничего подобного. — Меня уже было не останавливать. — Он просил найти ему другого врача.

Блэр побелел как полотно.

— Он здесь, — сказал я. — Мне ли не знать его голос.

Я двинулся по коридору вслед за Блэром.

Внезапно он пропустил меня вперед.

— Только не долго, — предупредил он.

Добежав до спальни, я переступил через порог.

Там, вытянувшись наподобие тонкой беломраморной крышки саркофага, лежал мой старинный друг Весалиус.

— Джеральд! — выкрикнул я.

Бледная фигура, на вид дряхлая и немощная, хранила молчание, но при этом неистово вращала глазами.

У меня за спиной раздался голос Блэра:

— Как видишь, он совсем плох. Выкладывай, что там у тебя, — и до свидания.

Я сделал шаг вперед.

— Что с тобой, Джеральд? — спросил я. — Чем тебе помочь?

Тонкие губы Джеральда нервно дергались, но ответа не было; веки трепетали, как серые крылышки мотылька, а глаза отчаянно бегали от меня к Блэру и обратно.

В смятении я уже хотел схватить Джеральда в охапку и броситься наутек, но об этом нечего было и думать.

Склонившись над моим другом, я стал шептать ему на ухо.

— Скоро я за тобой вернусь, — пообещал я. — Не сомневайся, Джеральд, я скоро вернусь.

Распрямившись, я поспешил унести ноги из этой комнаты. У выхода маячил Блэр, который, глядя мимо меня, заявил:

— Все, больше никаких посещений. Таково желание Весалиуса.

И дверь захлопнулась.

Еще долго стоял я у порога, собираясь либо позвонить, либо постучаться, постучаться или позвонить, но в конце концов оставил эту затею.

А потом битый час околачивался на тротуаре — не мог собраться с духом, чтобы уйти.

В час ночи свет в окнах погас, и дом погрузился в темноту.

Тайком пробравшись вдоль стены в сторону черного хода, я увидел, что застекленная дверь в

комнату Джеральда открыта для ночного проветривания.

Джеральд Весалиус лежал с закрытыми глазами все в той же позе.

Вполголоса я позвал: «Джеральд!» — и он широко распахнул глаза.

Его лицо по-прежнему было белее снега, но взгляд неистово заметался.

На цыпочках войдя к нему, я склонился над кроватью и зашептал:

— Джеральд, что с тобой происходит?

У него не было сил ответить, но в конце концов он судорожно задышал, и мне послышалось: «Ка... — И вслед за тем: — ...мера... — А потом: — оди... — И на завершающем выдохе: — ...ночка».

Я сложил это вместе и поразился.

— Как такое могло случиться, Джеральд? — взвился я, стараясь не повышать голос. — Как?

Егохватило только на то, чтобы дернуть подбородком в сторону изножья постели.

Я откинул одеяло — и не поверил своим глазам.

Его ноги были примотаны клейкой лентой к основанию кровати.

— Вот, — прошелестело на выдохе. — Не мог... — выдавил он, — позвонить!

Телефонный аппарат стоял справа от него, чуть дальше вытянутой руки.

Размотав скотч, я снова наклонился, чтобы продолжить расспросы.

— Ты меня слышишь?

Голова у него дернулась. Он шепотом выпалил:

— Да. Блэр...— судорожный вдох,— намерен...— он немного успокоился,— жениться...— у него опять перехватило дух,— на... старом... священнике.— Тут слова хлынули потоком: — Мудрейшем из мудрых!

— То есть как?

— Жениться,— взорвался старик,— на мне!

— Погоди! — Я был ошарашен.— Жениться? Яростный кивок, а после — дикий приступ хохота.

— Он,— прошептал Джеральд Весалиус.— На мне.

— Господи! Вы с Блэром? Должны пожениться?

— Именно так.— Голос Джеральда окреп и перестал дрожать.— Именно так.

— Быть такого не может!

— Может! Может!

Меня стал душить смех, но пришлось сдержаться.

— Не хочешь ли сказать...— начал я.

— Тише ты,— без запинки произнес Джеральд.— А не то он услышит и тебя...— у него опять перехватило дыхание,— вышвырнет!

— Джеральд, это же незаконно! — вскричал я шепотом.

— Законно,— прошептал он в ответ.— Все будет законно, шумиха, газеты!

— Боже мой!

— Да, вот так!

— Но зачем это ему?

— Ему, — сказал Джеральд, — плевать. Но слава! Он считает, что дело того стоит, — хочет прославиться и как можно больше от меня получить.

— Нет, в самом деле, Джеральд, как это понять?

— Хочет забрать надо мною власть. Такая уж... — выдавил Джеральд, — у него... — он поперхнулся, — натура.

— Ничего себе! — сказал я. — Бывает, что в браке женщина всецело отдает себя во власть мужчине или мужчина всецело отдает себя во власть женщине.

— Вот-вот, — подтвердил Джеральд. — Этого он и добивается! Он влюблен, но у него помрачение рассудка!

Джеральд застыл, смежил веки, а потом добавил слабым, срывающимся голосом:

— Хочет подчинить себе мой ум!

— Из этого ничего не выйдет!

— Уж он расстарается. Хочет стать величайшим философом в мире.

— Сумасшедший!

— Да! Хочет писать книги, ездить по свету, читать лекции — хочет стать мною. Думает, если я буду принадлежать ему, он займет мое место.

Послышался какой-то шорох. Мы затаили дыхание.

— Идиотизм какой-то! — прошептал я. — Видит Бог!

— Бог, — фыркнул Джеральд, — этого... не видит...

Как ни странно, у Весалиуса вырвался смешок.

— Не важно!

— Шшш, — предостерег Джеральд.

— Он с самого начала таким был, уже когда поступил к тебе на службу?

— Вероятно. Только не до такой степени.

— И ты не противился?

— Не про... — пауза, — тивился.

— Но ведь...

— С годами он забирал все больше си... си... силы.

— Пользуясь твоими же деньгами?

— Нет, — желчная усмешка, — моими мыслями.

— Он крадет твои мысли?

Джеральд сделал судорожный вдох и выдох.

— Представь себе!

— Но твои мысли уникальны!

— Скажи... скажи... скажи это ему.

— Вот паразит!

— Нет, ревнивец, завистник, властолюбец, поклонник, полужверь, а порою — настоящий зверь! — Джеральд выкрикнул эту тираду отчетливо, но не за один раз.

— Черт побери, — возмутился я. — Почему же мы теряем время на разговоры?

— А куда деваться? — прошептал Весалиус. —
Помоги. — Тут он улыбнулся.

— Как мне тебя отсюда вытащить?

Весалиус посмеялся.

— Просчитаем возможности.

— Черт побери, сейчас не до шуток!

Джеральд Весалиус сглотнул.

— Такое уж... у меня особое... — он запнулся, —
чувство юмора. Итак!

Мы оба замерли. Где-то скрипнула дверь. Шаги.

— Может, вызвать полицию?

— Нет. — Пауза. У Джеральда сорвался голос. —
Это акция, спектакль, ему на руку.

— Акция?

— Слушай меня, иначе все пропало.

Я наклонился, и он сбивчиво заговорил.

Шепотом, шепотом, шепотом.

— Уяснил? Попытаешься?

— Попытаюсь! — ответил я. — Ах ты, черт, черт,
черт!

В коридоре — шаги. Мне послышался чей-то
крик.

Я схватил телефонную трубку. Набрал номер.

Потом выбежал через ту же застекленную дверь,
обогнул дом и оказался на тротуаре.

Невдалеке завывла сирена, потом вторая, третья.

К тротуару подкатили сразу три пожарно-спа-
сательные бригады — в такой час у них обычно

бывает затишье. Девять бойцов-спасателей, соскучившихся по настоящей работе, бросились к дому.

— Блэр! — завопил я во все горло. — Я тут! Проклятье. Дверь случайно захлопнулась! Там, за углом! Старик умирает. За мной!

Я бросился бежать. Спасатели, одетые в черную форму, устремились следом, не разобравшись, что к чему.

Мы распахнули застекленную дверь. Я указал пальцем на Весалиуса.

— Выносите его! — скомандовал я. — В больницу Бротмана! Скорее!

Джеральда уложили на каталку и без промедления вывезли через ту же дверь.

У нас за спиной раздавались истерические вопли Блэра.

Джеральд Весалиус тоже их слышал; он весело помахал рукой и стал выкрикивать:

— Пока-пока, счастливо оставаться, прощай, всех благ, будь здоров, не поминай лихом!

А мы между тем бежали к санитарному транспорту.

Джеральд заходился смехом.

— Юноша!

— Что, Джеральд?

— Ты меня любишь?

— Конечно, Джеральд.

— Но ты ведь не намерен забирать надо мной власть?

- Нет, Джеральд.
- А над моими мыслями?
- Ни в коем случае.
- А над моим телом?
- Ни за что, Джеральд.
- Пока смерть не разлучит нас?
- Пока смерть не разлучит нас.
- Хорошо.

Бегом, бегом, вперед, вперед, через газон, по дорожке, к санитарной машине.

- Юноша.
- Да?
- В храме веданты?
- Да-да.
- В прошлом году?
- Да-да.
- Проповедь на тему «Величие всеобъемлющего смеха»?
- Я на ней присутствовал.
- Момент настал!
- Ну да, ну да.
- Хохотать до упаду?
- Хохотать до упаду.
- Взахлеб, от души?
- Господи, конечно, захлеб и от души!

Тут в груди у Джеральда рванула бомба, а из гортани хлынула взрывная волна. Мне ни разу в жизни не доводилось слышать такого взрыва ли-

кования; меня самого душил смех, но я бежал рядом с каталкой, которую без промедления толкали вперед и вперед.

Мы улюлюкали, вопили, орали, задыхались, втягивали в себя и выдыхали фейерверки веселья, как мальчишки в забытый богом летний денек, когда можно упасть на тротуар и содрогаться в приговорных корчах, изображая разрыв сердца или приступ удушья, жмуриться от громового «ха-ха-ха» и «ох-хо-хо» и умолять: «Кончай, Джеральд, я сейчас сдохну, ха-ха, ох-хо-хо, господи, ха, хо», и опять «ох-хо-хо», пока не охрипнешь до шепота.

— Юноша?

— Что еще?

— Фараон Тутанхамон.

— Ну?

— Его мумию нашли в гробнице.

— Ну.

— У него губы изогнуты в улыбке.

— С чего бы это?

— А между передними зубами...

— Что?

— Застрял черный волос.

— И что из этого?

— А то, что человек перед смертью всласть покушал. Ха-ха!

Ха-ха, о господи, хо-хо, скорей, бегом, скорей, бегом.

- И последний вопрос.
- Ну, что еще?
- Ты готов со мной сбежать?
- Куда?
- К пиратам.

Мы наконец-то добрались до машины «скорой помощи», и Джеральда вкатили в распахнутые двери.

- К пиратам! — громогласно повторил он.
- Ладно, Джеральд, хоть бы и к пиратам — я с тобой!

Двери захлопнулись, взвыла сирена, заурчал двигатель.

- К пиратам! — прокричал я вслед.

Летняя пиета

— Скорей бы,— сказал я.

— Да уймись ты, а? — отмахнулся мой брат.

— Не могу заснуть,— твердил я.— Завтра тут такое будет — прямо не верится. Два цирка в один день! «Братья Ринглинг» приедут на длинном поезде в пять утра, а через полчаса и «Братья Дауни» прикатят — на грузовиках. Я лопну.

— Знаешь что,— сказал мой брат,— давай-ка спать. Завтра подъем в полпятого.

Перевернувшись на другой бок, я все равно не смог уснуть: шутка ли дело — я так и слышал, как в нашу сторону движутся сразу два цирка, которые перевалили через горизонт и уже начали подниматься вместе с солнцем.

Как-то совсем незаметно стрелки часов подкрались к четырем тридцати, и мы с братом спустили ноги в холодную тьму, оделись, схватили по яблоку вместо завтрака, выскочили на улицу и по-

мчались под горку в сторону железнодорожной станции.

Еще толком не рассвело, а «Братья Ринглинг», объединившись с «Барнумом и Бейли», уже прибыли на длинном составе, в общей сложности из девяносто девяти вагонов, в которых ехали слоны, зебры, лошади, львы, тигры и акробаты; мощные паровозы пыхтели в утренней дымке, выдыхая клубы черного дыма; двери товарных вагонов раздвинулись, чтобы выпустить в темноту лошадей, цокающих копытами, и осторожных слонов, и целое полосатое стадо зебр, плотно сбившихся в ожидании зари, а мы с братом хотя и дрожали от холода, но все же не сходили с места, потому что ждали, когда начнется парад-алле — самый настоящий парад-алле, в котором все животные пройдут через предрассветный город к дальним пустырям, где шатры будут шептаться со звездами.

Стоит ли говорить, что мы с братом присоединялись к этой процессии, вместе с нею поднимались в горку, а потом пересекали весь город, который и подумать не мог, что мы уже на ногах. А мы были тут как тут и сопровождали девяносто девять слонов, сотню зебр, две сотни лошадей и большой грузовик с немой оркестром в сторону пустыря, который сам по себе не представлял ничего особенного, пока вдруг не расцветал высокими яркими шатрами.

Наше нетерпеливое волнение крепло с каждой минутой, потому что на том месте, где пару часов назад не было вообще ничего, теперь появилось все на свете.

К половине восьмого «Братья Ринглинг» совместно с «Барнумом и Бейли» почти завершили установку шатров, и нам с братом уже пришло время бежать назад, туда, где из автоколонны выгружали скромный цирк братьев Дауни — уменьшенную копию большого чуда, которая выплескивалась не из поездов, а из грузовиков: слонов было не более десятка против доброй сотни, зебр — всего ничего, а старые львы, дремавшие каждый в своей клетке, оказались изможденными и облезлыми. Да и тигры были не лучше, а у верблюдов был такой вид, будто они шли без отдыха сто лет и порядком запаршивели.

Мы с братом трудились все утро: разгружали ящики с кока-колой, причем разлитой в настоящие стеклянные бутылки, а не в пластиковые — такой ящик на двадцать кило тянет. К девяти утра я уже валился с ног, перетащив штук сорок этих ящиков, а ведь еще надо было глядеть по сторонам, чтобы ненароком на тебя слон не наступил.

В полдень мы мчались домой, чтобы перехватить по сэндвичу, — и назад в маленький цирк, смотреть, как под взрывы петард выступают акро-

баты, воздушные гимнасты, облезлые львы, клоуны и наездники-ковбои.

После окончания утренника — опять бегом домой, сжевать всухомятку очередной сэндвич и за руку с отцом неторопливо шагать в большой цирк на восьмичасовое представление.

Там под гром литавр и лавины музыки гарцевали скаковые лошади, состязались меткие стрелки, а в клетках метались кровожадные гладкие львы. Улучив момент среди общего хохота, мой брат сбежал с приятелями, а я остался с отцом.

К десяти вечера гром и лавины сменились оглушительной тишиной. Парад-алле, который я видел на рассвете, двинулся в обратную сторону, а шатры, тяжело вздыхая, стали ложиться на траву звериными шкурами. Мы стояли в сторонке, а цирк выпускал из себя воздух и, сложив шатры, уходил в ночь, и темноту заполонила процессия слонов, которые с фырканием держали путь к железнодорожной станции. Мы с отцом глядели во все глаза, не сходя с места.

Моя правая нога уже сделала шаг в сторону дома — дорога-то предстояла не близкая, но тут случилось непонятно что: я заснул стоя. Не свалился, не перетрусил, просто ни с того ни с сего почувствовал, что не могу двигаться. Глаза сами собой закрылись, и я стал оседать на землю, но меня подхватили сильные руки и подняли в воздух. Я даже

чувствовал отцово теплое табачное дыхание — это он взял меня, как маленького, на ручки, повернулся и, шаркая подошвами, начал долгий путь к дому.

Вот такая невероятная история, а ведь до дому было мили полторы, время позднее, цирк уже почти скрылся из виду, а его удивительных обитателей и след простыл.

Отец двигался пустынными улицами, не спуская меня с рук — даже не верится, потому что шел мне тогда четырнадцатый год и весил я без малого тридцать кило.

Он сжимал меня в руках, и я слышал его затрудненное дыхание, но не мог полностью проснуться. Из всех сил я старался разлепить веки, шевельнуть руками, но вскоре забылся глубоким сном и в течение следующих тридцати минут уже не соображал, что меня несут, как ценный груз, через весь город, который гасил свои огни.

Словно издалека до меня донеслись едва различимые голоса, и кто-то произнес:

— Ты присядь, надо хотя бы дух перевести.

Я попытался прислушаться, но лишь почувствовал, как отец дрогнул и сел. Видимо, мы проходили мимо дома кого-то из знакомых, и отцу предложили отдохнуть на крыльце.

Пробыли мы там минут пять, может, больше; отец держал меня на коленях, а я в полусне при-

слушивался к беззлобному смеху отцовского приятеля, отпускавшего шутки насчет наших чудесных странствий.

Наконец этот беззлобный смех умолк. Отец со вздохом поднялся с крыльца, а я так и не сумел стряхнуть дремоту. То проваливаясь в сон, то начиная сознавать происходящее, я так ехал у отца на руках всю оставшуюся милю.

Даже теперь, семьдесят лет спустя, у меня перед глазами стоит образ моего великодушного отца, который безропотно, не говоря ни слова мне в упрек, несет меня по ночным улицам. Что может быть прекраснее этих воспоминаний сына о любящем и заботливом отце, который больше мили нес его, подростка, домой на руках сквозь ночную тьму?!

Частенько, вспоминая тот случай, я — возможно, не без вычурности — говорил о нем «наша летняя пиета»: проявление отцовской любви, путь по нескончаемым тротуарам, под темными окнами, в обратную сторону от уходящих главной улицей слонов, которых звали протяжные гудки и пыхтенье паровоза, готового умчаться в ночь и увезти с собой вихрь огней и звуков, навсегда оставшихся у меня в памяти.

На другой день я проспал завтрак и вообще все утро, проспал обед, проспал весь день — а к пяти часам наконец продрал глаза и, пошатываясь, вы-

шел из своей комнаты, чтобы сесть ужинать с братом и со всей семьей.

Отец в молчании ел бифштекс, а я сидел напротив, уставившись в свою тарелку.

— Папа! — выкрикнул я, чувствуя, что из глаз брызнули слезы. — Спасибо тебе, папа, спасибо!

Отрезав кусок бифштекса, отец поднял на меня непривычно блестящие глаза.

— За что? — только и сказал он.

Улети на небо

— Вира помалу. Сюда, вот так.

Это был груз особого назначения. Его бережно собирали и разбирали прямо на космодроме и тут же отправляли на погрузку в огромных упаковочных ящиках, в контейнерах размером с комнату, завернув и перезавернув, проложив ватой, стружками и мягкой ветошью, чтобы не допустить повреждений. Несмотря на все предосторожности и тревожнения, связанные с погрузкой коробок, тюков и пакетов, на площадке был аврал.

— Шевелись! Быстрее поворачивайся!

Это был второй корабль. Это был второй экипаж. Накануне в направлении Марса стартовал первый корабль. Невидимый глазу, он уже рокотал в необъятных черных просторах Вселенной. И второй корабль должен был отправиться следом, как охотничий пес, бегущий через неприветливую пустошь на слабый запах железа, расщепленных атомов и фосфора. Второй корабль, эта-

кий толстяк, будто раздавшийся в длину и ширину, с невероятно разношерстным экипажем на борту, не имел права задерживаться.

Второй корабль был набит под завязку. Вздвигнув, он затрепетал, изготовился и небесной гончей сорвался с места в длинном, грациозном прыжке. Вниз обрушился шквал огня. Дождем хлынул уголь вперемешку с языками пламени, будто само небо решило раздуть топку. К тому времени как на бетонированной площадке осела пыль, корабль скрылся из виду.

— Хоть бы долетели благополучно, — глядя в небо, сказал ассистент психолога.

Первый корабль, прорезав ночное небо, приземлился на планете Марс. Двигатели вздохнули прохладу. Механические ноздри и легкие исследовали атмосферу и подтвердили ее высочайшее качество, возраст в десять миллионов лет, тонирующие свойства и отсутствие вредных примесей.

Члены экипажа сошли по трапу.

Здесь их никто не ждал.

Капитан и тридцать человек команды ступили в тот край, где нескончаемый ветер летал над пыльными морями и среди мертвых городов, которые были мертвы уже в ту пору, когда Земля еще только распускалась диковинным цветком на расстоя-

нии в трижды двадцать миллионов миль. Небо, сверкающее ослепительной ясностью, походило на хрустальную лохань, где заспиртованы немигающие звезды. Горло и легкие терзала резь. Каждый вдох давался с трудом. Воздух был неуловим, как ускользающий призрак. Члены экипажа страдали от головокружения и вдвойне остро ощущали свое одиночество. На их корабль опускался песчаный саван. Пройдет совсем немного времени, сулил ночной ветер, и, если не будете дергаться, я вас похороню, как похоронил многие города и засохшие трупы, которых никто больше не увидит, похороню вас, как иголку в комке мишуры, — вы даже обжиться тут не успеете.

— Внимание всем! — с напускной бодростью прокричал командир.

Его слова, будто обрезки прозрачной бумаги, разметало ветром.

— В одну шеренгу становись! — скомандовал он в лицо безмолвию.

Астронавты в замешательстве сделали несколько шагов. Топчась на месте и натыкаясь друг на друга, они кое-как построились.

Капитан обвел взглядом шеренгу. Планета была под ногами и всюду вокруг. Люди стояли на дне пересохшего моря. На них нахлынула сокрушительная тяжесть годов и столетий. Ничего живого.

Марс был мертв и настолько далек от их мира, что каждого незаметно пробрал озноб.

— Итак,— натужно выкрикнул командир,— с прибытием!

— С прибытием,— повторил призрачный голос.

Люди вздрогнули. Позади них полузахороненный город, который явился им в саване из пыли, песка и сухого мха, город, который затонул во времени по самую высокую башню, ответил эхом, отразившимся от стен. Эти черные стены подернулись рябью, как быстрые речные потоки над песчаным дном.

— Теперь за дело,— продолжал командир.

— Дело,— повторили стены,— дело.

Командир не смог скрыть досаду. Его подчиненные больше не оборачивались, но их затылки похолодели, а волосы зашевелились.

— Шестьдесят миллионов миль,— шепнул капитан Энтони Смит, замыкавший шеренгу.

— Разговорчики в строю! — рывкнул командир.

— Шестьдесят миллионов миль,— повторил Энтони Смит, обращаясь к себе самому, и повернул голову.

В холодном черном небе, высоко над головой, светилась планета Земля — звезда, такая же, как прочие, далекая и прекрасная, но всего лишь звез-

да. Ее очертания и свет не выдавали ни морей, ни континентов, ни штатов, ни городов.

— Отставить разговоры! — в гневе крикнул командир, досадуя на свою несдержанность.

Все головы повернулись в сторону Смита.

А он смотрел на небо. Другие проследили за его взглядом и тоже увидели Землю, немыслимо далекую, отделенную от них шестью месяцами полета и миллионами миллионов миль пути. Их мысли смешались. Много лет назад земляне отправлялись к полюсу на лодках, кораблях, воздушных шарах и аэропланах; в экспедиции отбирали самых смелых, незаурядных, уравновешенных, ловких, негибких и хорошо тренированных. Однако выбирай не выбирай, а кое-кто не выдерживал, уходил в белое арктическое безмолвие, в долгую ночь или безумие нескончаемого дня. И все это — от одиночества. Все от одиночества. Человек ведь стадное животное: оторви его от привычного быта, от женщин, от дома и города — у него мозги начнут плавиться. До чего паршиво, когда человеку одиноко.

— Шестьдесят миллионов миль! — повторил Энтони Смит, больше не понижая голоса.

А взять экипаж в тридцать человек. Всех сформировать, подгнать, разложить по полочкам да по ящичкам. Всем ввести противоядие для души и тела, очистить от вредных примесей, проветрить мозги, спрес-

суй всех воедино, чтобы из этих отчаянных получился пистолет, который выстрелит прямо в яблочко! А что в конечном итоге? Шеренга из тридцати человек: один уже разговаривает сам с собой, даже не таясь; тридцать голов задраны к небу и глазают на далекую звезду, хотя всем известно, что Иллинойса, Айовы, Огайо и Калифорнии для них больше нет. Нет ни городов, ни женщин, ни детишек — ничего такого, что мило сердцу, привычно и дорого. А все потому, что угораздило их попасть в этот отвратительный мир, где без продыху дует ветер, где все мертво, а командир пыжится, чтоб выглядеть бодрячком. И в один прекрасный миг говоришь себе, да так, словно раньше это и в голову не приходило: «Боже праведный, я на Марсе!»

Именно это и сказал Энтони Смит.

— Я не дома. Я не на Земле. Я на Марсе! А Земля где? Да вот же она! Видишь, там крохотная фиговинка светится? Это она и есть. Бред какой-то. Что мы здесь забыли?

Люди оцепенели. Командир резким кивком вызвал из строя психолога Уолтона. Быстрым шагом они вдвоем прошли вдоль шеренги, делая вид, будто ничего не случилось.

— Эй, Смит, какие-то проблемы?

— Мне здесь ловить нечего. — Смит побледнел. — Господи, зачем я только завербовался? Это же не Земля.

— Тебя никто силком не тянул сдавать экзамены и нормативы — ты знал, на что идешь.

— Нет, не знал. Я об этом не думал.

Командир повернулся к психологу, не скрывая раздражения и неприязни, как будто тот был всему виной. Врач пожал плечами. «От ошибок никто не застрахован», — чуть не сказал он, но вовремя прикусил язык.

У молодого капрала потекли слезы.

Психолог мгновенно развернулся к нему.

— Почему стоим? Развести костры! Натянуть палатки! Живо!

Люди разошлись, ворча. Они держались неестественно прямо и все время озирались.

— Этого я и опасался, — сказал психолог. — Именно этого. Космос — дело темное. Здесь сам черт ногу сломит. Разве можно предвидеть, сколько раз по шестьдесят миллионов миль человек может пролететь безболезненно? — Он привлек к себе молодого капрала. — Ну, хватит, хватит. Все хорошо. Принимайся за работу, капрал. Займись делом. Не ленись.

Капрал закрыл лицо руками.

— Жуткое ощущение. Знать, что все осталось позади. И что эта проклятая планета мертва. Кроме нас, тут никого и ничего.

Его поставили разгружать замороженные продукты.

Психолог и командир немного постояли на близлежащем песчаном холме, наблюдая за действиями экипажа.

— Он прав, спору нет,— сказал психолог.— Мне, признаюсь, тоже не по себе. Что-то давит на мозги. Со страшной силой. Одиноко здесь. Такая даль, такая мертвечина. Да еще этот ветер. И заброшенные города. Хоть вешайся.

— Мне и самому тошно,— признался командир.— А что, по-твоему, нам делать? Со Смитом, к примеру? Удержится он на краю или свалится в пропасть?

— Я буду начеку. За ним глаз да глаз нужен. Если свалится в пропасть, боюсь, он и других за собой потянет. Мы тут в одной связке, хотя не все это чувствуют. Только бы со вторым кораблем ничего не случилось. Ладно, пойду.

Психолог спустился с песчаной дюны; корабль высылся на дне ночного моря, посреди планеты Марс, и вдруг на небосклоне взошли две белые луны, которые полетели вразпуски, будто зловещие призраки прошлого. Командир так и остался стоять, глядя на небо и на сверкающую в вышине Землю.

Ночью Смит потерял рассудок. Провалился в темноту, но не потянул за собой тех, кто был с ним в связке. Хотя настойчиво дергал за все тросы,

повергая людей в молчаливое смятение, издавал крики и вопли, страшал грядущими ужасами и про-рочил близкую смерть. Но другие проявили твер-дость и вкалывали во тьме до седьмого пота. Нико-му не улыбалось искать тайное прибежище на дне бесконечной пропасти. Смит сорвался ночью. К ут-ру он рухнул на дно. Ему вкололи успокоитель-ное, он закрыл глаза, свернулся калачиком и был заперт в кубрике, приглушившем его вопли до ед-ва различимого шепота. Опять наступила тиши-на, которую нарушали только порывы ветра и сла-женные действия команды. Психолог распорядил-ся выдать каждому дополнительный паек, добавив к нему шоколад, сигареты, бренди. Команда была у него под наблюдением. А сам он был под наблю-дением у командира.

— Может, я не прав. Но сдается мне...

— Говорите.

— Что люди не созданы для таких дальних по-летов в изоляции. Космическое пространство тре-бует полной отдачи. А изоляция противна чело-веческой природе, это вид житейского безумия, совершенно отдельное пространство — так мне думается, — признался командир. — Ты смотри в оба: у меня у самого крыша едет.

— Продолжайте, — сказал психолог.

— А у тебя какие мысли? Не сломаемся мы тут?

— Будем держаться. Конечно, у людей настрое-ние скверное. Если в ближайшие сутки они не

успокоятся и если не прибудет сменный экипаж, то лучше нам вернуться на орбиту. От одной мысли, что они направляются к дому, им станет легче.

— Подумать только, такие средства псу под хвост. Даже стыдно, честное слово. В этот полет вбухали миллиард долларов. Что мы скажем в отчете сенату — что смалодушничали?

— Порой малодушие — единственный выход. До поры до времени человек может терпеть, а потом будет спасаться бегством, если только не найдет, кого бы обратить в бегство вместо себя. Поживем — увидим.

Взошло солнце. Луны-близнецы исчезли. Но на Марсе днем было ничуть не уютнее, чем ночью. Один из астронавтов выпустил всю обойму в какого-то зверя, который померещился ему за спиной. Другой прекратил работу, отговорившись нестерпимой головной болью, и ушел в кубрик. Хотя днем экипажу полагался отдых, заснуть удавалось лишь урывками — от врача то и дело требовали снотворного или дополнительных порций бренди. Ближе к ночи доктор с командиром решили обсудить положение.

— Надо отсюда сниматься, — сказал Уолтон. — Соренсон, к примеру, уже на грани. Даю ему ровно сутки. Бернард — то же самое. Жалко, черт возьми. Хорошие парни, что один, что другой. Просто

отличные. Но в нашем центре на Земле марсианские условия не воссоздать. Никакие тесты не помогут продублировать то, чего не знаешь. От изоляции — шок, от одиночества — шок, да еще какой. Но попробовать все равно стоило. Лучше быть трусом, но остаться в здравом уме, чем стать буйнопомешанным. Я? А что я? Мне здесь хреново. Правильно наш парень сказал: домой хочу.

— Неужели отдавать приказ? — спросил командир.

Психолог кивнул.

— Дьявольщина. Ненавижу сдаться без драки.

— А с кем здесь драться — с ветром, с пылью?

Вот если бы прибыл сменный экипаж, мы бы еще поборолись, но, похоже...

— Капитан, сэр! — раздался чей-то крик.

— В чем дело?

Командир и врач оглянулись.

— Смотрите, сэр! Вот там, в небе! Сменный корабль!

И в самом деле. Из корабля и палаток выпали люди. С заходом солнца ветер стал ледяным, но они не прятались, а стояли как вкопанные и неотрывно смотрели в небо, на огненный след, который разрастался все больше, больше и больше. Корабль номер два с грохотом выпустил длинный красный шлейф. И совершил посадку. Остыл.

Команда первого корабля со всех ног бросилась вперед по дну моря, оглашая воздух криками.

— Ну? — спросил командир, отступив на шаг. — Какие будут предложения? Стартуем или остаемся?

— Раз такое дело, — ответил врач, — надо бы остаться.

— На двадцать четыре часа?

— Это как минимум, — сказал Уолтон.

Из корабля номер два выгружали необъятные контейнеры.

— Эй, полегче там! Майнуй помаленьку!

Сверясь с инструкцией по сборке, люди стучали молотками и давили на рычаги. Психолог наблюдал за ходом работ.

— Ближе подводи! Контейнер семьдесят пять? Вот он. Ящик ноль шестьдесят семь? Сюда ставьте. Так. Открывай. Шплинт А — в гнездо Б. Шплинт Б — в гнездо В. Да-да, все правильно, отлично!

К рассвету все было готово. За восемь часов из контейнеров и ящичков появилось чудо. Стружки, вощеная бумага, картон — все это быстро убрали, каждую деталь протерли от пыли. Когда дело было сделано, команда первого корабля окружила новоявленное чудо и замерла в немом благоговении.

- Готовы, капитан?
- Черт побери! Готов!
- Врубайте!

Командир дернул рубильник.

Городок озарился светом.

- Вот это да! — не выдержал командир.

И двинулся по главной и единственной улице.

Всего-то шесть построек с каждой стороны, фасады-обманки, ярко-красные, желтые, зеленые огни. Из полудюжины невидимых музыкальных автоматов неслась музыка. Хлопали двери. На пороге парикмахерской возник человек в белом фартуке, со стальными ножницами и черной расческой в руках. У него за спиной медленно вращался зазывный цилиндр в косую красно-белую полосу. Рядом расположился аптекарский магазин с вынесенной на тротуар журнальной стойкой, шелевевшей на ветру страницами периодики; под потолком кружился вентилятор, а со стороны прилавка доносилось шипение содовой. Если заглянуть в дверь, можно было увидеть приветливую девушку в крахмальной зеленой шапочке.

Бильярдная манила толстым сукном цвета джунглей. Разноцветные шары, разложенные треугольниками, ждали, когда их разобьют. На другой стороне улицы была церковь с витражами цвета янтарного пива, земляники и лимона. У входа

стоял некто в темной сутане, с белым воротничком-стойкой. Дальше — библиотека. Рядом — гостиница. «Удобные кровати. Первая ночевка бесплатно. Кондиционер». Портье за стойкой уже держал руку на серебряном колокольчике. Но устремились они не туда: их неудержимо влекло к себе строение в конце улицы — так запах воды в пыльной прерии влечет к себе стадо буйволов.

Салун «Бойкий бык».

Бармен с набриолиненной волнистой шевелюрой, с закатанными рукавами, прихваченными на волосатых бицепсах круглыми красными резинками, маячил в дверном проеме. Потом он куда-то исчез. Когда люди подошли к дверям, оказалось, что он уже хлопочет за длинной стойкой бара, полируя ее до блеска и одновременно разливая виски в тридцать искрящихся, выстроенных рядком стаканов. Над головой мягко светила хрустальная люстра. Деревянная лестница вела наверх, на галерею со множеством дверей; там витал едва уловимый запах духов.

Все ввалились в бар. Никто не произнес ни слова. Каждый взял порцию виски и выпил ее залпом, не утирая губы. У всех защипало глаза.

Держась ближе к выходу, командир прошептал на ухо психологу:

— Мать честная! Расходы-то какие!

— Киношные декорации, сборно-разборные и складные конструкции. Священник в церкви, разумеется, настоящий. Три профессиональных парикмахера. Один тапер.

Человек за желтозубым пианино стал наигрывать «Девушку из Сент-Луиса».

— Провизор, две буфетчицы, хозяин бильярдной, чистильщик обуви, гардеробщик, две библиотекарши, всякой твари по паре, плотники, электрики и так далее. Пришлось увеличить смету на два миллиона долларов. Гостиница настоящая. Каждый номер с удобствами. Комфорт. Мягкие постели. Остальные здания — на три четверти макеты. Но сконструированы отлично, крепятся на шпонках и пазах, ребенок за час соберет.

— А толк-то будет?

— Вы посмотрите на эти лица — уже подействовало.

— Какого же дьявола ты молчал?!

— Если бы я проговорился об этих дурацких, нелепых тратах, против меня ополчились бы все газеты, а с ними вместе сенаторы, конгрессмены и сам Господь Бог. Идиотизм, конечно, идиотизм, но ведь сработало. Это Земля. А на остальное мне плевать. Это Земля. Кусочек Земли, который можно подержать в руках и сказать: «Это в Иллинойсе, тот городок, который был мне хорошо знаком.

И здания эти мне хорошо знакомы. Этот кусочек Земли будет мне опорой, а уж остальное сами построим, и тоску как рукой снимет».

— Надо же было до такого додуматься!

Команда, повеселев, заказала еще виски на круг.

— В наш экипаж, капитан, входят жители четырнадцати провинциальных городков. При отборе это учитывалось. На этой улочке стоит по одному зданию из каждого городка. Бармен, священник, бакалейщик — тридцать человек, прибывших на втором корабле, — из тех самых городков.

— Тридцать? Помимо сменного экипажа?

Психолог с удовлетворением покосился на галерею, где почти не осталось открытых дверей. Одна дверь чуть приоткрылась, а из щели на мгновение блеснул лукавый голубой глаз.

— Каждый месяц будем присылать новые неоновые вывески, новые города, новых людей, новые кусочки планеты Земля. Приоритет будет отдаваться тому, что хорошо знакомо. Знакомое успокаивает нервы. В первом раунде мы победили. И впредь будем побеждать, если не расслабимся.

Тут и там астронавты смеялись, беседовали, хлопали друг друга по плечу. Кто-то пошел в парикмахерскую подстричься, кто-то решил сыграть партию в пул, кому-то понадобилось купить продуктов, а многие направились в тихую церковь,

откуда слышались звуки органа, но лишь в ту минуту, когда тапер сделал перерыв, прежде чем под хрустальной люстрой грянуло «Фрэнки и Джонни». Двое со смехом поднимались по лестнице на галерею, пока там еще оставались открытые двери.

— Капитан, я человек непьющий. Не согласитесь ли пропустить со мной в драгсторе по стаканчику ананасной шипучки?

— Что? Угу. Знаешь, у меня из головы не идет... Смит.— Командир обернулся.— В кубрике заперт. Как по-твоему, не попробовать ли нам... его выпустить, привести сюда под присмотром... ему ведь тоже полезно развеяться, пусть бы оттянулся, а?

— Отчего же не попробовать,— ответил психолог.

Тапер выкладывался на совесть: теперь звучала «Наша старая компания». Все подпевали, кто-то даже пустился в пляс, а город, как редкий бриллиант, сверкал среди бескрайней тьмы. Марс был безлюден, в черном небе светили звезды, ветер бесновался, над горизонтом поднимались луны, моря и старые города превратились в пыль. Но в парикмахерской весело крутился красно-белый цилиндр, а церковь смотрела на улицу витражами цвета кока-колы, лимонада и ежевичного вина.

Через полчаса, когда пианино наигрывало «Спешу к милой Лу», командир, психолог, а с ними

некто третий вошли в аптекарский магазин и сели за столик.

— Три стакана газировки с ананасным сиропом,— заказал командир.

В ожидании они полистали журналы, поерзали на стульях, и наконец молоденькая буфетчица подала им бесподобную ананасную шипучку

Они дружно потянулись за соломинками.

Обратный ход

— Все!

— И я!

Откинувшись на подушки, они уставились в потолок. Прошло немало времени, прежде чем им удалось отдышаться.

— Это было изумительно,— сказала она.

— Изумительно,— повторил он.

Наступила еще одна пауза; созерцание потолка продолжалось.

В конце концов она произнесла:

— Было изумительно, только ..

— Что значит «только»? — не понял он.

— Было изумительно,— повторила она.— Только теперь все пошло прахом.

— Что пошло прахом?

— Наша дружба,— сказала она.— Ей цены не было, а теперь мы ее потеряли.

— Я так не считаю,— возразил он.

Она с особым вниманием изучала потолок.

— Да,— выговорила она,— это был дар свыше. Самый настоящий. Сколько мы дружили, год? Вот идиоты. Что мы натворили?

— Мы не идиоты,— сказал он.

— Я говорю то, что думаю. В минуты слабости.

— Нет, в минуты страсти,— сказал он.

— Называй как хочешь,— продолжала она,— но мы все испортили. Когда это началось? Год назад, верно? У нас были великолепные, чисто приятельские, дружеские отношения. Вместе ходили в библиотеку, играли в теннис, пили пиво, а не шампанское, и какой-то мимолетный час все это перечеркнул.

— Тебе меня не убедить,— сказал он.

— А ты задумайся,— сказала она.— Оглянись на этот час и на прошедший год. Настройся на мою волну.

Он смотрел в потолок, силясь увидеть ее волну. Через некоторое время у него вырвался вздох. Тогда она спросила:

— Хочешь сказать «да, я согласен»?

Он кивнул; она этого не увидела, но почувствовала.

Лежа каждый на своей подушке, они долго смотрели в потолок.

— Как бы нам вернуть все назад? — спросила она.— Надо же, какая глупость. Будто мы с тобой

не знали, как это бывает у других. Прекрасно видели, как близость убивает дружбу, но нас это не остановило. Какие будут мысли? Что нам теперь делать?

— Выбраться из постели,— сказал он,— и побыстрому приготовить завтрак.

— Это не выход,— ответила она.— Полежим тихо — может, что-нибудь придумаем.

— Я от голода извелся,— запротестовал он.

— А я, можно подумать, не извелась! Я еще больше извелась. В ожидании ответа.

— И что ты предлагаешь? А это что за звуки?

— Кажется, я заплакала. Какая нелепая потеря. Да, я плачу.

Прошло еще немало времени; он зашевелился.

— У меня созрела безумная мысль,— сказал он.

— Какая?

— Если мы и дальше будем лежать на подушках, пялиться в потолок, сравнивать последний час, последнюю неделю и последний год, рассуждать, как мы дошли до такого состояния,— ответ, вполне возможно, найдется сам собой.

— Каким образом?

— Надо придать интиму обратный ход.

— Это как?

— Очень просто. Интимные разговоры обычно ведутся поздно вечером, а порой и за полночь.

Между мужем и женой, между влюбленными. А в нашем случае нужно пройти обратный путь. Если мы оглянемся на десять часов вчерашнего вечера, потом на шесть, потом на двенадцать дня — может, и сотрем все, что натворили. Включим обратный ход — и все.

Она выдавила слабый смешок.

— Что ж, давай попробуем,— сказала она.— Что для этого нужно сделать?

— Лечь на спину, голову — на подушку, расслабиться и, глядя в потолок, начать беседу.

— С чего начнем?

— Закрой глаза и говори, что на ум придет.

— Только не про эту ночь,— сказала она.— Если мы на ней заиклимся, то увязнем еще больше.

— Не касайся последнего часа,— предложил он,— в крайнем случае, его можно вскользь упомянуть, а потом перейти к началу вечера.

Закрыв глаза и вытянув руки вдоль туловища, она сжала кулаки.

— По-моему, виной всему эти свечи,— произнесла она.

— Какие еще свечи?

— Напрасно я их купила. Напрасно зажгла. У нас с тобой впервые был ужин при свечах. А вместо шампанское вместо пива — это большая ошибка.

— Ужин при свечах,— повторил он.— Шампанское. Да, в самом деле.

— Время было позднее. Обычно ты так долго не засиживался. Мы расставались, а с утра пораньше шли на корт или в библиотеку. Но ты задержался дольше обычного, и мы открыли вторую бутылку шампанского.

— Больше никаких вторых бутылок,— сказал он.

— Свечи — в помойку,— продолжила она.— Но скажи, пожалуйста, каков был прошедший год?

— Супер,— ответил он.— У меня никогда не было такого приятного общества, такой теплой компании.

— У меня тоже,— сказала она.— Кстати, где мы познакомились?

— А то ты не знаешь! В библиотеке. Я целую неделю смотрел, как ты бродишь вдоль стеллажей — чуть ли не каждый день. Было такое впечатление, будто ты что-то искала. Причем не книгу.

— Может, и так,— согласилась она.— Может, я искала тебя. Ты подсматривал, как я бродила вдоль стеллажей, а я подсматривала, как ты штудировал книжки. Первая фраза, с которой ты ко мне обратился, звучала так: «Вам нравится Джейн Остин?» Совершенно не мужской вопрос. Мужчины обычно не читают Джейн Остин, а если чита-

ют, то никогда в этом не признаются и уж тем более не используют ее в качестве приманки.

— Никто и не собирался ловить тебя на крючок,— сказал он.— Просто мне показалось: вот идет любительница Джейн Остин, а может, даже Эдит Уортон. Вопрос был вполне естественный.

— С этого момента,— сказал она,— все и закрутилось. Помню, мы вместе пошли вдоль стеллажей, и ты снял с полки редкое издание Эдгара По, чтобы мне показать. Я всегда была довольно равнодушна к Эдгару По, но ты так его нахваливал, что совершенно меня покори́л. На другой же день я начала читать этого мизантропа.

— Вот видишь,— сказал он,— Джейн Остин, Эдит Уортон, Эдгар По. Вполне подходящие имена для интеллигентного общества.

— А потом ты спросил, играю ли я в теннис, и я сказала «да». Ты сказал, что предпочитаешь бадминтон, но со мной готов и в теннис играть. Мы начали ходить на корт, это было такое удовольствие... Думаю, на этой неделе у нас была еще одна ошибка: мы впервые встали с тобой вдвоем против другой пары.

— Точно, это непростительная ошибка. Пока мы сражались друг против друга, у нас и в мыслях не было никаких ужинов с шампанским при свечах. Может, я слегка преувеличиваю, но мои веч-

ные проигрыши как-то мешали нашему сближению.

Она тихо посмеялась.

— Что ж, тогда и я скажу. Когда мы с тобой вчера победили в паре, я почти сразу побежала в магазин и купила свечи.

— Надо же,— удивился он.

— Вот так-то,— сказала она.— Странная штука жизнь, верно? — Глядя в потолок, она помолчала.— Приближаемся?

— Куда?

— К тому моменту, с которого все началось. Год назад, месяц назад, неделю назад. Я склоняюсь к последнему.

— Давай дальше,— попросил он.

— Нет, теперь ты,— сказала она.— Не отмалчивайся.

— Ну ладно. Помню, как мы с тобой ездили в теннисный клуб и обратно. Ночевать не остались ни разу. Нам просто было в кайф мчаться в открытой машине, вдоль моря, с ветерком; я в жизни столько не смеялся.

— Да,— протянула она.— Это тоже существенно, правда? Когда начинаешь перебирать в уме своих знакомых и разные события, смешное вспоминается в первую очередь. А мы с тобой хохотали до упаду.

— А еще ты ходила на мои лекции и ни разу не заснула.

— Как можно? Ты блестящий оратор!

— Не преувеличивай,— сказал он.— Гений — возможно, но не блестящий оратор.

Она еще раз посмеялась.

— В последнее время ты чрезмерно увлекался Бернардом Шоу.

— А что, заметно?

— Еще как, но я не против. Хоть гений, хоть оратор, но в аудитории ты просто неподражаем.

— Как ты считаешь, мы продвигаемся? — спросил он.

— По-моему, приблизились вплотную,— сказала она.— Меня, можно сказать, отбросило на полгода назад. Если будем продолжать в том же духе, вернемся в прошлое на целый год. И тогда все, что между нами было сегодня, покажется не более чем яркой, милой и глупой игрой воображения.

— Красиво говоришь,— заметил он.— Давай дальше.

— И еще вот что,— продолжила она.— Сколько мы с тобой путешествовали — завтрак на взморье, обед в горах, ужин в Палм-Спрингс,— но к полуночи всегда возвращались домой: ты высаживал меня у дверей и ехал к себе.

— Совершенно верно. Отличные были поездки. Ну ладно,— сказал он,— а теперь-то какие у тебя ощущения?

— Мысленно я там,— ответила она.— Хорошая была задумка — включить обратный ход.

— Мысленно ты опять в библиотеке, бродишь туда-сюда в одиночку?

— Да.

— Скоро я к тебе присоединюсь,— сказал он.— Только уточним один момент.

— Какой?

— Завтра в двенадцать у нас теннис, но на этот раз мы сыграем одиночную игру, как прежде: я выиграю, а ты продуеть.

— Откуда такая уверенность? В двенадцать. Теннис. Как прежде. А больше ничего не хочешь?

— Если продуеть — с тебя пиво, не забудь.

— Пиво,— повторила она.— Ладно. Что еще? Или мы уже друзья?

— В каком смысле?

— Ну, мы с тобой друзья?

— Конечно.

— Вот и славно. Что-то я устала, в сон клонит, но мне полегчало.

— И мне,— сказал он.

— Тогда голову на свою подушку — и отбой, но у меня к тебе одна просьба.

— Какая?

— Можно взять тебя за руку? Просто так.

— Конечно можно.

— А то меня преследует ужасное ощущение, — объяснила она, — будто кровать завертится и тебя сбросит, а я проснусь и увижу, что мы не держимся за руки.

— А ты держись крепче, — посоветовал он.

Его ладонь нашла ее руку. Оба лежали навзтяжку, не двигаясь.

— Спокойной ночи, — сказал он.

— Да, правильно, спокойной-преспокойной ночи.

Пойдем со мной

Почему Джозеф Керк так поступил, что им двигало — он и сам толком не разобрался. У него в памяти лишь промелькнула череда подобных случаев из прошлого, когда он точно так же приходил в бешенство.

К примеру, на званом ужине для узкого круга один самодовольный кинопродюсер стал бравировать своим двурушничеством, давая понять, что все остальные ничем не лучше; тогда Джозеф Керк, отложив нож и вилку, приказал, чтобы продюсер убирался из-за стола. Тот вынужден был подчиниться.

Был еще другой эпизод: некая актриса полчаса распекала своего мужа в присутствии гостей. Керк вскочил, высказал без обиняков все, что о ней думал, и ушел в другую комнату читать книгу. Позднее, перед уходом, она извинилась, но он даже не посмотрел в ее сторону.

Вот и сегодня случилось нечто похожее. У него с языка слетели немыслимые слова. Можно подумать, ему в ладонь сунули ручную гранату, а он машинально выдернул чеку, не сообразив отбросить эту адскую штуковину, и стал ждать, когда же она рванет.

Дело было под вечер: стоя у газетного киоска, он разглядывал стойку с журналами и вдруг услышал чью-то перебранку. Голоса приближались — один громкий, беззастенчивый, издевательский; другой сдавленный, глухой, обреченный. Киоск находился неподалеку от Голливудского бульвара; с той стороны и доносились голоса.

Джозеф Керк покосился. По тротуару широким шагом двигался молодой красавец, который осыпал оскорблениями своего спутника, причем с таким видом, будто бросал нищему подачки с барского стола. Можно было подумать, на нем запахнут невидимый плащ. Можно было подумать, его лицо спрятано под невидимой маской. Ничего подобного: просто у него была такая осанка, а на физиономии застыла гримаса высокомерия, из-под которой вылетали оскорбления.

За ним едва поспевал его друг, невысокий, скромный и куда более сдержанный, но при этом тоже с красивыми чертами лица — без невидимого плаща, без маски, словно внезапно застигнутый ливнем и не ожидавший грозы.

— Черт побери, — выкрикивал первый, гневно глядя перед собой, — хоть бы раз что-нибудь сделал по-человечески!

— Что я опять не так сделал?

— И вчера вечером, и сегодня утром, да только что. Ведешь себя как плебей. Тебя вежливости учили? Ты что, не знаешь, как положено держаться? На этой вечеринке, мать честная! Что, трудно было улыбнуться, посмеяться, анекдот рассказать? Нет, стоял всю дорогу как истукан!

— Но ведь я...

— А сегодня за обедом — Тедди из кожи вон лезет, чтобы нас повеселить, сыплет шутками, а ты сидишь с каменной рожей. Господи! Бывают же такие...

Они прошли мимо: первый — рослый, самоуверенный, с мягкими кошачьими повадками, второй — уже сломленный, угнетенный, потерянный. У Керка по шее и спине побежали мурашки. Он невольно стиснул зубы и зажмурился.

— А после обеда. Ты сам-то понимаешь, как облажался?

— Да что я такого сделал, что я такого сделал?

— Ты...

— А ну заткнись! — выкрикнул Керк.

Мир оцепенел. Остановились и двое незнакомцев. Самоуверенного так и развернуло, будто в него угодила пуля. Невысокий застыл на месте, а

потом медленно поднял голову, и в его глазах мелькнуло отчаяние, смешанное с любопытством и облегчением.

— Что? — взревел парень в невидимой маске.

У Керка сами собой зашевелились губы, и он, не отдавая себе в этом отчета, повторил:

— Сказано тебе: заткнись.

— А ты кто такой, баклан? — заорал первый.

— Я никто, но это не твое дело!

«А дальше что?» — спросил себя Керк. Ответ подсказало лицо невысокого паренька. На нем отразился проблеск надежды на чудо и на спасение.

— Слушай внимательно, — сказал ему Керк. — Сейчас ты пойдешь со мной.

— Что? — растерялся второй.

— На что тебе сдался этот хам? — продолжал Керк. — Не нужен он тебе. Пошли. Со мной тебе будет лучше. Для начала я просто оставлю тебя в покое. А там видно будет, договорились? Ну? Он или я?

Второй парень, раздираемый сомнениями, переводил взгляд со своего партнера на Керка, а потом на землю, не решаясь сделать выбор.

— Послушай, — заговорил первый, и его маска начала таять. — Разве ты...

— Нет. — Керк протянул руку, чтобы тронуть второго парня за локоть. — Тебя ждет свобода. Это же здорово, правда? Ну-ка, прочь с дороги. А ты иди за мной.

Он решительно вклинился между ними, оттер второго паренька и повел его прочь.

— По какому праву? — Первый был поражен.

— Да пошел ты! — прокричал в ответ Керк.

Он быстро увел своего пленника за угол, провожаемый криками пострадавшей или, точнее сказать, потерпевшей стороны.

— Не останавливайся, — приказал Керк.

— Я не останавливаюсь.

— Не оглядывайся.

— Ни за что.

— Шевели ногами.

— Бегу.

— Молодец.

На следующем углу они перевели дух и оглядели друг друга.

— Вы кто? — спросил паренек.

— Надо думать, твой спаситель.

— Зачем вы это сделали?

— Сам не знаю. Так уж получилось. Не стерпел.

— Как вас зовут?

— Керк. Джозеф Керк.

— А меня — Уилли-Боб.

— Надо же! У тебя на лбу написано — Уилли-Боб.

— Знаю. А вдруг он за нами погонится?

— Скорее всего, сейчас он в шоке. Давай-ка поторопимся. У меня тут рядом машина припаркована.

Они подошли к машине, и пока Керк отпирал дверь со стороны пассажирского сиденья, Уилли-Боб заговорил:

— Господи, да вы не в теме! Даже не... ну, вы понимаете.

В машину они сели молча. Когда Керк повернул ключ зажигания, Уилли-Боб робко спросил:

— Или я ошибся?

Повернувшись к нему, Керк негромко рассмеялся:

— Нет-нет, все верно.

— Тогда почему?..

— Не мог видеть, как этот сукин сын над тобой измывается прямо на улице. Я не мог этого допустить.

— А знаете, я его люблю.

— Тем хуже. Но теперь ты в надежных руках.

— И как вы со мной поступите?

— Считай, что я — человек без носа. А ты — пачка салфеток «Клинекс». Что-нибудь придумаю.

Керка разбирал смех. Уилли-Боб тоже стал похохатывать.

— Ой, не могу поверить! Это было шикарно! У обоих потекли слезы.

— Считаешь? — спросил Керк и выехал со стоянки, увозя своего пассажира.

Они нашли закусочную, но и тогда не могли удержаться от смеха. Заказали через окошко два гамбургера, картофель фри, пиво и стали ждать, пока пройдет хохот.

— Господи, как вспомню его физиономию! Ох, как полегчало-то! — не унимался Уилли-Боб.

— На то и был расчет,— сказал Керк.

— Впервые в жизни, впервые я настоял на своем!

«Не больно-то ты настаивал»,— подумал Керк, но смолчал.

— Представляю, как он сейчас мечется по бульвару, ищет меня, беснуется...— Тут у него дрогнул голос.— Господи, что будет, когда он меня найдет! К тому же мои вещи у него дома.

— Разве у вас не общее жилье?

— Мы снимаем квартиру на Фаунтин.

— И много там твоего барахла?

— Порядочно. Одежда на смену. Туалетные принадлежности. Раздолбанная пишущая машинка. Вроде это основное.

— Не густо,— сказал Керк.

Заказ подоспел как раз вовремя — пауза грозила затянуться. Ели они в молчании. Сжевав половину гамбургера, Уилли-Боб сдавленно спросил:

— Можно все же узнать, что вы собираетесь со мной делать?

— Ничего.

— В принципе, я готов. Я ведь вам обязан.

— Ничем ты мне не обязан. А вот себе — обязан. Завязывай с этим делом или вали отсюда.

— Вы правы. И все-таки я не понимаю, почему вы это сделали, почему мы с вами сейчас тут сидим?

Керк сосредоточенно жевал гамбургер, глядя на лобовое стекло, где остались пятнышки от разбившейся мошкары. Он пытался расшифровать тайные знаки, образованные этими засохшими метками.

— Если две собаки начнут спариваться посреди улицы и не смогут расцепиться, я выскочу из машины и окачу их из шланга. Если соенок выпадет из гнезда, я его подберу, принесу домой и буду отпаивать теплым молоком. Черт его знает.

— Значит, я соенок, выпавший из гнезда?

— Очень похож.

— И летать не умею.

— Потому я за тебя и вступился.

— Но вы же обо мне ничего не знали.

— Ну почему же, знал. Мне достаточно было видеть твою походку. Слышать твой голос.

— О нем вы тоже ничего не знали.

— Знал — видел его походку, слышал все про его жизнь, а заодно и про твою.

— Вы ужасно проницательны: все видите, все слышите.

— Это качество мне в минус. От него сплошные неприятности. Вот мы с тобой здесь сидим. А дальше что?

Разделавшись с гамбургерами, они откупорили пиво, и Уилли-Боб сказал:

— Может, поживем вместе...

— Еще чего,— перебил Керк и тут же осекся.— Пойми, я просто-напросто тертый калач, глаз у меня наметан, но я, мягкотелый придурок-благодетель, увяз по уши в своих подвигах, а теперь не знаю, куда деваться,— равно как и ты. На самом деле мы друг другу совершенно не нужны. Единственное, что нас сближает,— это мое сочувствие и твой страх.

— На это и будем рассчитывать,— сказал Уилли-Боб.— Поедем к тебе? То есть если мы сегодня поедем к тебе.

— Твоя уверенность тает с каждой секундой.

— Боюсь до смерти. Чувство такое, будто меня вырвало в церкви.

— И Господь Бог тебе этого не простит, так, что ли?

— Он меня никогда не прощает.

Керк отхлебнул пива.

— Твой парень не Господь Бог. Он Люцифер. А его жилище — ад на земле. Лучше застрелиться, чем вернуться к нему.

— Понимаю,— кивнул Уилли-Боб, закрыв глаза.

— А сам к этому склоняешься, верно?

— Верно.

— Давай снимем тебе комнату на ночь. Побудь наедине с собой — может, тогда...

— Наберусь храбрости?

— Черт возьми, кто я такой, чтобы тебе советовать?

— Господи, мне как раз нужен совет. Да, номер в гостинице — было бы неплохо. Только у меня денег нет...

— Думаю, такой расход мне по карману, — сказал Керк.

Он завел машину, и Уилли-Боб попросил:

— По дороге в гостиницу — если, конечно, это не слишком большой крюк — нельзя ли нам проехать мимо твоего дома, просто чтобы я посмотрел...

— На что там смотреть?

— Снаружи, естественно, — на дом, где ты живешь с семьей, — ты ведь женат, правда? Хочется увидеть что-нибудь основательное, надежное. Только проедем мимо — и все, можно?

— Ну, не знаю, — растерялся Керк.

— Можно? — повторил Уилли-Боб.

Они покружили по Голливуду. Керк спросил:

— Ты где-нибудь работаешь? Ясно: нигде. Завтра привезу тебе объявления о вакансиях, чтобы ты мог встать на ноги и разобраться в себе. Давно ты

живешь — если можно так выразиться — с этим негодяем?

— Уже год. Лучший год моей жизни. Целый год. Кошмар всей моей жизни.

— Из крайности в крайность. Мне знакомо такое чувство.

У одноэтажного белого особняка, где жил Керк, они снизили скорость. Одно из окон светилось мягким абрикосовым светом. Даже на Керка повеяло теплом, и он едва не остановился.

— Твое окошко? — спросил Уилли-Боб. — Выглядит изумительно.

— Нормально.

— Боже, как ты добр. Почему я не могу успокоиться и принять твою помощь? Что со мной делается? — простонал Уилли-Боб и пустил слезу.

Протянув ему бумажный носовой платок, Керк неожиданно для себя наклонился и поцеловал его в лоб. На заплаканном лице Уилли-Боба мгновенно высохли слезы и отразилось изумление.

Керк отпрянул:

— Извини. Не обижайся!

Посмеявшись, они развернулись и поехали назад, в Голливуд, где нашли скромную гостиницу.

Керк вышел из машины.

— Нет, садись за руль, — попросил Уилли-Боб.

— Чем здесь плохо?

— Ты же понимаешь, я не смогу тут остаться.

Керк выжидал. После долгого молчания Уилли-Боб спросил:

— У тебя было много женщин?

— Сколько-то было.

— Неудивительно. Ты хорош собой. И отзывчив. У тебя счастливый брак? Отзывчивость помогает в супружеской жизни?

— У меня все нормально,— ответил Керк.— Немного скучаю по тем временам, когда у нас все только начиналось.

— Эх, мне бы научиться скучать по нему, а потом выбросить его из головы. Меня такая тоска пробирает — до самого нутра.

— Все пройдет, только надо постараться.

— Нет.— Уилли-Боб покачал головой.— Такое не проходит.

Больше говорить было не о чем.

Керк сел в машину и некоторое время смотрел, как его хрупкий юный знакомец осушает слезы.

— Куда ехать?

— Я покажу.

Вставив ключ в зажигание, Керк помедлил.

— Гостиница — вот она. Твой последний шанс начать новую жизнь. Время пошло. Девять, восемь, семь...

Взгляд Керка упал на банку с остатками пива, которую все еще держал в руке Уилли-Боб. Тот негромко хмыкнул.

- Презренный червяк сыт и пьян.
Скомкав жестянку, он выбросил ее в окно.
- Мусор, как и я сам. Ну что, поехали?

— Явился!

В конце бульвара Санта-Моника они остановились у заведения под вывеской «Голубой попугай». В дверях, то ли снаружи, то ли внутри, стоял парень в невидимом плаще и невидимой маске. Сейчас маска наполовину сползла, искривив ему губы и замутив глаза, но он лишь сложил руки на груди и нетерпеливо притопывал ногой.

Когда машина притормозила у тротуара, он разглядел пассажира и всем телом подался вперед. Маска тут же вернулась на прежнее место, спина распрямилась, руки стиснули торс, подбородок дернулся вверх, а глаза полыхнули огнем.

Керк выключил двигатель.

— Это твое окончательное решение?

— Да,— потупился Уилли-Боб, сжав руки коленями.

— Ты ведь знаешь, что будет дальше, правда? На неделю попадешь в ад, а если я не заблуждаюсь насчет этого типа, то на месяц.

— Знаю.— Уилли-Боб смиренно кивнул.

— И все равно собираешься к нему вернуться?

— Мне больше некуда идти.

— Неправда, ты можешь пожить в гостинице, а я куплю тебе все необходимое.

— Разве это жизнь? — спросил Уилли-Боб. — Ты же меня не любишь.

— Еще не хватало. А теперь выметайся из машины и беги отсюда прочь, как черт от ладана, один!

— Боже мой, неужели ты думаешь, что я возвращаюсь по доброй воле?

— Тогда делай, что тебе говорят. Ради меня. Ради себя самого. Беги. Найди кого-нибудь получше.

— Кроме него, у меня никого нет. На всем свете. Пойми, он меня любит. Если я его брошу, он себя убьет.

— А если не бросишь, он убьет тебя. — Керк глубоко вдохнул и сделал долгий выдох. — Честное слово, у меня такое чувство, будто человек тонет, а я ему бросаю наковальню.

Пальцы Уилли-Боба скользнули по дверной ручке. Дверца с пассажирской стороны распахнулась. Это увидел парень, стоявший на пороге «Голубого попугая». Он снова рванулся вперед, но тут же вернулся в прежнюю позу, и только у его мертвенно-бледных губ обозначились угрюмые складки.

Выскользнув из машины, Уилли-Боб на глазах обмяк. Теперь, стоя обеими ногами на тротуаре, он казался на голову ниже, чем десять минут на-

зад. Он наклонился и, волнуясь, как ответчик на суде, заглянул в окно машины.

— Ты не можешь этого понять.

— Могу,— сказал Керк.— И это самое печальное.

Протянув руку, он потрепал Уилли-Боба по щеке.

— Постарайся наладить свою жизнь, Уилли-Боб.

— Ты свою уже наладил. Я тебя никогда не забуду,— сказал Уилли-Боб.— Спасибо за сочувствие.

— По молодости я подрабатывал спасателем. Может, сегодня ночью опять рвану на пляж, поднимусь на вышку и буду смотреть, не нужна ли помощь утопающему.

— И правильно,— сказал Уилли-Боб.— Спасать надо тех, кто этого заслуживает. Доброй ночи.

Развернувшись, Уилли-Боб зашагал к «Голубому попугаю».

Его сожитель, теперь в плотно пригнанной маске и развевающемся плаще, жесткий и самонадеянный, уже скрылся за дверью. Пока раскачивались навесные створки, Уилли-Боб стоял у входа. А потом втянул голову в плечи, ссутулившись под невидимым ливнем, и шагнул через порог.

Керк не стал ждать. Мотор взревел, и машина умчалась в темноту.

Через двадцать минут, выйдя на океанский берег, он оглядел залитую лунным светом пустую вышку спасательной станции, вслушался в шорох прибоя, сказал про себя: «Черт побери, спасти-то некого» — и поехал домой.

Он скользнул под одеяло, прихватив с собой жестянку с остатками пива, и стал медленно вытягивать последние капли, а сам смотрел в потолок, пока жена, отвернувшись к стенке, не поинтересовалась:

— Скажи на милость, во что ты впутался на этот раз?

— Не скажу, — ответил он, — ты все равно не согласишься.

Балтимор не близок

Когда до кладбища оставалось совсем немного, Менвилл решил, что им пора подкрепиться, и тормознул вблизи апельсиновой роши, где был придорожный киоск, в котором продавались бананы, яблоки, ежевика и, разумеется, апельсины.

Купив пару аппетитно краснобоких, блестящих яблок, Менвилл одно протянул Смит.

Смит не понял:

— С чего это?

Напустив на себя таинственный вид, Менвилл только и сказал:

— Ты ешь, ешь.

Они оставили пиджаки в машине и двинулись по кладбищенской аллее.

За воротами еще пришлось отмахать порядочное расстояние, но в конце концов они дошли до цели.

Поглядев вниз, Смит прочел:

— «Расс Симпсон». Однокашник твой, что ли?

— Точно,— подтвердил Менвилл.— Он самый. Из нашей тусовки. Вообще-то мой лучший друг. Расс Симпсон.

Они немного постояли без слов, жуя крупные яблоки.

— Видно, зацепил он тебя крепко,— отметил Смит.— Раз ты в такую даль притащился. Цветов-то не купил?

— Нет, только яблоки. Скоро поймешь.

Смит изучал надгробную надпись.

— И что в нем было особенного?

Откусив кусок яблока, Менвилл объяснил:

— Постоянство. Часы бьют полдень — он тут как тут; еду на трамвае в школу и обратно — он в том же вагоне. Звонок на перемену — он рядом, классный час — он напротив, даже в литературный кружок вместе записались. Бывает же такое. Нет, конечно, временами его заносило.

— Например? — спросил Смит.

— Ну, была у нас компашка, человек пять-шесть — на большой перемене собирались. Разные мы были, но и чем-то похожие. А Расс все меня подкалывал — знаешь, так, по-дружески.

— Подкалывал? Это как?

— Был у него любимый прикол. Обведет нас взглядом и говорит: «Ну-ка, кто может выговорить “Грейнджер”?» Бывало, упрется в меня глазами:

«Скажи “Грейнджер”». Ну, я и говорю: «Грейнджер», а Расс качает головой и фыркает: нет, мол, не так. Пусть кто-нибудь другой скажет «Грейнджер». Кто-то из ребят говорит: «Грейнджер», и все ржут — животы надрывают, потому что чудак потешно выговаривает. Тогда Расс ко мне поворачивается: «Теперь ты давай». Ну, я тоже стараюсь: «Грейнджер» — и все молчат, языки проглотили, а я стою, как оплеванный. Он все это нарочно подстраивал, но я в ту пору такой болван был, просто наивняк, мне и в голову не могло прийти, что надо мной потешаются. А как-то раз позвал он меня к себе домой, там дружок его, Пипкин фамилия, свесился с балкона — и кота на меня сбросил. Веришь, нет? Кот бряк мне на башку и когтями в лоб вцепился. Запросто мог глаза выцарапать — это уж я потом допер. Расс чуть со смеху не помер. Сам гогочет, Пип с ним вместе гогочет, а я как шаранул кота об стену! Тут Расс прямо взбесился: «Не смей котяру садировать!», кричит. Я ему в ответ: «А где ты был, когда твой котяра меня садировал?» Он потом направо и налево об этом трубил, вот смеху-то было. Все ржали, кроме меня.

— Нашел, что вспомнить,— бросил Смит.

— Он, бывало, от меня ни на шаг — кореш мой, мы и на уроки вместе бегали. А на большой перемене он вечно яблоко грыз. Дожует и кричит:

«Лети, огрызок!» А кто-нибудь из ребят отзывается: «Балтимор не близок». Тогда Расс спрашивает: «Кто твой друг?» Все тычут пальцами в мою сторону, и он фигаичит огрызком — со всей дури — мне в физиономию. Так уж повелось — два года, примерно раз в неделю: «Лети, огрызок» — «Балтимор не близок».

— И это твой лучший друг?

— Ну да. Кореш мой.

Они еще постояли у могилы, вгрызаясь в яблочную мякоть. Солнце палило. В воздухе не было ни ветерка.

— Еще что он вытворял?

— Да так, ничего особенного. Ну, на большой перемене, бывало, попрошу училку пустить меня в кабинет машинописи, чтоб рассказ отпечатать, — у меня своей-то машинки не было. Потом я, конечно, собственной обзавелся — по дешевке купил. Но пришлось месяц, если не больше, на завтраках экономить. В конце концов скопил я нужную сумму и отдал ее за эту чертову машинку. Чтоб печатать, когда захочу. А Расс глядит на меня да и говорит: «Мать твою, ты сам-то видишь, кто ты есть?» «Кто?» — спрашиваю. А он и говорит: «Крендель тухлый — на жратве сэкономил, чтоб эту дерьмовую машинку заиметь. Крендель тухлый». Потом я решил, что обязательно напишу великий

американский роман под названием «Тухлый крендель».

Смит заметил:

— Все лучше, чем «Гэтсби», скажи?

— «Гэтсби» тоже ничего. Короче, с пишущей машинкой я не расставался.

Они молча догрызали тающие на глазах яблоки.

По лицу Смита пробежала какая-то тень. Он сощурился и вдруг шепнул:

— Лети, огрызок.

И Менвилл, не раздумывая, выпалил:

— Балтимор не близок.

Тогда Смит спросил:

— Кто твой друг?

Широко раскрытыми глазами Менвилл смотрел на высеченные в камне буквы.

— Грейнджер.

— Грейнджер? — удивился Смит, глядя на приятеля.

— Ну да, — подтвердил Менвилл. — Грейнджер.

Тут Смит замахнулся и со всей силы запустил огрызком в могильную плиту.

Недолго думая Менвилл проделал то же самое, потом нагнулся, поднял огрызок и прицельно швырнул его во второй раз; теперь надгробье облепи-

ли яблочные ошметки, и букв уже было не разобрать.

Они оба уставились на это безобразие.

Потом Менвилл развернулся и зашагал назад, петляя между могилами и не пряча слез.

Сзади его окликнул Смит:

— Ты куда?

Не оборачиваясь, Менвилл хрипло выдавил:

— За яблоками, мать твою, за яблоками.

Переселение душ

Со временем боязнь пройдет. Но это от тебя не зависит, просто старайся ходить по земле только ночью.

Солнце — страшная штука; летние ночи тоже не лучше. Дождись холодов. Первые полгода — золотое время. На седьмом месяце начнут просачиваться грунтовые воды. К началу восьмого месяца тебя покинет ощущение собственной нужности. С приходом десятого месяца будешь лежать и плакать без слез от тоски, потому что осознаешь: твои передвижения окончены навсегда.

Но это еще когда будет, а до той поры необходимо завершить массу дел. Покуда не растеклись мозги, нужно взвесить в уме все «за» и «против».

Все это тебе в диковинку. Ты родился заново! Твое место рождения обито шелком, пахнет туберозой и льняным бельем, а до твоего появления оно еще и поражало тишиной, нарушаемой только сердцебиением миллиардов земных насекомых.

Для строительства этого жилья потребовались доски, металл и атлас; уюта не жди, воздух спертый, да и того не хватает — так, карман в недрах земли. Теперь другого пристанища не положено. Чтобы тебя разбудить пощечинами, как следует растормошить, потребуется волна злости. Желание, потребность, нужда. Вот тогда ты вздрогнешь, поднимешься — и ударишься головой о задрапированные атласом доски. А жизнь манит к себе. Ты с нею вместе растешь. Начинаешь скрести над собой землю, сперва медленно, ведь нужно еще найти, куда сваливать тяжелый грунт, которого дюйм за дюймом набирается порядочно, и однажды ночью над тобой оказывается бескрайняя тьма — путь наверх завершен, и ты подаешься вперед, чтобы увидеть звезды.

Теперь ты стоишь, обуреваемый чувствами. Как ребенок, делаешь первый шаг, спотыкаешься, ищешь опору — и нащупываешь холодную мраморную плиту. Под пальцами твое скупое жизнеописание, высеченное в камне: дата рождения — дата смерти.

Хлипкий пруттик, ты учишься ходить. Оставляешь позади эту страну памятников и бредешь темной улочкой по бледным тротуарам, где рядом с тобою нет ни души.

Тебя преследует чувство незавершенности. Где-то есть цветок, какого ты не видел, местность, куда

так и не выбрался, озеро, в котором не довелось поплавать, вино, не коснувшееся твоих губ. И вот ты бредешь неведомо куда, чтобы довести до конца то, что не сделано.

Улицы чужие. Незнакомый город — мечта на озерном берегу. Твоя походка обретает уверенность, ты уже не плетешься, а летишь. К тебе возвращается память.

И ты узнаешь каждый газон на этой улице, каждую трещинку на мостовой, где асфальт вспучился от летнего пекла. Тебе известно, где паслись стреноженные лошади, потные среди весенней зелени, привязанные к железным стойкам у воды, но это было так давно, что сознание подергивается ускользающей дымкой. А вот и перекресток, где ослепительный фонарь замер в паутине света среди черной мглы. Чтобы не угодить в эту паутину, ты ныряешь под кроны платанов. Проводишь пальцами по деревянному забору. В детстве ты с хохотом носился вдоль него и молотил палкой по штакетнику, изображая пулеметную очередь.

А эти дома — с каждым связаны лица и ощущения. Вот здесь витал лимонный запах почтенной миссис Хенлон, сухой старушки, которая сухо выговаривала тебе за растоптанные петунии. Теперь она усохла окончательно, как обгоревший древний пергамент.

На улице тишина, если не считать чьих-то шагов. Свернув за угол, ты лицом к лицу сталкиваешься с прохожим.

Вы оба отшатыиваетесь. Разглядываете друг друга и через считанные мгновения начинаете что-то понимать.

У незнакомца огненные, глубоко посаженные глаза. Высокий рост, поджарая фигура, темный костюм. Скулы поражают необыкновенной белизной. На лице улыбка.

— Новичка сразу видно,— произносит он.

Тогда до тебя доходит, с кем ты повстречался. Это «скиталец», «иной», совсем как ты.

— Куда спешим? — интересуется он.

— Отойди,— бросаешь ты в ответ.— Некогда мне. Я должен успеть.

Протянув руку, он беззастенчиво хватается тебя за локоть.

— А тебе известно, кто с тобой говорит? — Он наклоняется к твоему лицу.— Не понял еще, что мы одного поля ягоды? Мы же братья.

— Мне... у меня времени нет.

— Понятное дело,— говорит он.— У меня тоже лишнего времени нет.

Ты хочешь проскользнуть мимо него, но он не отстает.

— Будто я не знаю, куда тебя тянет.

— Куда же?

— Ясно куда,— говорит он.— Туда, куда в детстве бегал. На речку. А еще в какой-то дом. Где приключилась некая история. Возможно, к девушке. К смертному ложу старого друга. Все я про тебя знаю, и про всех наших тоже. Мне ли не знать.— Он кивает туда, где свет фонарей перемежается с темнотой.

— Это правда?

— А иначе зачем бы нам, неприкаянным, расхаживать по земле? Странно, честное слово: такое множество книжек написано о призраках и блуждающих душах — и ни один автор этих внушительных томов не раскрыл истинную причину наших скитаний. На самом-то деле притягивает нас одно и то же: память, друг, женщина, дом, вино — все, что связано с этой жизнью... то есть сама жизнь! — Он поднимает кулак, будто скрепляя эти слова.— Жизнь! Настоящая жизнь!

Не говоря ни слова, ты ускоряешь ход, но тебя настигает его шепот:

— Как справишься — подходи ко мне, дружище. Присоединяйся к нашим — хоть на одну ночь, хоть на две, хоть на все оставшееся время — все равно в конце концов мы победим!

— Кто это — «наши»?

— Мертвые. Нас объединяет борьба против... — молчание, — нетерпимости.

— Против нетерпимости?

— Мы, новопреставленные, недавно захороненные, составляем меньшинство, угнетаемое меньшинство. Они издают законы против нас!

Ты останавливаешься.

— Меньшинство?

— А ты как думал? — Он хватает тебя за рукав. — Кому мы нужны? Никому! Нас боятся, нас гонят с воплями, как баранов на бойню, нас побивают камнями, как иудеев. Это нечестно, пойми, это несправедливо! — Размахивая обеими руками, он молотит воздух. — Разве справедливо, что мы гнием в могилах, а весь мир пляшет, поет и смеется? Разве честно, разве справедливо, что они предаются любви, а мы прозябаем в холоде, они ласкают друг друга, а наши руки превращаются в камень? Нет! Потому я и призываю: долой их всех, долой! Почему именно нам выпало умереть? Почему не другим?

— Наверное...

— Они швыряют нам в лицо комья земли, а сверху придавливают каменными надгробьями. Раз в году, если повезет, принесут цветы и оставят их гнить! О, как же я ненавижу живых! Будь они прокляты! Танцуют ночи напролет, милуются до рассвета, а мы — гори огнем. Прав я или не прав?

— Я как-то не задумывался...

— Вот увидишь! — кричит он. — Мы им за все отплатим!

— Каким образом?

— Сегодня у нас сбор под кладбищенской сенью. Это будет многотысячное войско, и я пойду во главе. Мы выступим боевым порядком! Слишком долго о нас не вспоминали. Если мы расстались с жизнью, то им тоже не жить! Придешь, дружище? Я беседовал со многими. Присоединяйся к нам. Сегодня распахнутся ворота всех кладбищ, и неприкаянные хлынут на улицы, чтобы затопить равнодушных. Ты придешь?

— Да. Скорее всего. Но сейчас я тороплюсь. Мне надо кое-что отыскать... А потом, потом встану под ваши знамена.

— Лады,— говорит он; ты уходишь, а он остается под кронами деревьев.— Лады, лады, лады!

Теперь скорее в гору. Слава богу, ночь выдалась холодная.

Дышать тяжело. Впереди светится ночными окнами великолепный в своей простоте дом, где бабушка сдавала жилье и готовила еду квартирантам. В этом просторном, внушительном доме по воскресеньям устраивали праздники. Ты, еще ребенком, сидел на крыльце, глаза на взмывающие в небо петарды и брызжащие огнем шутихи; барабанные перепонки лопались от пороховых залпов, гремевших из латунной пушечки, а фитиль поджигал дядя Брион при помощи раскуренной самокрутки.

Трепеща от этих воспоминаний, ты начинаешь понимать, зачем мертвые поднимаются из могил. Чтобы увидеть хоть одну такую ночь. Здесь были росистые лужайки, где можно валяться на мокрой траве и мутузить друг друга кулаками, ловя сладостный миг настоящего, — завтра еще не подоспело, вчера давно улетело, а сегодня вечер наш!

А здесь, именно здесь — помнишь? В этом доме жила Ким. Светящееся окошко, выходившее на задний двор, — это была ее комната.

Распахнуть калитку — и скорей по аллее.

Крадешься к ее окну и явственно чувствуешь, как твое затхлое дыхание стелется по холодной траве. Когда туман рассеивается, можно разглядеть комнату: игрушки на узкой, мягкой кровати, до блеска натертый паркет вишневого дерева, а на нем пушистые коврики, будто спящие собачонки.

Вот и она. Устала, это видно по ее походке, но все равно садится и начинает расчесывать волосы.

Затаив дыхание, ты прижимаешься ухом к холодному стеклу и ловишь каждый звук; словно из морской пучины до тебя доносится ее тихое пение, почти что эхо, плывущее впереди напева.

Ты стучишься в окно.

Она даже не повернула головы — знай расчесывает волосы.

Тебе становится тревожно; стучишься опять.

На этот раз она опускает гребень, встает со стула и подходит к окну. Сперва ей ничего не видно: ты

отступил в темноту. Тогда она вглядывается повнимательнее. Замечает неясные очертания там, куда не достает свет.

— Ким! — Сдерживаться больше не вмоготу. — Ким! Это же я!

Ты подставляешь лицо свету. Она бледнеет. Нет, не закричала, но глаза расширились, а губы приоткрылись в испуге, будто в опасной близости ударила молния. Ее как отбросило.

— Ким! — зовешь ты. — Ким.

Она произносит твое имя, но ты не слышишь. Хочет убежать, но вместо этого поднимает раму и, всхлипнув, делает шаг назад, чтобы ты мог запрыгнуть на подоконник, ближе к свету.

Ты закрываешь за собой раму и, пошатываясь, стоишь на подоконнике, а она ушла в дальний угол и прячет лицо.

Надо бы что-нибудь сказать, но язык не слушается, и тут до тебя доносится ее плач.

В конце концов она собирается с духом.

— Полгода, — говорит она. — Шесть месяцев, как тебя нет. Когда ты ушел, я все время плакала. Никогда в жизни не лила столько слез. А теперь ты здесь, но этого не может быть.

— И все же я здесь!

— А зачем? Не понимаю, — говорит она. — Зачем ты пришел?

— Случайно. Кругом такая темень, я замечтался — сам не знаю, как это вышло. В моих мечтах

была ты; пришлось вернуться к тебе. Ноги сами принесли.

— Тебе нельзя здесь оставаться.

— До рассвета можно. Я тебя люблю, как прежде.

— Не произноси таких слов. Нельзя. Мое место здесь, а твое — там, и мне сейчас страшно до одури. Прошло столько времени. То, что между нами было, над чем мы подшучивали, смеялись — это мне по-прежнему дорого, но...

— Мне от своих мыслей никуда не деться, Ким. Все думаю, думаю. Пойми меня, умоляю.

— Уж не жалости ли ты просишь?

— Жалости? — Ты отворачиваешься. — Нет, жалеть меня не надо. Ким, выслушай. Я могу приходить каждый вечер, мы будем болтать, как раньше. Если ты согласна выслушать, я все объясню, чтобы у тебя не было сомнений.

— Что толку? — говорит она. — Прошлого не вернешь.

— Ким, всего лишь один вечерний час. Или полчаса, в любое время, когда скажешь. Пять минут. Чтобы только тебя повидать. Больше ничего — это все, о чем я прошу.

Ты пытаешься взять ее за руку. Она отстраняется.

Зажмурившись, она произносит только одно слово:

- Боюсь.
- Чего?
- Меня всегда учили, что нужно опасаться.
- Как раз таких случаев?
- Да, наверное.
- Но мне только поговорить.
- Разговорами делу не поможешь.

Озноб мало-помалу стихает, она смелеет и успокаивается. Садится на краешек кровати, и с ее молодых губ слетает надтреснутый, старческий голос:

— Ну, если только...— Молчание.— Попробовать. Разве что на несколько минут, по вечерам, чтобы я к тебе привыкла и не страшилась.

— Как скажешь. Не побоишься?

— Постараюсь.— Она глубоко вздыхает.— Не бояться. Сейчас я к тебе выйду, только соберусь с духом. Жди у дома — хоть попрощаемся по-человечески.

— Ким, помни одно. Я тебя люблю.

Ты выпрыгиваешь из окна; за тобой опускается рама.

В темноте подступают рыдания, но не от печали, а от какой-то потаенной горечи.

По другой стороне улицы движется одинокий прохожий; ты его узнаешь — это он совсем недавно с тобой заговорил. Вид — не от мира сего, походка точь-в-точь как у тебя, он здесь чужой.

Тут рядом с тобой возникает Ким.

— Порядок,— говорит она.— Немного успокоилась. Кажется, даже не страшно.

Бок о бок вы идете под лунным светом, как не раз бывало прежде. Она направляет тебя в кафе-мороженое, вы садитесь у стойки, заказываете пломбир.

Ты разглядываешь свою порцию, украшенную фруктами и орехами, а сам думаешь: какое чудо, наконец-то сбылось.

Берешь ложечку, кладешь чуть-чуть мороженого на язык, умолкаешь и чувствуешь, что лицо у тебя погасло. Откидываешься назад.

— Вам плохо? — Бармен встревожился.

— Что вы, все нормально.

— Пломбир не понравился?

— Нет, пломбир великолепный.

— Вы хоть попробуйте,— говорит он.

— Расхотелось.

Отодвигая вазочку с мороженым, ты ощущаешь, как тебя захлестывает страшная пустота.

— Не хочется.

Ты сидишь очень прямо, глядя в никуда. Ну, как объяснить ей, что тебе не повернуться, что кусок не идет в горло? Как растолковать, что ты одеревенел, как бревно, скован в движениях и не ощущаешь вкуса?

Оттолкнувшись от стойки, ты сползаешь со стула и ждешь, пока Ким оплачивает счет; потом

распахиваешь дверь и выходишь в ночную темноту.

— Ким...

— Ничего страшного,— говорит она.

Дорога ведет в парк. Она взяла тебя под руку, где-то очень далеко, и прикосновение такое легкое, что почти не чувствуется. Тротуар у тебя под ногами делается мягким. Ты передвигаешься как во сне — ни разу не споткнулся и не оступился.

Ким говорит:

— Хорошо-то как, правда? Сиренью пахнет.

Ты втягиваешь носом воздух, но все понапрасну. В тревоге делаешь еще одну попытку, но сирени словно и не бывало.

В темноте замаячили двое. Проплывают мимо, одаривают Ким улыбками. С расстояния в несколько шагов ты слышишь, как один из них говорит:

— Откуда так воняет? «Подгнило что-то в датском королевстве».

— И верно, откуда?

— Не понимаю...

— Нет! — кричит Ким и вдруг, под впечатлением от их разговора, бросается бежать.

Ты успеваешь поймать ее за руку. Между вами завязывается молчаливая борьба. Она бьет тебя кулаком. Но ударов ты почти не чувствуешь.

— Ким! — Ты срываешься на крик. — Прекрати. Тебе нечего бояться.

— Отпусти! — кричит она в ответ. — Отпусти!

— Не могу.

Снова это «не могу». Она слабеет и обмякает, тихо плача рядом с тобой. От твоего прикосновения ее передергивает.

Дрожа, ты привлекаешь ее к себе.

— Не бросай меня, Ким. У меня большие планы. Мы будем путешествовать, где пожелаешь, — просто путешествовать. Ты послушай. Задумайся. Будем есть изысканные деликатесы, пить лучшие вина, гулять по красивейшим местам.

Ким перебивает. Ты только видишь движение губ. Откидываешь голову назад.

— Что-что?

Она вынуждена повторить.

— Громче, — просишь ты. — Не слышу.

По движению губ видно: она что-то говорит, но до тебя не долетает ни звука.

И тут, словно из-за стены, раздается чей-то голос:

— Зря ты это. Чего добиваешься?

Ты отпускаешь ее.

— Я хотел увидеть свет, цветы, деревья — да что угодно. Хотел до тебя дотронуться, но, видит Бог, стоило мне положить на язык мороженое, как все исчезло. А теперь мне не сдвинуться с места. Даже твой голос, Ким, я почти не различаю. Вот подул ночной ветер, но я его не чувствую.

— Постой,— говорит она.— Так не пойдет. Одного желания недостаточно. Если нет возможности разговаривать, слышать, осязать и даже пробовать на вкус, что же нам с тобой остается?

— Зато я тебя вижу — и помню, как у нас было прежде.

— Этого мало, нужно нечто большее.

— Господи, какая несправедливость. Я жить хочу!

— Значит, будешь жить, поверь, но по-иному. Ты останавливаешься. Холодеешь. Берешь ее за руку, вглядываешься в смутно белеющее лицо.

— К чему ты клонишь?

— У нас будет малыш. Я ношу под сердцем нашего ребенка. Понимаешь, тебе не было нужды возвращаться — ты и так со мной. А теперь — кругом и шагом марш. Поверь, все сбудется. Мне хочется запомнить не ужас этой ночи, а нечто совсем другое. Отправляйся туда, откуда пришел.

Даже слез у тебя больше нет: глаза сухи. Ты сжимаешь ее запястья и вдруг, без единого звука, она начинает оседать на землю.

До тебя долетает ее шепот:

— В больницу. Срочно.

Ты подхватываешь ее на руки, несешь по улице. Левый глаз заволкло туманом, а это значит, что надвигается полная слепота.

— Торопись,— шепчет она.— Торопись.

Спотыкаясь, ты переходишь на бег.

Навстречу едет машина; ты поднимаешь руку. В следующий миг вы с Ким уже на заднем сиденье, и незнакомый водитель в потемках мчит вас по городу, нещадно терзая беззвучный двигатель.

И во время этой дикой гонки ты слышишь, как она повторяет, что верит в будущее, и просит тебя не медлить с уходом.

Наконец добрались; Ким сразу исчезла — санитары увезли ее на каталке, не дав попрощаться.

Беспомощный, ты стоишь у входа, а потом разворачиваешься, чтобы уйти. Мир погружается в марево.

Ты бредешь в полумраке, не видя прохожих, и силишься определить по запаху, цветут ли поблизости кусты сирени.

Миновав парк, незаметно для себя спускаешься в овраг. Внизу толпятся скитальцы — ночные скитальцы, у которых тут назначен сбор. Как там говорил тот прохожий? Все неприкаянные, одиночки, восстанут сегодня против тех, кто их не понимает.

Шагая тропинкой, протоптанной на дне оврага, ты спотыкаешься, падаешь, заставляешь себя подняться и снова падаешь.

Уже знакомый тебе прохожий, из этих скитальцев, стоит посреди тропы на подходе к беззвучно журчащему ручью. Ты озираешься, но в темноте никого другого не видно.

Вожак злится:

— Не пришли! Никто, ни один из этих неприкаянных! Только ты. Испугались, черт их дери, презренные трусы!

— Это к лучшему. — Твое дыхание — иллюзия дыхания — слабеет. — Хорошо, что они тебя не послушались. У каждого, полагаю, была веская причина. Есть вероятность — всего лишь вероятность, что с каждым произошло нечто такое, чего нам не понять.

Вожак мотает головой.

— У меня были такие планы! Но что я могу в одиночку? Хотя, с другой стороны, соберись все неприкайные разом, у них бы все равно не достало сил. С одного удара валятся с ног. Быстро устают. Я и сам умаялся...

Он отстает. Шепот его замирает. У тебя в висках тупо стучит пульс. Выбравшись из оврага, бредешь на кладбище.

На могильном камне выбито твое имя. Тебя ждет сырая земля. По узкой лазейке соскальзываешь в прибежище из досок, обитых атласом, не испытывая при этом ни страха, ни волнения. Зависаешь посреди теплого мрака. Наконец-то можно отдохнуть.

Роскошь тепла и покоя перетекает через край, как сдобная опара; тебя убаюкивает шепот этого прилива.

Дыхание ровное; ни тебе голода, ни тревог. Ты горячо любим. Ты в безопасности. Это пристанище, где ты лежишь и гредишь, слегка подрагивает, шевелится.

Дремотно. Тело тает, оно теперь маленькое, компактное, невесомое. Дремотно. Медленно. Тихо. Тихо.

Кого ты пытаешься вспомнить? Имя уплывает в море. Ты бросаешься следом, но волны оказываются быстрее. Красота уплывает. А чья — неведомо. Брезжит какое-то время и место. Клонит в сон. Темно, тепло. Беззвучная планета. Сумеречный прилив. Тишина.

Все быстрее и быстрее несет тебя мутная река.

Ты вырываешься на свободу. Зависаешь под горячим желтым светом.

Этот мир необъятен, как снежная гора. Печет солнце; огромная красная рука подхватывает тебя за ноги, а другая хлопает по спине, чтобы ты закричал.

Рядом лежит женщина. У нее на лбу поблескивают бусинки пота, а воздух напоен ликованием и ощущением чуда, свершившегося в этом пространстве, в этом мире. Болтаясь вверх ногами, ты издаешь крик, и тогда тебя переворачивают головой вверх, обнимают и прикладывают к груди.

Слегка оголодав, ты забываешь нужные слова и вообще забываешь обо всем на свете. Над тобой звучит ее шепот:

— Мой родной малыш, я назову тебя в его честь. В его... честь...

Эти слова — ничто. Было время — ты боялся чего-то страшного, черного, а нынче, в тепле, все страхи забыты. Твои губы хотят произнести какое-то имя, ты и сам не прочь бы его выговорить, хотя понятия не имеешь, с чем оно связано, но вместо этого у тебя вырывается счастливый крик. А то слово исчезает, расплывается, в голове затихает призрак смеха.

— Ким! Ким! О Ким!

Город Памятный, штат Огайо

Они бежали сквозь пыльную завесу по городской улочке, отбрасывая черные, опаленные солнцем тени.

На бегу они придерживались за колья изгороди. Хватались за стволы деревьев. Цеплялись за кусты сирени, которые не могли служить опорой, а потому их обоих качало, но они, поддерживая друг друга, бежали дальше, поминутно оглядываясь. Внезапно пустая улица обрела четкие контуры и понеслась им навстречу. Они ахнули и закружились в неуклюжем танце.

А потом они заметили то, что им было нужно, и завопили от радости, как путники, которым в полуденный зной привиделся мираж — сказочный остров, сулящий прохладный бриз и ручьи от давно растаявших снегов.

Перед ними стоял сливочно-белый особняк с увитым виноградными лозами крыльцом, похожим на беседку, где жужжали пчелы в золотистых кафтанчиках.

— Дом,— сказала женщина.— Здесь и укро-
емся.

Он удивленно заморгал, глядя на нее.

— Не понимаю...

Тем не менее они помогли друг другу подняться по ступенькам и уселись прямо на скамью, подвешенную на цепях,— ни дать ни взять, специально для них придуманные весы, грозившие рухнуть под их общей тяжестью.

В течение долгого времени единственным движением был ход этих качелей, движущихся в никуда,— а на них, как птицы на жердочке, примостились две человеческие фигурки. Улица раскатала свой горячий рулон пыли, на котором не было ни следов ног, ни отпечатков автомобильных шин. Временами, налетая невесть откуда, по самой середине улицы проносился ветер, стелившийся под прохладными зелеными деревьями. А дальше все запеклось твердой коростой. Надумай кто-нибудь взбежать на первое попавшееся крыльцо, поплевать на застекленную дверь и оттереть присохшую грязь, чтобы заглянуть внутрь, он бы увидел человеческие тела, разбросанные на голых досках пола, лишенного ковров. Но ни взбежать, ни поплевать, ни присмотреться охотников не было.

— Ш-ш-ш,— прошептала женщина.

На их неподвижных лицах играли солнечные блики, трепетные, словно крылышки колибри.

— Слышишь?

Где-то вдалеке послышался невнятный гомон удаляющихся голосов. Забулькала, завывла сирена, потом умолкла. Опустилась пыль. Звуки мира замерли в ленивой истоме.

Женщина посмотрела на мужа, сидящего рядом, и спросила:

— Нас не поймают? Мы ведь сбежали, мы на свободе, правда?

Он едва кивнул. Ему было лет тридцать пять, его покрасневшее лицо заросло щетиной. Из-за розовой сеточки глазных сосудов он казался совсем багровым и каким-то уязвимым. Он часто признавался ей, что у него внутри вырос огромный волосяной ком, мешающий говорить и даже дышать на жаре. Для них обоих панический страх стал делом житейским, обычным состоянием. Упав на руку дождевая капля с ясного неба, он перепугался бы до смерти и сбежал без оглядки.

Она облизнула губы.

Это легкое движение вызвало у него досаду. Ее безмятежность действовала ему на нервы.

Она рискнула опять заговорить.

— Приятно тут сидеть.

От его кивка качели дрогнули.

— Сейчас миссис Хейдекер выйдет — с полной корзиной клубники,— сказала она.

Он нахмурился.

— Прямо с грядки,— добавила она.

Виноградная лоза мирно зеленела над прохладным тенистым крыльцом. Беглецы чувствовали себя как дети, спрятавшиеся от родителей.

Солнечный луч высветил подвешенный на перилах цветочный горшок и покрытые светлыми волосками стебли герани. Мужчине это зрелище напомнило голые ноги, запутавшиеся в кальсонах.

Женщина вскочила и пошла проверять исправность дверного звонка.

— Не смей! — сказал он.

Но было слишком поздно: ее большой палец уже давил на кнопку.

— Не работает,— сказала она, зажала рот ладонью и глухо продолжила: — Вот дуреха! В собственную дверь звоню. Посмотреть, как сама себе открою, что ли?

— Отойди,— сказал он, поднимаясь.— А то наделаешь дел.

Не в силах удержаться, она тайком подергала дверную ручку.

— Не заперто! Надо же — мы всегда запирали!

— Не трожь!

— Я не собираюсь туда ломиться.— Приподнявшись на цыпочки, она провела пальцами по верхней притолоке.— Ключей-то нет, вот какая

штука. Кто-то спер ключи, вошел и — голову даю на отсечение — обчистил весь дом. Нас слишком долго не было.

— Нас не было всего час.

— Не выдумывай,— сказала она.— Ты же знаешь, не один месяц прошел. Нет... что я? Годы пролетели.

— Всего один час,— сказал он.— Да ты присядь.

— Долгонько мы разъезжали. В самом деле, надо присесть,— сказала она, все еще держась за дверную ручку.— Хоть в себя прийти, что ли, а уж потом маму звать: «Мама, мы тут!» Интересно, где Бенджамин шастает? Умный пес.

— Его больше нет,— сказал мужчина, позабыв уговор.— Подох десять лет назад.

— Ах...— Отпрянув, она перешла на шепот: — Верно...

Она оглядела дверь, крыльцо и городскую улицу.

— Что-то здесь не так. А что — не пойму. Но подвох есть!

Тишину нарушало только скворчанье — это солнце поджаривало небеса.

— Какой это штат — Калифорния или Огайо? — спросила она, повернувшись наконец к нему лицом.

— Оставь дверь в покое! — потребовал он, хватая ее за руку. — Это Калифорния.

— А откуда тут взялся наш город? — возмутилась она, тяжело дыша. — Ведь он раньше был в Огайо!

— Скажи спасибо, что мы на него набрали! Не умничай!

— А может, и вправду Огайо. Может, мы никогда и не уезжали на Запад.

— Это, — повторил он, — Калифорния.

— Город-то как называется?

— Холодная Вода.

— А ты откуда знаешь?

— Уж больно жарко. Холодная Вода, как же еще?

— Ты уверен, что это не Благодатная Долина? Не Тенистый Водопад?

— В такую жару одно лучше другого.

— Может, это город Штормовой в штате Небраска? — с улыбкой сказала она. — Или Клык Дьявола в штате Айдахо. Или Кипящие Пески в Монтане.

— Назови лучше что-нибудь прохладное, — сказал он.

— Мятная Ива, Иллинойс.

— Ох, — выдохнул он, закрыв глаза.

— Снежная Гора, Миссури.

— Все может быть,— сказал он, подтолкнув височную скамью, которая закачалась туда-сюда

— А я знаю самый лучший город,— сказала она.— Город Памятный. Вот мы где. Город Памятный, штат Огайо.

Его молчание, улыбка и довольные глаза, прикрывающиеся в такт движению качелей, подтвердили, что именно туда их и занесло.

— Нас тут не поймают? — Ее охватил внезапный испуг.

— Не поймают, если затихаримся и не будем высовываться.

— Ох,— простонала она.

Потому что в дальнем конце улицы под лучами яркого солнца неожиданно показалась кучка людей, поднимающих пыль, как от вентилятора

— Вон они! Что мы такого сделали, почему за нами гонятся? Мы что, грабители, Том, или воры, или душегубы?

— Нет, но они все равно следили за нами и преследовали до Огайо.

— Ты ведь, кажется, сказал, что это Калифорния?

Он закинул голову назад и уставился в раскаленное небо, сказав:

— Я теперь и сам не знаю. Может быть, они город передвинули?

Незнакомцы, находящиеся поблизости, в своем пыльном мирке, в это время сделали остановку. Из-под деревьев слышались их лающие голоса.

— Надо бежать, Том! Давай-ка двигаться. — Она дернула его за локоть, пытаясь поставить на ноги.

— погоди. Что-то здесь не сходится. Город... — Он заскользил на качелях, вытаращив глаза и открыв рот. — Дом этот. Крыльцо какое-то подозрительное. Было ведь три ступеньки. А теперь четыре.

— Ничего подобного!

— У меня ноги сразу неладное почуяли. И эти стекла в дверном окошке — синие и красные. А были оранжевые и белые.

Он сделал усталый жест рукой.

— И мостовые, и деревья, и дома. Весь этот чертов город. Не могу его понять.

Вглядевшись повнимательнее, она начала понимать, в чем дело. Кто-то огромной ручищей сгреб весь знакомый город ее детства — церкви, гаражи, окна, крылечки, чердаки, кусты, лужайки, фонарные столбы — и высыпал в плавильную печь, где был такой жар, что все растеклось и покособилось. Дома либо раздались вширь, став огромными, либо сжались, уменьшившись в размерах, тротуары перекошились, шпили вытянулись. Тот, кто склеивал город после этого происшествия, видно, потерял чертежи. Красивый получился городок, да не тот.

— Да,— прошептала она.— Верно говоришь. Я раньше каждую выбоину знала — на роликах весь город вдоль и поперек объездила. А теперь что-то не признаю.

Незнакомцы добежали до их дома и свернули в узкий переулок.

— Окружают,— сказала она.— Сейчас нас застукают.

— Не знаю,— сказал он.— Может, да, может, нет.

Они сидели неподвижно, прислушиваясь к жаркой зеленой тишине.

— Я знаю, чего мне хочется,— сказала она.— Хочется мне войти в дом, открыть холодильник, напиться холодного молока и заглянуть в кладовку, там связки бананов к потолку подвешены, а в хлебнице пончики с сахарной пудрой остались.

— Даже не думай заходить в дом,— сказал он с закрытыми глазами.— Пожалеешь.

Она наклонилась, изучая его худощавое лицо.

— Сдрейфил.

— Я?

— Боишься сделать такую простую вещь — открыть входную дверь!

— Да,— признался он наконец.— Боюсь. Бежать нам некуда. Они нас скрутят и отвезут назад.

Засмеявшись, она сказала:

— Странная там обслуга была, честное слово!

Не хотели с нас деньги брать за проживание. А у горничных-то халатики белые, крахмальные.

— Окна там непонятные,— вспомнил он.— Решетками забраны. Помнишь, я притворился, будто ножовкой металл пилю,— сколько народищу сбежалось.

— Да, было дело. А почему они всегда бегом?

— Да потому, что мы слишком много знаем, вот почему.

— Я, например, ничего не знаю,— сказала она.

— Они тебя ненавидят тебя за то, что ты — это ты, а меня за то, что это я.

Вдалеке слышались голоса.

Женщина достала из кармана завернутое в мягкий носовой платок зеркальце, подышала на него, протерла и приветливо улыбнулась.

— Вот видишь, жива. А раньше, бывало, растянусь на полу и говорю себе: все, я умерла, больше никто не будет надо мной изгаляться. Так они меня водой обливали, чтоб я на ноги встала.

С криками из-за угла в пятидесяти метрах от них выбежала группа из шести человек; они бросились к дому, где на качелях, обмахиваясь руками от жары, сидели мужчина и женщина.

— Что ж мы такого сделали, что на нас охота идет? — поразилась женщина.— Они нас с тобой убить хотят?

— Нет, они даже ругаться не будут, начнут нас тихонько уговаривать, а потом увезут из города.

Вдруг он подскочил.

— Ну, что еще? — вскрикнула женщина.

— Пойду-ка маму твою разбужу, — сказал он. — Сядем за круглый стол в гостиной и будем есть слоеный пирог с персиками и взбитыми сливками, а когда эти люди постучатся в дверь, твоя маменька просто скажет: убирайтесь вон. А кушать мы будем с серебряных тарелок, которые твоя мама получила через газету «Чикаго трибьюн» в двадцать восьмом году — с портретами Томаса Мейгана и Мэри Пикфорд.

Повеселев, она подхватила:

— Заведем патефон и поставим песню «Три дерева — здесь, тут и там».

— Послушай, — сказал он, — надо нам отрываться.

Те шестеро заметили мужчину и женщину на полутемной веранде и с криками бросились вперед.

— Быстрее! — закричала женщина. — Беги в дом, зови маму и сестру — да не мешкай, за нами уже идут!

Он широко распахнул входную дверь.

Она бросилась за ним, хлопнула дверью и уставилась перед собой.

За фасадом дома не было ничего — только стойки, брезент, доски да лужайка и ручей. По обеим сторонам торчали софиты. На одной внутренней стенке, сделанной из папье-маше, осталась вывеска: ПАВИЛЬОН № 12.

По крыльцу застучали шаги.

Дверь с грохотом распахнули. Через порог ввалились какие-то люди.

— Ой! — завопила женщина. — Стучаться надо!

Когда пересекаются пути

Когда это выяснилось, им сначала не верилось, что такое бывает. Дейв Лейси не мог, а Теда не решалась поверить. Оба испытали легкий шок. изумление, потом растерянность и смешанное ощущение чуда и грусти.

— Нет, не может быть,— повторяла Теда, сжимая ему руку.— Это просто невероятно. В тысяча девятьсот тридцать третьем я ходила в Центральную школу, в восьмой класс, а ты...

— Вот именно,— подхватил Дейв, захлебываясь от восторга.— В тридцать третьем я оказался в Брентвуде, штат Иллинойс, а там, клянусь тебе, полгода кантовался в общежитии Ассоциации молодых христиан напротив Центральной школы, прямо через дорогу. В Чикаго у моих предков возникли сложности с разводом, и они сплавили меня куда подальше с апреля по сентябрь.

— Господи.— У нее вырвался вздох.— На каком этаже была твоя комната?

— На пятом,— ответил он.

Протянув ей раскуренную сигарету, он зажег вторую для себя и прислонился к кожаной стене коктейль-бара под названием «Ла Бомба». Где-то в полумраке играла негромкая музыка; они ее не слышали. Щелкнув пальцами, он сказал:

— Обедать я ходил к «Майку», это на той же улице, полквартала от общаги.

— «У Майка»? — воскликнула Теда.— Я там тоже бывала. Мама считала, что это отвратительный, грязный притон, так что я бегала туда тайком. Господи, Дэвид, столько лет минуло, а нам и в голову не приходило!

Посмотрев на нее невидящим взглядом, устремленным в прошлое, он сказал:

— Надо же, я ходил туда ежедневно, ровно в полдень. Садился у дальнего окна, чтобы разглядывать школьниц в ярких платьицах.

— А теперь мы с тобой в Лос-Анджелесе, на расстоянии двух тысяч миль и десяти лет, когда мне уже двадцать четыре,— сказала Теда,— а тебе двадцать девять, и только сейчас встретились!

Он недоумевающе покачал головой.

— Как же вышло, что я тогда тебя не нашел?

— Может быть, тогда нам не суждено было встретиться.

— А может быть,— сказал он,— я просто робел. Девушкам приходилось самим проявлять инициативу. Я носил очки в роговой оправе, и выделялся я книжками под мышкой, а не мускулами. Боже, Теда, милая, у Майка я слопал столько гамбургеров, сколько тебе не снилось.

— С крупными кусками лука,— сказала Теда.— А еще оладьи с сиропом. Помнишь? — Она задумалась, и ей трудно было смотреть на него.— Я не помню тебя, Дейв. Я прокрутила память на десять лет назад, порылась — но тебя не увидела. По крайней мере такого, как сейчас.

— Может быть, ты меня отшила?

— Может быть, если ты заигрывал.

— Нет, помню, что смотрел я только на одну блондинку.

— Девушка-блондинка в Брентвуде в тридцать третьем,— сказала Теда.— В полдень у Майка, в весенний день.— Она стала вспоминать.— Как была одета?

— Помню только синюю ленту у нее в волосах, завязанную большим бантом, и еще впечатление от синего платья в горошек и только начинающих подниматься молодых грудей. Да, хорошенькая была.

— Ты помнишь ее лицо, Дейв?

— Помню только, что она была красивая. По прошествии времени лица из толпы растворяют-

ся в памяти. Попробуй вспомнить всех, кого встречала на улице, Теда.

— Если бы,— сказала она, закрыв глаза,— я тогда знала, что встречу тебя спустя годы, я бы тебя не пропустила.

Он иронически засмеялся.

— Но ты ведь этого не знала. Каждую неделю, каждый год видишь массу людей, и большинству из них суждено кануть в забвение. Единственное, что остается на потом,— это оглядываться на смутные мгновения тех лет и вспоминать, где твоя жизнь мельком коснулась жизни другого. Тот же город, то же кафе, та же еда, тот же воздух, но два разных пути и образа жизни, не знающие друг друга.— Он поцеловал ей пальцы.— Мне тоже следовало искать тебя. Но единственная девушка, на которую я обратил внимание, была блондинка с бантом в волосах.

Это ее раздосадовало, и она сказала:

— Мы жили бок о бок, проходили мимо друг друга на улице. Подумать только, в летние вечера, могу спорить, ты ходил к озеру на гуляния.

— А как же, ходил. Смотрел, как в воде отражаются цветные огни, и слушал у карусели музыку, летящую к звездам.

— Помню, помню,— подхватила она увлеченно.— А может, ты и на вечерние сеансы в «Академию» ходил?

— В то лето я посмотрел картину с Гарольдом Ллойдом «Приветствуйте опасность».

— Да, да. Я тоже смотрела. А вместо журнала шла короткометражка, где Рут Эттинг пела «Свети, урожайная луна, вслед отскочившему мячу».

— Ну у тебя и память, — сказал он.

— Дорогой, это же так близко — и все же так далеко. Ты понимаешь, что целых полгода мы чуть ли не натыкались друг на друга. Это убийственно! Те несколько месяцев рядом и потом десять лет до нынешнего года. Так вечно бывает. Наши знакомые живут в квартале от нас в Нью-Йорке, мы совершенно не видимся с ними, а потом отправляемся в Милуоки и встречаемся с ними в гостях. Завтра вечером...

Она умолкает. Лицо у нее бледнеет, когда она сжимает его сильные загорелые пальцы.

Слабый свет играет на его лейтенантских погонах, помигивая странными гипнотическими бликами.

Ему приходится медленно закончить за нее:

— Завтра вечером я опять уезжаю. За границу. Чертовски скоро, так чертовски скоро.

Он сжал пальцы в кулак и стал беззвучно колотить о столешницу. Через некоторое время он посмотрел на часы и сказал:

— Надо идти, дорогая. Уже поздно.

— Нет,— сказала она, посмотрев на него.— Пожалуйста, Дейв, еще чуть-чуть. У меня кошмарнейшее чувство. Ужасно страшно. Прости.

Он закрыл глаза, открыл их, посмотрел вокруг, разглядел лица. Теда сделала то же самое. Вероятно, у них возникли одинаковые непрошенные мысли.

— Посмотри вокруг, Теда,— сказал он.— Запомни все эти лица. Возможно, если я не вернусь, ты встретишь кого-то вновь, будешь встречаться с ним шесть месяцев и вдруг обнаружишь, что ваши пути уже пересекались — одним июльским вечером тысяча девятьсот сорок четвертого в коктейль-баре «Ла Бомба» на Санстрип в Голливуде. И ты — ах да! — ты в тот вечер была с лейтенантом по имени Дэвид Лейси — что, интересно, с ним случилось? А-а, он ушел на войну и не вернулся — и, черт побери, ты узнаешь, что одно из этих лиц смотрело в нашу сторону, когда я разговаривал с тобой, восхищался твоей красотой и повторял: «Люблю тебя, люблю тебя». Запомни эти лица, Теда, и, может быть, они запомнят нас и...

Ее пальцы прижались к его губам, останавливая любые новые слова. Она была в слезах и в страхе, и от моргания в глазах у нее образовалась пленка, сквозь которую она видела вереницу обращенных к ней лиц и думала обо всех путях и судьбах, и это было ужасно: будущее, Дэвид...

Теда опять посмотрела на Дэвида и прижалась к нему, вновь и вновь повторяя, что любит.

И весь оставшийся вечер он был пареньком в роговых очках, с книгами под мышкой, а она — златокудрой девочкой с синей-синей лентой в длинных блестящих волосах...

Мы с мисс Эпплтри

Никто не помнил, как появилась мисс Эпплтри. Казалось, она существует уже многие годы. Всякий раз, когда Норе не удавалось печенье или когда она садилась за завтрак с ненакрашенными губами, Джордж, смеясь, говорил: «Смотри у меня! Убегу с мисс Эпплтри!»

Или когда Джордж проводил вечер с друзьями и возвращался домой слегка не в форме, помятый жерновами времени, Нора обычно говорила:

— Ну, как там мисс Эпплтри?

— Прекрасно, прекрасно,— говорил Джордж.— Но я люблю тебя одну, Нора. Как хорошо дома.

Как видите, мисс Эпплтри была в доме многие годы, невидимая, как запах травы в апреле или как аромат листьев каштана, опадающих в октябре.

Джордж даже описал ее:

— Рослая.

— У меня рост пять футов семь дюймов без каблуков,— сказала Нора.

— Грациозная, — сказал Джордж.

— С возрастом я стала немного полнеть, — признала Нора.

— И волосы золотистые, как у феи, — добавил Джордж.

— У меня волосы становятся серыми, как у мышки, — сказала Нора. — А раньше блестели, как солнце.

— Немногословная, — сказал Джордж.

— А я люблю посплетничать, — откликнулась Нора.

— И меня любит безоглядно, страстно, без тени сомнения в уме или душе, дико, безумно, — сказал Джордж, — как ни одна разумная женщина никогда не смогла бы полюбить такого жалкого, старого мямлю-трутня, как я.

— По твоим словам, она у тебя настоящая лавина, — сказала Нора.

— Да, но знаешь, — сказал Джордж, — когда лавина скатывается дальше и нужно продолжать жить, я всегда обращаюсь к тебе, Нора. Мисс Эплтри совершенно невозможна. Я всегда возвращаюсь к своей одной-единственной любви, к женщине, которая сомневается, что я, в конце концов, бог, к женщине, которая знает, что я сую правую ногу в левый башмак, и настолько дипломатична, что в такой момент подает мне два правых башмака, женщина, которая понимает, что я флюгер для

любого ветра, и тем не менее никогда не пытается внушать мне, что солнце встает на востоке и садится на западе. Так почему же я заблудился? Нора, ты знаешь каждую пору на моем лице, каждую волосинку у меня в ухе, каждую пломбу в зубах — но я люблю тебя.

— Всего хорошего, мисс Эпплтри,— сказала Нора.

Так проходили годы.

— Дай-ка мне молоток и гвозди,— сказал однажды Джордж.

— Зачем? — спросила жена.

— Да вот этот календарь,— сказал он.— Хочу прибить. Листки падают, как оброненная колода карт. Боже правый! Мне сегодня стукнуло пятьдесят! Дай сюда молоток!

Она подошла и чмокнула его в щеку.

— Тебя это не слишком огорчает, верно?

— Вчера меня это не огорчало,— ответил он.— А сегодня бесит. Что такого в этом накоплении десятков, что так пугает мужчину? Когда человеку двадцать девять лет и девять месяцев, это его не волнует. Но когда исполняется тридцать — чертям тошно делается, жизнь окончена, любовь прошла, карьера идет под откос или летит в трубу — на выбор. И человек проходит следующие десять, двадцать лет, минуя тридцатилетие, сорокалетие и двигаясь к пятидесятилетию, разумно

не касаясь времени, не пытаясь цепляться за жизнь из всех сил, давая ветру дуть и реке течь. Но боже милостивый, неожиданно ты достигаешь пятидесятилетия, этой милой круглой цифры, солидного итога, и тут — бах! Депрессия и ужас. Куда ушли годы? Что ты сделал за свою жизнь?

— Ты вырастил дочь и сына, которые рано создали семьи и живут самостоятельно, — сказала Нора. — Ими можно гордиться!

— Это так, — сказал Джордж. — И все же в такой день, как сегодня, в середине мая, ощущение грустное, осеннее. Ты меня знаешь: я человек настроения. Сын Томаса Вулфа: «О время, о река, гонимые ветры, потерян я, потерян навсегда».

— Тебе нужна мисс Эпплтри, — сказала Нора. Он удивился и переспросил:

— Что мне нужно?

— Мисс Эпплтри, — сказала Нора. — Та леди, которую мы придумали давно-давно. Высокая, грациозная, без ума от тебя. Великолепная мисс Эпплтри. Дочь Афродиты. Всем мужчинам, которым перевалило за пятьдесят, всем мужчинам, которым жалко себя и грустно, нужна мисс Эпплтри Любовь.

— Что ты, Нора. У меня же есть ты, — сказал он.

— Да, но я уже не так молода и не так хороша собой, как прежде, — сказала Нора, взяв его за ру-

ку. — Раз в жизни каждый мужчина должен гульнуть.

— Ты и вправду так думаешь? — спросил он.

— Я это знаю!

— Но это ведет к разводам.

— Нет, если у жены есть голова на плечах, это ей не грозит. Если она понимает, что он не подличает, а просто взгрустнул, немного не в себе, устал и запутался.

— Мне известно немало мужчин, которые сбежали с мисс Эпплтри — они бросили жен и детей, поломали себе жизнь.

С минуту он поразмыслил, а потом добавил:

— Я много думаю об этом, каждый день, каждый час, каждую минуту. Не следует так много думать о молодых женщинах. Нехорошо это и, возможно, связано с какой-то силой природы; видимо, мне не следует об этом думать, во всяком случае, так много и напряженно.

Когда он оканчивал завтрак, в дверь позвонили. Он и Нора посмотрели друг на друга, и тут слышался легкий стук.

У него был такой вид, будто он хочет встать, но не может себя заставить, так что Нора поднялась и пошла к входной двери. Она медленно повернула ручку и выглянула. За этим последовал разговор.

Он прикрыл глаза и стал слушать, и ему слышалось, как на крыльце разговаривают две жен-

щины. Один голос был тихий, а второй, казалось, набирал силу.

Через несколько минут Нора вернулась к столу.

— Кто это был? — спросил он.

— Представительница торговой фирмы, — сказала Нора.

— Кто-кто?

— Представительница торговой фирмы.

— Что она предлагала купить?

— Она говорила так тихо, что я почти ничего не могла разобрать.

— Как ее зовут?

— Не расслышала, — сказала Нора.

— А как она выглядела?

— Рослая.

— Насколько?

— Очень высокая.

— Приятная внешность?

— Приятная.

— Какого цвета волосы?

— Как солнечный свет.

— Неужто?

— Так, — сказала Нора. — Вот что я тебе скажу. Допивай кофе. Поднимайся из-за стола. Иди в спальню и ложись в постель.

— Повтори, что ты сказала.

— Допивай кофе, поднимайся... — сказала она.

Он пристально посмотрел на нее, медленно взял чашку, выпил все до капли и начал подниматься со стула.

— погоди,— сказал он,— я же не болен. Зачем мне после завтрака ложиться в постель?

— Вид у тебя неважный,— сказала Нора.— Я требую. Ступай в спальню, раздевайся и ложись.

Он медленно поднялся из-за стола и пошел вверх по ступенькам, а там как-то незаметно разделся и лег. Как только голова его коснулась подушки, ему пришлось бороться со сном.

Через несколько мгновений в тускло освещенной утренним светом спальне он угадал какое-то движение.

Он почувствовал, что кто-то лег на кровать лицом к нему. С закрытыми глазами он услышал свой голос, который неуверенно произнес:

— Что такое? Кто здесь?

С другой подушки промурлыкал голос:

— Мисс Эпплтри.

— Кто-кто? — переспросил он.

— Мисс Эпплтри,— ответили ему шепотом.

Литературные встречи

Так продолжалось уже долгое время, но она, видимо, заметила это только нынешним осенним вечером, когда Чарли выгуливал их пса, а она шла из продуктового магазина. Женаты они были уже год, но почти никогда не сталкивались на улице, словно посторонние.

— Боже мой, какая встреча, Мари! — Он взволнованно подхватил ее под руку и, сверкая темными глазами, шумно набрал полные легкие колючего воздуха. — Но вечер на самом деле одинокий!

— Хороший вечер. — Она бросила на него невозмутимый взгляд; они уже шли к дому.

— Октябрь, — со страстью в голосе произнес он. — Боже, это мой любимый месяц, готов его поедать, вдыхать, втягивать запахи. Ах, этот мятежный и печальный месяц. Смотри, как от встречи с ним зарделась листва. В октябре мир объят пламенем; невольно вспоминаешь обо всех умерших, с которыми не суждено больше встретиться. — Он крепко сжал ее пальцы.

— Минутку. Собака хочет остановиться.

Они постояли в холодной тьме, пока собака тыкалась носом в облюбленный ствол дерева.

— Боже, принюхайся — это не воздух, а фимиам! — восторгался муж. — Сегодня я ощущаю себя великаном, который способен шагать по земному шару, срывая с неба звезды и пробуждая вулканы!

— С утра у тебя голова болела — сейчас отпустило? — мягко спросила жена.

— Все прошло. Боль не вернется! Да и кто в такой вечер вспоминает о головной боли! Послушай, как шелестят листья! Послушай, как ветер играет ветвями, сбросившими плоды! Но право же, какое одиночество, какая растерянность, куда мы движемся — забытые, неприкаянные, — по кирпичным мостовым бурлящих городов и заброшенных деревень, где даже не останавливаются ночные поезда? Как хочется сейчас быть в пути, уноситься вдаль, куда глаза глядят, лишь бы оставаться в гуще октября, пить его необузданность, его сладостную грусть!

— Давай сядем на троллейбус и поедем в Чессман-парк — там красиво, — согласно кивая, предложила она.

Он вскинул руку, поторапливая завозившегося пса, и сказал:

— Нет, я имел в виду настоящее путешествие! Через реки, по горам, мимо холодных кладбищ и

затаившихся деревушек, где давно погас свет и ни одна живая душа не знает, что ты мчишься сквозь ночь по звенящим стальным рельсам.

— Ну, тогда можно взять билеты на «Северный экспресс» и съездить на выходные в Чикаго, — сказала она.

Он с жалостью покосился на нее в темноте и сжал ее узкую прохладную ладонь в своей сильной руке.

— Нет, — выговорил он с величественной простотой. — Нет. — Он повернулся к ней лицом. — Мы идем домой. На грандиозный ужин. Заказываю себе три бифштекса — мечту гурмана. Редкие красные вина, пряные соусы и целую фарфоровую лохань обжигающего супа-пюре, а на десерт — ликер и...

— На ужин — свиные отбивные с горошком. — Она отперла входную дверь.

По пути на кухню она сбросила шляпку. Шляпка приземлилась на раскрытой книге Томаса Вулфа «О времени и о реке», которая лежала под переносной лампой. Мельком посмотрев на Чарли, жена побежала проверить, не осталось ли в доме пары картофелин.

Минуло три ночи, в течение которых он при порывах ветра беспокойно метался в постели. С напряженным вниманием изучал оконное стекло,

в которое стучалась осенняя непогода. Потом успокоился.

На следующий вечер, когда она вошла в дом, сняв с веревки высушенные простыни, он сидел в своем библиотечном кресле с сигаретой, прилипшей к нижней губе.

— Выпьем? — спросил он.

— Давай, — ответила она.

— Чего тебе?

— В каком смысле «чего тебе»?

На его бесстрастном, холодном лице мелькнула тень раздражения.

— Чего тебе налить?

— Виски, — ответила она.

— С содовой?

— Да, — сказала она, почувствовав, что лицо ее принимает такое же бесстрастное выражение.

Подойдя к бару, он достал два бокала размером с вазу и небрежно плеснул спиртного.

— Годится? — Он протянул ей бокал.

Она изучила виски на свет.

— Прекрасно.

— Что на ужин? — Его глаза холодно смотрели поверх кромки бокала.

— Бифштекс.

— С картофельными оладьями? — Он поджал губы.

— Точно.

— Ай да молодчина.— Он слабо хохотнул и, прикрыв глаза, опрокинул виски в свой жесткий рот.

Она подняла бокал.

— За удачу.

— Правильно.— Он со смущенным видом обдумывал ее тост, обводя глазами комнату.— Еще?

— Можно,— сказала она.

— Вот умница,— похвалил он.— Умница моя.

В бокал полилась содовая. Ее шипение навредило на мысль о пожарном шланге, оставленном без присмотра. Чарли, взяв с собой бокал, отошел и утонул, как ребенок, в необъятном библиотечном кресле. Прежде чем погрузиться в чтение романа Дэшила Хэммета «Мальтийский сокол», он попросил, растягивая слова:

— Позови, когда будет мой ход.

Ее рука, вертевшая бокал, смахивала на белого тарантула.

— Шах,— ответила она.

Она понаблюдала за ним еще неделю. Ловила себя на том, что почти все время пребывала в мрачности. Несколько раз она готова была закричать.

Так продолжалось до тех пор, пока однажды, сев за ужин, он не сказал:

— Мадам, у вас сегодня чрезвычайно изысканный вид.

— Спасибо.— Она передала ему кукурузу.

— Сегодня в конторе произошел из ряда вон выходящий случай,— поведал он.— Туда явился некий джентльмен, дабы осведомиться о состоянии моего здоровья. «Сэр,— сказал я учтиво,— находясь в полном равновесии души и тела, я не нуждаюсь в ваших услугах».— «Разумеется, сэр,— сказал он,— но я, как представитель такой-то и такой-то страховой компании, желаю лишь вручить вам этот превосходный, абсолютно безукоризненный полис». Мы мило побеседовали, вследствие чего я стал гордым обладателем нового полиса страхования жизни, гарантирующего выплату страховой суммы в двойном размере и другие преимущества, которые защитят вас, любезнейшая дама моего сердца, в любых житейских обстоятельствах.

— Как удачно,— сказала она.

— Возможно, вам будет столь же приятно узнать,— сказал он,— что за минувшие четыре дня, считая с вечера четверга, я познакомился и сроднился с разумной и уверенной манерой письма некоего Сэмюэля Джонсона. Сейчас я дочитал до середины его книгу «Жизнь Александра Попа».

— Я так и думала,— сказала она,— по тебе заметно.

— А? — переспросил он, светским жестом поднимая нож и вилку.

— Чарли,— начала она мечтательно,— не мог бы ты сделать мне большое одолжение?

— Какое угодно.

— Чарли, помнишь то время, когда мы только поженились — год назад?

— Ну конечно, до мельчайших трогательных подробностей!

— Хорошо, Чарли, а помнишь ли ты, какие книги читал, когда за мной ухаживал?

— Разве это существенно, дорогая?

— Еще как.

Нахмурившись, он попытался напрычь память.

— Не могу сказать,— признался он через некоторое время.— Но к ночи, возможно, припомню.

— Да уж, пожалуйста,— подстегнула она.— Видишь ли, дело в том, что я хочу тебя попросить вновь обратиться к тем же книгам, независимо от жанра, которые ты читал на заре нашего знакомства. Тогда ты просто сразил меня своим обхождением. Но с тех пор ты... переменялся.

— Переменялся? Я? — Он отшатнулся, будто от холодного сквозняка.

— Мне хочется, чтобы ты их перечитал,— повторила она.

— Но почему?

— Потому что.

— Чисто женская логика.— Он хлопнул себя по колену.— Но я постараюсь. Как только вспомню, перечту их все до одной.

— И еще, Чарли, пообещай, что будешь читать их ежедневно, всю оставшуюся жизнь?

— Ваше желание, любезнейшая, для меня — закон. Будь добра, передай солонку.

Но он не сумел вспомнить заглавия тех книг. Вечер тянулся нескончаемо, а она, кусая губы, все рассматривала свои пальцы.

Ровно в восемь она подскочила, воскликнув:

— Я сама вспомнила!

Через считанные мгновения она уже мчалась в автомобиле по темным улицам в книжный магазин, где, смеясь, купила десять книг.

— Спасибо! — сказал продавец. — Заходите еще!

Ее проводил звон колокольчиков над дверью.

Чарли обычно читал по ночам, засиживаясь иногда часов до трех, и добирался до постели на ощупь, когда глаза уже ничего не видели.

Сейчас, в десять часов, прежде чем лечь спать, Мари проскользнула в библиотеку, молча выложила все десять купленных книг и на цыпочках удалилась.

Подсматривая в замочную скважину, она думала, что сердце у нее выпрыгнет из груди. Ее трясло, как в лихорадке.

Через некоторое время Чарли поднял взгляд на письменный стол. Заметив новые книги, он прищурился. А после недолгих колебаний закрыл том Сэмюэля Джонсона, но не сдвинулся с места.

— Ну давай! — шептала Мари в скважину. — Давай же ты! — От волнения у нее перехватывало дух.

Чарли задумчиво увлажнил губы, а потом не спеша протянул руку. Взяв одну из новых книг, он открыл ее, устроился в кресле и стал читать.

Тихо напевая себе под нос, Мари отправилась спать.

Наутро он ввалился в кухню с радостным криком:

— Привет, красавица! Привет, милое, удивительное, доброе, понимающее создание, живущее в этом огромном, бескрайнем, прекрасном мире!

Ее взгляд лучился счастьем.

— Сароян? — уточнила она.

— Сароян! — воскликнул он, и они приступили к завтраку.

Америка

Здесь есть мечта, которая зовет
Тех, кто берет билет на самолет
И в поздний час среди небесных трасс
Гадает: к счастью иль к беде?
А мы, как рыбыны в воде,
Плывем, считая: всюду так, свободен всяк
И пруд бескрайний — сам себе кумир.
Но дальний мир
Не виден нам, глупцам.
Пристало ль нам бранить других,
Кто по воде, по небесам стремится к нам?
Но мы твердим: уж слишком много их.
А сами ищем рай себе на старость —
Любой далекий край,
Чтоб в нем прожить, сколь нам осталось.
«Опомнитесь!» — увещевает Чад.
«Вы спятили? — арабы вопиют. —
Мы отдали б себя, чтобы забыть тот ад.
Неужто взгляд ваш слеп? Свободы воздух —
хлеб.
Свободы роща — ваш приют,
Так развернитесь к ней лицом,
Дышите каждым деревцом».

Но нет. Для нас — само собой
Свобода, что дарована судьбой.
Десятки, сотни рвутся каждый день
Под эту сень
Из мира, что нещадно их исторг.
Спроси у них: Америка плоха?
Ответ — в глазах. Ну что таить греха?
А мы: «Ах, что за шум, к чему такой
восторг?»
Пойми — вдали от бедствий и войны
Все люди счастья попытать вольны.
А ты цветной листаешь каталог,
Процент высчитываешь, глядя в потолок,
И невдомек тебе, что здесь — магнит,
Мечта, которая манит.

Примечания

С. 53. *Подломится ветка* — фраза из детского стишка о колыбельке, висящей на дереве: «Подломится ветка — и выпадет детка».

С. 64. «*У нас всегда будет Париж*» — фраза из фильма «Касабланка».

С. 137. ...«*Братья Ринглинг*», объединившись с «*Барнумом и Бейли*»... — «Барнум и Бейли» — первый из крупнейших американских цирков; основан одним из столпов американской индустрии развлечений Финеасом Барнумом (1810–1891) и предприимчивым импресарио Джеймсом Бейли (1847–1906). В 1891–1906 гг. им руководил Бейли, а после его смерти цирк был куплен конкурентами, братьями Ринглинг, которые стояли во главе цирковой империи, но предпочли управлять «Барнумом и Бейли» как отдельным цирком, сохранив его название.

С. 141. *Пиета* (от лат. *pietas*, благочестие) — в христианской живописи и скульптуре изображение Девы Марии, поддерживающей тело Иисуса. Эта тема, не имеющая литературного источника, зародилась в XIV в.

С. 212. *Город Памятный, штат Огайо*. — Здесь и далее в рассказе топонимы говорящие: Remembrance (букв.

«Памятный»), Coldwater (букв. «Холодная Вода»), Mellow Glen (букв. «Благодатная Долина»), Breezeway Falls (букв. «Тенистый Водопад»), Inclement (букв. «Штормовой»), Devil's Prong (букв. «Клык Дьявола»), Boiling Sands (букв. «Кипящие Пески»), Mint Willow (букв. «Мятная Ива»), Snow Mountain (букв. «Снежная Гора»).

С. 222. ...с портретами Томаса Мейгана и Мэри Пикфорд. — Томас Мейган (тж. Мигэн) (1879–1936) — популярнейший актер немого кино. Его партнершами в различных фильмах были такие звезды, как Мэри Пикфорд, Глория Свенсон, Норма Толмедж и многие другие.

С. 224. Ассоциация молодых христиан (Young Men's Christian Association, YMCA) — одна из крупнейших молодежных организаций в мире, основана в Лондоне в 1844 г. Джорджем Уильямсом (1821–1905). Насчитывает около 45 млн участников более чем в 130 странах мира. В России YMCA (или ИМКА) зарегистрирована в 1998 г.

С. 228. В то лето я посмотрел картину с Гарольдом Ллойдом «Приветствуйте опасность». — Гарольд Ллойд (1893–1971) — знаменитый американский актер немого кино, комик. «Приветствуйте опасность» (1929) — первый звуковой фильм с его участием.

Рут Эттинг (1896–1978) — одна из наиболее популярных в США эстрадных певиц двадцатых — тридцатых годов XX в.

С. 229. Санстрип, Сансет-стрип — наиболее знаменитая часть (протяженностью в полторы мили) бульвара Сансет в Голливуде. Известна своими модными бутиками, ресторанами, ночными клубами.

С. 231. ...*рост пять футов семь дюймов*... — то есть 170 см.

С. 234. *Томас Вулф* (1900–1938) — американский писатель. Его романы «Взгляни на дом свой, ангел» (1929), «О времени и о реке» (1935) и изданные посмертно «Паутина и скала» (1939) и «Домой возврата нет» (1940) рисуют столкновение героя с миром мещанской косности и меркантилизма.

С. 242. ...*погрузиться в чтение романа Дэшила Хэммета «Мальтийский сокол»*... — Дэшил Хэммет (1894–1961) — американский писатель, один из родоначальников жанра реалистической детективной прозы. Автор романов «Кровавая жатва» (1929), «Мальтийский сокол» (1930), «Стеклянный ключ» (1931) и др.

С. 243. *Сэмюэл Джонсон* (1709–1784) — видный английский прозаик, поэт, моралист, биограф, редактор и литературный критик. Прославился также как выдающийся лексикограф.

Александр Поп (тж. Поуп, 1688–1744) — крупнейший английский поэт, сатирик и переводчик. Считается наиболее цитируемым английским автором.

С. 246. *Сароян, Уильям* (1908–1981) — американский писатель и художник-абстракционист, лауреат Пулицеровской премии. Расцвет его творчества пришелся на годы Великой депрессии, когда он прославлял радость жизни вопреки нищете, голоду и неустроенности.

Елена Петрова

Содержание

Предисловие. Наблюдаем и пишем	7
Массинелло Пьетро	9
Посещение	26
Гольф по ночам	34
Убийство	42
Подломится ветка	53
У нас всегда будет Париж	58
У нас в гостях маменька Перкинс	66
Парная игра	93
Собачья служба	97
Туда и обратно	105
Кто смеется последним	122
Летняя пиета	136
Улети на небо	143
Обратный ход	161
Пойдем со мной	171
Балтимор не близок	187

Переселение душ	193
Город Памятный, штат Огайо	212
Когда пересекаются пути	224
Мы с мисс Эпллтри	231
Литературные встречи	238
Америка	247
Примечания	249

Литературно-художественное издание

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Рэй Брэдбери

У НАС ВСЕГДА БУДЕТ ПАРИЖ

Редактор А. Гузман
Художественный редактор А. Стариков
Технический редактор О. Шубик
Корректоры Л. Ершова, М. Ахметова

ООО «Издательский дом «Домино».
191014, Санкт-Петербург, ул. Некрасова, д. 60.
Тел./факс (812) 272-99-39. E-mail: dominospb@hotmail.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 12.01.2011.
Формат 70х90¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,33.
Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 894.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ISBN 978-5-699-42780-2

9 785699 427802 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо»
зарубежными оптовыми покупателями**
обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: International@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
International@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,**
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2115, 2117, 2118.
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо»: 142700, Московская обл., Ленинский р-н,
г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5.
Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanpc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanpc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс: (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

WE'LL ALWAYS HAVE PARIS

RAY BRADBURY

Рассказы, вошедшие в этот сборник, созданы двумя авторами. Один из них наблюдает, а другой записывает. Во мне с давних пор уживаются эти двое; они руководствуются одним девизом, который целых семьдесят лет висит у меня над пишущей машинкой: «Не рассуждай — делай».

Ни один из этих рассказов специально не планировался — каждый возник в результате взрыва или импульса. Взрыв идей временами достигает огромной, сокрушительной силы, а импульс может оказаться едва уловимым — приходится его лелеять, чтобы не загубить.

Всякий раз я брался за перо потому, что не мог иначе. Для меня писать рассказы — все равно что дышать. Я смотрю вокруг; нахожу идею, проникаюсь к ней любовью и стараюсь долго не рассуждать. Потом записываю: просто даю ей возможность поскорее выплеснуться на бумагу.

Некоторые сюжеты, полагаю, вас удивят.

И это хорошо. Я и сам удивился, когда они у меня созрели и стали проситься на свет.

Надеюсь, книжка придется вам по душе.

Об этих историях не надо долго рассуждать. Просто постарайтесь, как я, проникнуться к ним любовью.

Прошу!

Рэй Брэдбери

ISBN 978-5-699-42780-2

9 785699 427802 >

ЭКСМО